

ГАУК КО МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА»

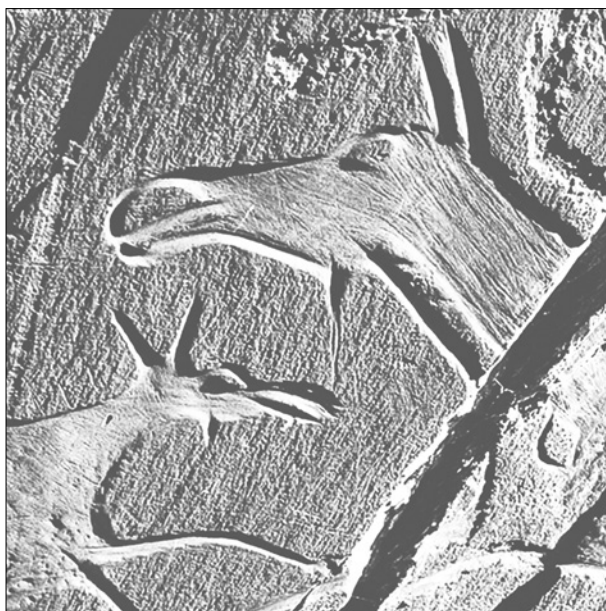

7 / 2018

Учёные
записки
МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА
ТОМСКАЯ
ПИСАНИЦА

ГАУК КО МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА»

Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница»

Выпуск 7

Кемерово
2018

ISSN 2411-7838

Научное издание
Учёные записки музея-заповедника
«Томская Писаница»

Журнал издаётся с 2015 г.,
выходит два раза в год

Учредитель

Государственное автономное учреждение
культуры Кемеровской области
«Историко-культурный и природный
музей-заповедник "Томская Писаница"»
650000, г. Кемерово, ул. Томская, 5а
Тел./факс: (3842) 75 86 33,
e-mail: pisanitsa@mail.ru
Официальный сайт: www.gukmztp.ru

Главный редактор:

А. Н. Мухарева, канд. ист. наук, ст. науч. сотр.
научно-экспозиционного отдела музея-
заповедника «Томская Писаница», доц. ка-
федры археологии Института истории и
международных отношений Кемеровского
государственного университета

Редакционная коллегия:

А. Г. Марочкин, канд. ист. наук, ст. науч. сотр.
лаборатории археологии Института эко-
логии человека, Федеральный исследова-
тельский центр угля и углехимии СО РАН
Е. А. Миклашевич, ст. науч. сотр. научно-
экспозиционного отдела музея-заповед-
ника «Томская Писаница», науч. сотр. Ин-
ститута археологии и этнографии СО РАН,
Вице-президент Сибирской Ассоциации
исследователей первобытного искусства
Е. А. Орлова, канд. ист. наук, ст. науч. сотр.
научно-экспозиционного отдела музея-
заповедника «Томская Писаница»
И. Д. Русакова, канд. ист. наук, науч. кон-
сультант музея-заповедника «Томская
Писаница», науч. сотр. лаборатории архео-
логии Института экологии человека, Феде-
ральный исследовательский центр угля и
углехимии СО РАН

Ответственный секретарь:

С. В. Иванова, ст. хранитель отдела фондов
музея-заповедника «Томская Писаница»

Редактор текстов на английском:

Т. А. Логунов, канд. филол. наук, доц. ка-
федры иностранных языков в профессио-
нальной коммуникации Института исто-
рии и международных отношений Кеме-
ровского государственного университета

Междисциплинарное периодическое из-
дание, нацеленное на публикацию ориги-
нальных исследований, проектов, обзоров,
сообщений, отчётов о конференциях, ре-
цензий на работы по актуальным вопро-
сам теории и практики музееведения, ар-
хеологии и этнологии.

Журнал включен
в национальную базу данных
«Российский индекс научного цитирования»
(РИНЦ, договор № 245-04/2015).
Разделы тематического рубрикатора РИНЦ:
История. Исторические науки
Культура. Культурология

Редакционный совет:

А. М. Стоянов, директор музея-заповедника
«Томская Писаница» – *председатель совета*
Л. Н. Ермоленко, д-р ист. наук, проф. ка-
федры археологии Института истории и
международных отношений Кемеровского
государственного университета, Президент
Сибирской Ассоциации исследователей
первобытного искусства
Л. Ю. Китова, д-р ист. наук, проф. кафедры
археологии Института истории и междуна-
родных отношений Кемеровского государ-
ственного университета
А. И. Мартынов, д-р ист. наук, проф. ка-
федры археологии Института истории и
международных отношений Кемеровско-
го государственного университета, ака-
демик РАЕН, главный специалист музея-
заповедника «Томская Писаница»
Д. Г. Савинов, д-р ист. наук, проф. кафедры
археологии Института истории Санкт-
Петербургского государственного универ-
ситета, чл.-кор. Германского Археологиче-
ского Института

Сдано в набор 05.07.2018. Подписано в печать 17.07.2018.
Формат 60×84^{1/8}. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,1. Тираж 300 экз. Заказ № 145

Отпечатано в ООО «АИ Кузбассвузиздат».
Адрес издательства и типографии ООО «АИ «Кузбассвузиздат»
650099, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, 60Б.
Тел. 8 (3842) 36-36-00.
E-mail: 58293469@mail.ru, vuzizdat@gmail.com

© ГАУК КО «Историко-культурный и природный
музей-заповедник "Томская Писаница"»

СОДЕРЖАНИЕ

Археологические и междисциплинарные исследования

Миклашевич Е. А.

О памятниках наскального искусства в урочище Каменка на Среднем Енисее 5

Ножинков А. Е.

Ботанико-географический контекст
археологических комплексов у Новоромановской писаницы (устье р. Долгая) 23

Экспедиции

Мухарева А. Н.

Исследования петроглифической экспедиции
музея-заповедника «Томская Писаница» в 2017 г. 26

Русакова И. Д.

Работы на петроглифическом комплексе
Бояры – Абакано-Перевоз в Хакасии в 2017 г. 36

Сизёв А. С., Плац И. А.

Археологические разведки
в Кемеровском и Тисульском районах Кемеровской области в 2017 г. 41

Из фондов музея-заповедника «Томская Писаница»

Сулейменов М. Г., Илюшин А. М.

Материалы погребения знатной кочевницы и ее детей
в фондах музея-заповедника «Томская Писаница» 47

Архивные изыскания

Скрябина Л. А.

К истории Московско-Сибирского почтового тракта
на территории современной Кемеровской области 53

Скрябина Л. А.

Описание писаных камней в Томском уезде 68

Музейная педагогика

Иванова С. В.

Русская тряпичная кукла
в музее-заповеднике «Томская Писаница»: из опыта работы 71

Кузнецова Е. Е., Илюшин А. М.

Мартынова Галина Семёновна у истоков
школьной археологии и школьного музееведения в Кемерово 75

Орлова Е. А., Сизёв А. С.

История Кузбасса от древности до наших дней
на уроках музейной педагогики музея-заповедника «Томская Писаница» 83

CONTENTS

Archaeological and interdisciplinary research

Miklashevich E. A.

Rock art sites in the Kamenka ravine on the Middle Yenisei 5

Nozhinkov A. E.

Botanical and geographic context
of the archaeological complexes of the Novoromanovskaya pisanitsa
(Novoromanovo rock art site) in the mouth of the Dolgaya river 23

Expeditions

Mukhareva A. N.

Investigations by the petroglyphic expedition
of the Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa" in 2017 26

Rusakova I. D.

The works on the petroglyph complex Boyary – Abakano-Perevoz in Khakassia in 2017 36

Sizyov A. S., Plats I. A.

The archaeological reconnaissance
in Kemerovo and Tysul districts of Kemerovo Region in 2017 41

From the collections of the Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa"

Suleymenov M. G., Ilyushin A. M.

Materials of burial of the notable nomad and her children
in storage at the Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa" 47

Archival research

Skryabina L. A.

The history of Moscow-Siberia Postal Route
on the territory of modern Kemerovo Region 53

Skryabina L. A.

"A description of carved rocks in Tomsk County" 68

Museum pedagogic

Ivanova S. V.

Russian folk doll in the Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa":
from work experience 71

Kuznetsova E. E., Ilyushin A. M.

Galina Semenovna Martynova at the origins
of school archaeology and school museology in Kemerovo 75

Orlova E. A., Sizyov A. S.

The history of Kuzbass from antiquity to the present days
in museum lessons of the Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa" 83

УДК 902/904

О ПАМЯТНИКАХ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА В УРОЧИЩЕ КАМЕНКА НА СРЕДНЕМ ЕНИСЕЕ

Е. А. Миклашевич*Институт археологии и этнографии СО РАН,
Музей-заповедник «Томская Писаница»*

В статье прослеживается история исследования, определяется локализация и публикуются некоторые материалы одного из утраченных в результате затопления Красноярским водохранилищем памятников наскального искусства, известного в литературе как Копёнская писаница, Копёнская Нижняя писаница, Каменка. Петроглифы этого памятника были известны лишь частично и только в виде зарисовок. Сделанные в 1909 г. А. В. Адриановым точные копии – бумажные оттиски-эстампажи – сохранились в фондах МАЭ РАН, но до сих не были известны научной общественности. Автор публикует фотографии некоторых эстампажей и сделанные с них рисунки, показывая на этом примере возможности реконструкции утраченных наскальных рисунков и использования их как исторического источника. Кроме того, публикуются результаты полевого обследования незатопленных участков местности в урочище Каменка, проведённого в 2012 г., когда были обнаружены неизвестные ранее наскальные композиции, а также изображения на плите ограды кургана. Обсуждаются вопросы датировки петроглифов Каменки и их археологический контекст.

Ключевые слова: Минусинская котловина, петроглифы, тамги, А. В. Адрианов, Копёнская писаница, тесинская культура, окуневская культура.

ROCK ART SITES OF THE KAMENKA RAVINE ON THE MIDDLE YENISEI

E. A. Miklashevich*Institute for Archaeology and Ethnography SB RAS
Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa"*

The paper deals with the history of research of one of the rock art sites, flooded by the Krasnoyarsk reservoir, which is known in literature as Kopyonskaya, Lower Kopyonskaya or Kamenka, and presents some of its imagery. Petroglyphs of this site are very little known and have been published only in the form of sketches. Exact copies of the Kamenka rock art (paper imprints – *estampages*), which were produced in 1909 by A. V. Adrianov, have survived and are kept in the Kunstkamera in St Petersburg, but have not hitherto been known to the scholars. The author publishes photos of some eastampages and tracings made on their basis, showing on this example the possibility of reconstruction of the lost petroglyphs and their use as a historical source. In addition, the paper presents results of her 2012 field investigation of the unflooded areas in the Kamenka ravine, which include the newly discovered compositions on the rocks and on a kurgan slab. The issues of dating the Kamenka rock art and its archaeological context are being discussed.

Keywords: Minusinsk Basin, petroglyphs, *tamgas*, A. V. Adrianov, Kopyonskaya rock art site, Tes' culture, Okunev culture.

Весной 2012 г. в ходе экспедиции по исследованию памятников наскального искусства на берегах Красноярского водохранилища [Миклашевич, 2013] нами была предпринята попытка поиска остатков затопленных памятников Каменка и Черёмушный Лог [Шер, 1980, с. 160, 163, 164], располагавшихся на правом берегу Енисея

ниже устья р. Сыды. Этот участок находится на 100 км ниже верхней части водохранилища, проектный уровень подъёма воды здесь составляет около 40 м, поэтому шансов найти известные плоскости, располагавшиеся до затопления у самого уреза реки, не было даже при низком уровне воды в весенний период. Мы надеялись на

то, что удастся обнаружить петроглифы на плоскостях более высоких ярусов. Скалы, на которых находились петроглифы памятника Черёмушный Лог [Sher, 1999], были скрыты водой полностью, выступала только верхушка горы, без каких-либо скальных выходов. Участок же ниже по течению, где находились петроглифы Каменки, выглядел более перспективно для поисков: незатопленные части более высокой горы содержат большое количество выходов красноцветного девонского песчаника. Часть их на вершине южного склона была нами обследована, в результате чего выявлены две ранее не известные плоскости с многофигурными композициями (цв. илл. 1; 2).

На одной плоскости (цв. илл. 2: 1) изображены схематичные антропоморфные фигуры, нанесенные косыми ударами острия или лезвия металлического (?) инструмента, слабо патинизированные. Некоторые из фигур изображены парами, у всех показаны ступни, обозначающие направление движения, у некоторых обозначены признаки мужского пола. У многих обе руки нарисованы Ф-образно, у других одна рука показана поднятой и держащей какой-то предмет. Обращают на себя внимание две фигуры, у одной из которых окружность выбита вокруг головы, а у другой – вокруг головы и всего туловища. Такая иконография в наскальном искусстве Минусинской котловины встречается крайне редко, но несколько аналогий имеется. Одна из них, с памятника Улазы, рассматривалась в специальной работе [Мухарева, Советова, 2013]. В целом же стиль и иконография изображенных на этой плоскости фигур известны на многих памятниках, в частности, наиболее близкие аналогии можно отметить на горе Бычиха. Культурно-хронологическая принадлежность подобных рисунков не ясна, но мы склонны относить их к байкотовцам (кетоязычному населению правобережья Енисея в XV–XVIII вв.), вслед за Н. В. Леонтьевым и С. В. Панковой, предложивших такую атрибуцию поздних петроглифов горы Георгиевской [Леонтьев, Панкова, 2012, с. 8].

Другая обнаруженная плоскость относится к окуневской культуре и представ-

ляет собою своеобразный «иконостас», состоящий из изображений масок-личин (цв. илл. 2: 2). Это большая вертикальная плоскость, находящаяся в естественной нише. К сожалению, состояние ее сохранности оставляет желать лучшего: треть плоскости в правой части, большой участок в центре и значительные фрагменты по всему периметру – это утраченная скальная корка; на сохранившейся корке – трещины и отшелушивание; наблюдаются кальцитовые натёки в правой части; из-за сильного выветривания многие изображения сохранились фрагментарно или едва прослеживаются. Тем не менее, около пятнадцати масок-личин определяются вполне уверенно. Они выполнены в технике выбивки и шлифовки, одни из них оконтуренные, другие – нет, одни имеют округлый контур, другие – сердцевидной формы. У отдельных личин обозначены дополнительные линии на «лице», глаза заключены в «каплевидный» контур, имеются внешние «отростки» в виде прямых линий либо изогнутых бычьих рогов. По всей плоскости имеются скопления выбоин, многие из которых, вероятно, тоже представляют личины – их самый простой тип, когда тремя точками обозначены глаза и рот. В левой части плоскости личины перекрыты несколькими схематичными фигурами животных, видимо, более поздними. В правой части на довольно значительной площади обнаружены остатки красной краски: они прослеживаются в контурах и ямках «глаз» личин, а также образуют большое пятно неясной конфигурации. На грани слева от описываемой плоскости имеется ещё крупное выбитое контурное антропоморфное изображение и неясные остатки выбивки.

Выявленные объекты, несомненно, представляют большой интерес, и к их документированию мы ещё планируем вернуться, так же как и к продолжению обследования этой территории. На данный момент наиболее актуально связать обнаруженные объекты с теми, которые утрачены, но известны по архивным данным; проследить историю исследования этого памятника, уточнить его местоположение,

разобраться с названиями и показать возможности реконструкции утраченной части для научного изучения.

Чтобы была понятна локализация памятника в контексте других, более известных, местонахождений и относительно населённых пунктов, существовавших до затопления водохранилища, мы обозначили их на дореволюционной карте Переселенческого управления (рис. 1). В качестве ориентиров исследователи приводили названия деревень Байкалова (ниже по течению) и Копёны (на противоположном берегу), которых уже нет на современных картах (цв. илл. 1: 1, 2). Однако сохранились названия логов. Береговая линия на участке правого берега Енисея от устья Сыды до д. Байкаловой была прорезана тремя логами, связанными соответственно с тремя небольшими горными хребтами.

В направлении от Байкаловой к Сыде они так и назывались: лог Первый, лог Второй, лог Третий, гора Первая, гора Вторая, гора Третья (рис. 1; цв. илл. 1: 2). Урочище Каменка и интересующие нас памятники связаны со Вторым логом и горами Вторая и Третья. Сейчас это территория Краснотуранского района Красноярского края, памятник находится в 7 км к западу от с. Новая Сыда.

Первые свидетельства о наскальных рисунках в этой местности относятся к середине XIX в. В 1841 г. Н.С. Щукин (иркутский чиновник, краевед, интересовавшийся минусинскими древностями) сделал «с натуры» зарисовку изображения всадника с птицей в руке (рис. 2), которое находилось «в лощине, недалеко от реки Енисея, между деревнями Усть-Сыдой и Байкаловою» [Щукин, 1882, с. 244, рис. 15]. Ука-

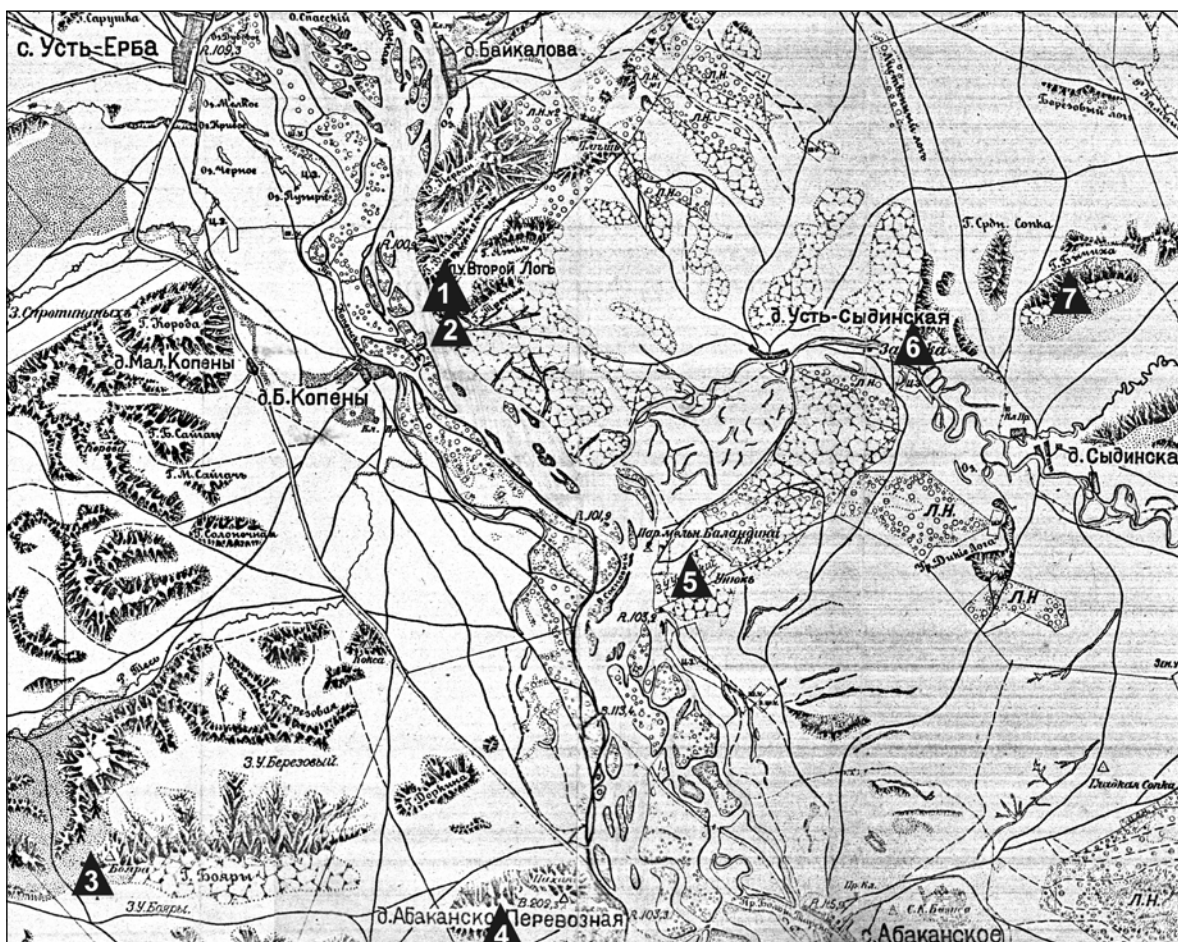

Рис. 1. Урочище Каменка (1) и близлежащие памятники наскального искусства: Черёмушный лог (2), Боярские писаницы (3), Абаканско-Перевоз (4), Унюк (5), Новосыдинская (6) и Бычиха (7). Отмечены на карте Переселенческого Управления (до затопления Енисея)

знание Н. С. Щукина не позволяет с точностью определить, относился ли этот рисунок к Каменке или же памятнику Черёмушный Лог, тем более что в известных нам материалах А. В. Адрианова и публикации Я. А. Шера [Sher, 1999] соответствий ему пока не найдено. Однако более вероятно, что это всё же Каменка, так как всем другим исследователям XIX в. была известна именно она.

В 1847 г. здесь побывал М. А. Кастрен (финский филолог), подметивший характерную особенность памятника – наличие большого количества знаков, которые он принял за надписи и зарисовал две группы их (рис. 3). В дневнике он записал следующее: «Высеченная надпись располагалась на скале под Копёнами на правой стороне (имеется в виду правый берег Енисея. – Е. М.). Также на скалах обнаруживаются рисунки людей, лошадей и других животных. По полученному позже сообщению, недалеко от этой скалы находится другая, на которой также имеются выбивки» [цит. по: Aspelin, 1901, S. 53]. Зафиксированные М. А. Кастреном знаки определённо относятся к памятнику Каменка, это подтверждается материалами А. В. Адрианова.

В 1850 г. Л. Ф. Титов (чиновник особых поручений Главного управления Восточной Сибири) сделал зарисовки многих писаниц Минусинской котловины [Дэвлет, 1996, с. 21], из которых известны лишь 4 благодаря публикации их Г. И. Спасским

[Спасский, 1857, табл. IV]. Считается, что оригиналы рисунков Л. Ф. Титова утрачены. Однако известно, что среди них были и зарисовки Копёнской писаницы, например, с ними был знаком Н. И. Попов (учитель Иркутской гимназии, автор большой теоретической работы о писаницах Минусинского края [Попов, 1872; 1873; 1875]). Рассматривая писаницы в контексте развития письменности, Н. И. Попов относил их к «трём главным системам письма (как последовательным этапам развития. – Е. М.), именно: а) фигурного, или изобразительного; б) идеографического, или гиероглифического (подписи, тамги) и в) буквенного, с подразделением последнего на письмо т.н. руническое, тангутское и монгольское» [Попов, 1875, с. 208]. Копёнскую писаницу Попов отнес к группе «гиероглифических», а это означает, что на рисунке Л. Ф. Титова было зафиксировано большое количество тамг, что подтверждает, что и в этом случае речь идёт именно о памятнике в урочище Каменка. Вот какое описание даёт писанице Н. И. Попов: «Копенская, на правом берегу Енисея, на утесе красного песчаника против д. Копенской. Состоит из фигур разных животных вроде лошадей, коз, собак, разбросанных в разных местах утеса, людей пеших, верхом на лошадях, некоторые в острых шапках, с луками и стрелами, один в длинной одежде, как бы женщина; но преобладающий характер писаницы – гиероглифический: непонятные

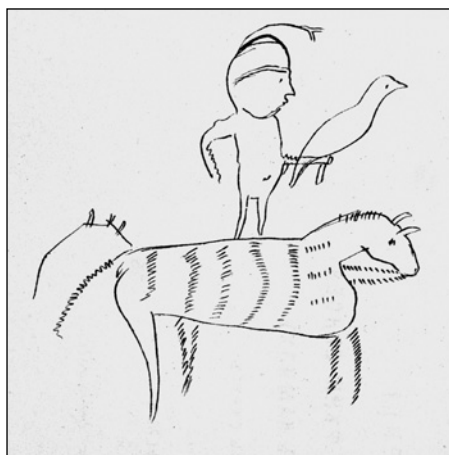

Рис. 2. Рисунок Н. С. Щукина. 1841 г. Предположительно изображение из урочища Каменка (по: Щукин, 1882)

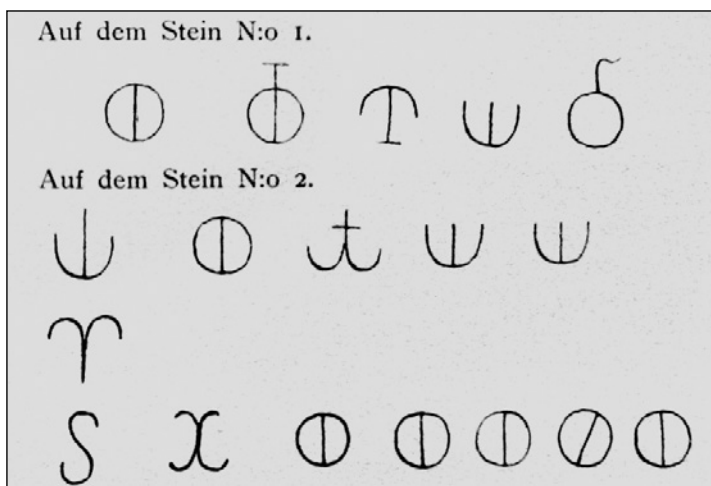

Рис. 3. Тамги Копёнской писаницы в зарисовке М. А. Кастрена. 1847 г. (по: Aspelin, 1901)

знаки заметны и между фигурами людей и животных, и самостоятельно наполняют целые камни утеса. Фигуры и иероглифы частью высечены, частью писаны краской. Изображения ее есть в рисунках Титова» [Попов, 1873, с. 282]. Описание довольно подробное и вполне соответствует тому, что мы знаем о памятнике из материалов более поздних исследователей, например, «как бы женщина» изображена на плоскости, зафиксированной и И. Т. Савенковым (рис. 4: 5), и А. А. Адриановым (рис. 6; 7: 2), и Я. А. Шером (рис. 12: 2) Отметим очень интересную деталь в описании: о том, что часть рисунков выполнена краской.

Следующее исследование памятника было осуществлено И. Т. Савенковым (директор учительской семинарии в Красноярске, геолог, археолог) в 1885 г. во время его большой археологической разведочной экспедиции по среднему течению Енисея [Савенков, 1886]. Как он сообщает в последовавшей затем публикации, к Копёнской писанице участники экспедиции «плыли со страхом и трепетом, в виду громкого титула, удержанного за этим “писанцем” и в виду сознания абсолютной неподготовленности к чтению мудреных египетских фигурных писем, стоящих у преддверия буквенного письма» [Савенков, 1886, с. 72]. Савенков, кстати, воспользовался сведениями о памятнике из статьи Н. И. Попова, но посвятил немало саркастических строк тому, что тот использовал термин «иероглифическая» для её характеристики. «Когда всмотрелись и начали срисовывать, то, право, ни разу не вспомнили о стране пирамид. ... Путешествия в Египет для объяснения этих писаниц предпринимать не надо и словом “иероглифы” злоупотреблять не следует, наука, по нашему мнению, требует, чтобы научные понятия, говоря логически, сложившись и установившись, употреблялись в одном, раз навсегда определенном смысле», – пишет И. Т. Савенков. «Если же мы всякие письма, какие мы понять не можем, будем называть иероглифическими, то это слишком много чести для обыкновенных фигурных, с таврами, писем и слишком мало для истолкователей» [Савенков, 1886, с. 72, 73].

Савенков уделил много внимания заинтересовавшему его памятнику, скопировав 113 изображений на 10 композициях (рис. 4). По крайней мере, столько петроглифов Копёнской писаницы было опубликовано им позднее в капитальном труде «О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее» [1910, табл. II: XIII; VI: III–VI; VII: III–V; XV]. Рисунки им зарисовывались «на глаз», но довольно точно передают стилистику фигур и композиционно распределены по плоскостям (в отличие, например, от рисунков Л. Ф. Титова, который произвольно компоновал на одном рисунке изображения с разных плоскостей). Об этом мы можем судить, сравнивая зарисовки И. Т. Савенкова с эстампажами А. В. Адрианова тех же композиций. Интересно описание памятника, методов работы с ним и размышления о датировке: «Скала, на которой находится копенский “писанец”, обращена на ЮЗ. Нижние письма оказались очень низко, только около 2 фут. выше над уровнем Енисея. Письмена так были затянута илом, оседавшим от разлития воды, до того были покрыты лишаями, что до срисовки пришлось много поработать над отчисткою их. Общими силами, при содействии своих спутников, при помощи прутьев, травы и воды, отчистили и вымыли утесы с письменами. На низкое положение писем просим обратить внимание, – это признак для древности их весьма неблагоприятный» [Савенков, 1886, с. 72]. «Копенский писанец мы не считаем особенно древним, не звероловы отбивали эти рисунки, нет, они оставили здесь свои письма, но их вы легко просмотрите, они вполне слились со скалою, заросли лишаями, выветрились. Древнейшие письма не заливают водою, они много выше позднейших. Рисунки звероловов и древнейших пастухов отличаются отсутствием человека, они, по-гомеровски, отражали внешний мир, а ново-копенские (так называемые иероглифические) нет, они имеют всего чуть ли не две фигуры лошади, а остальное люди, люди и люди, мужчины и женщины, тамги, тамги и тамги, т.е. тавры, тавры и тавры; шаман с бубном и колотушкой, еще шаман

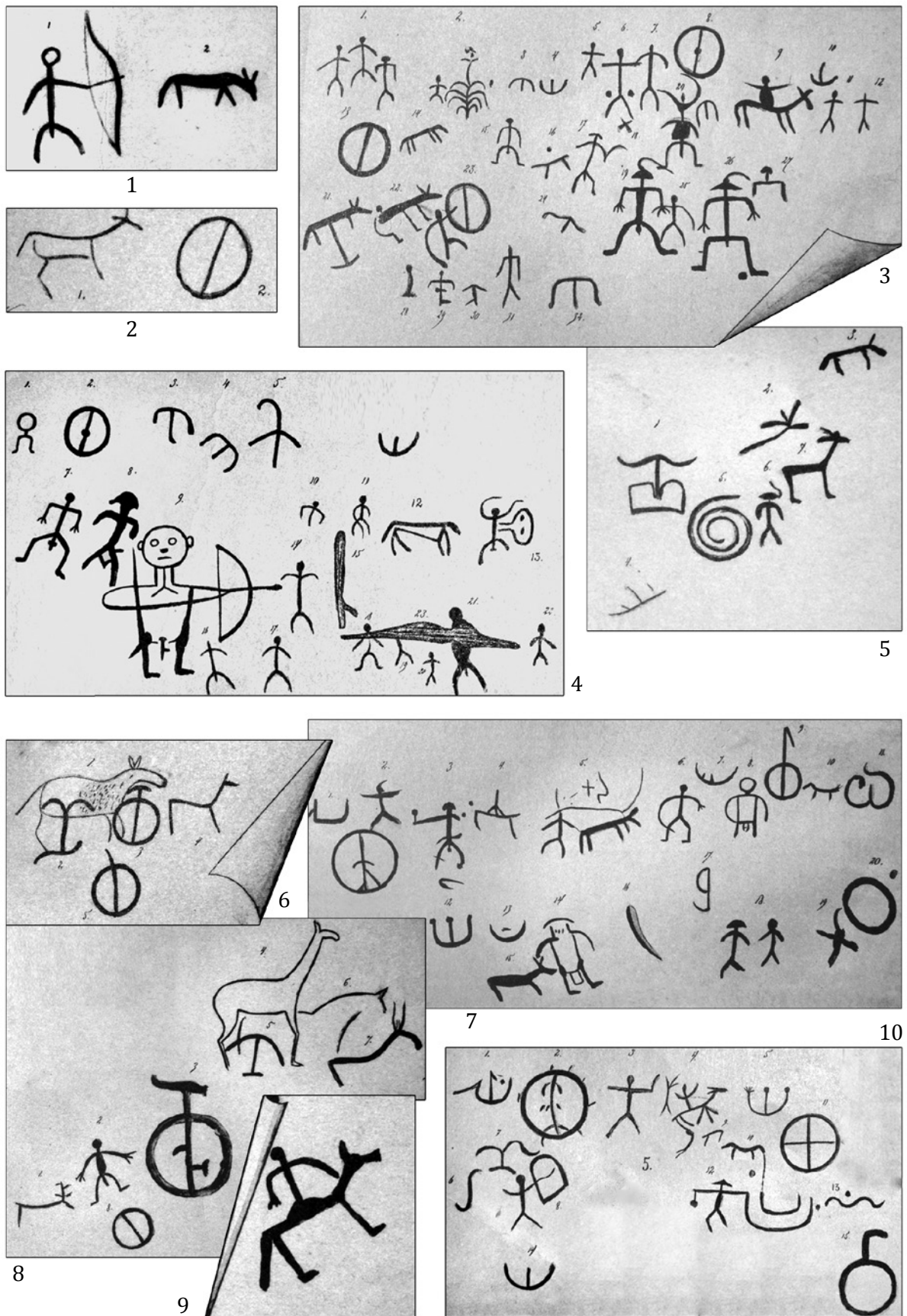

Рис. 4. Копёнская писаница в зарисовках И. Т. Савенкова (по: Савенков, 1910)

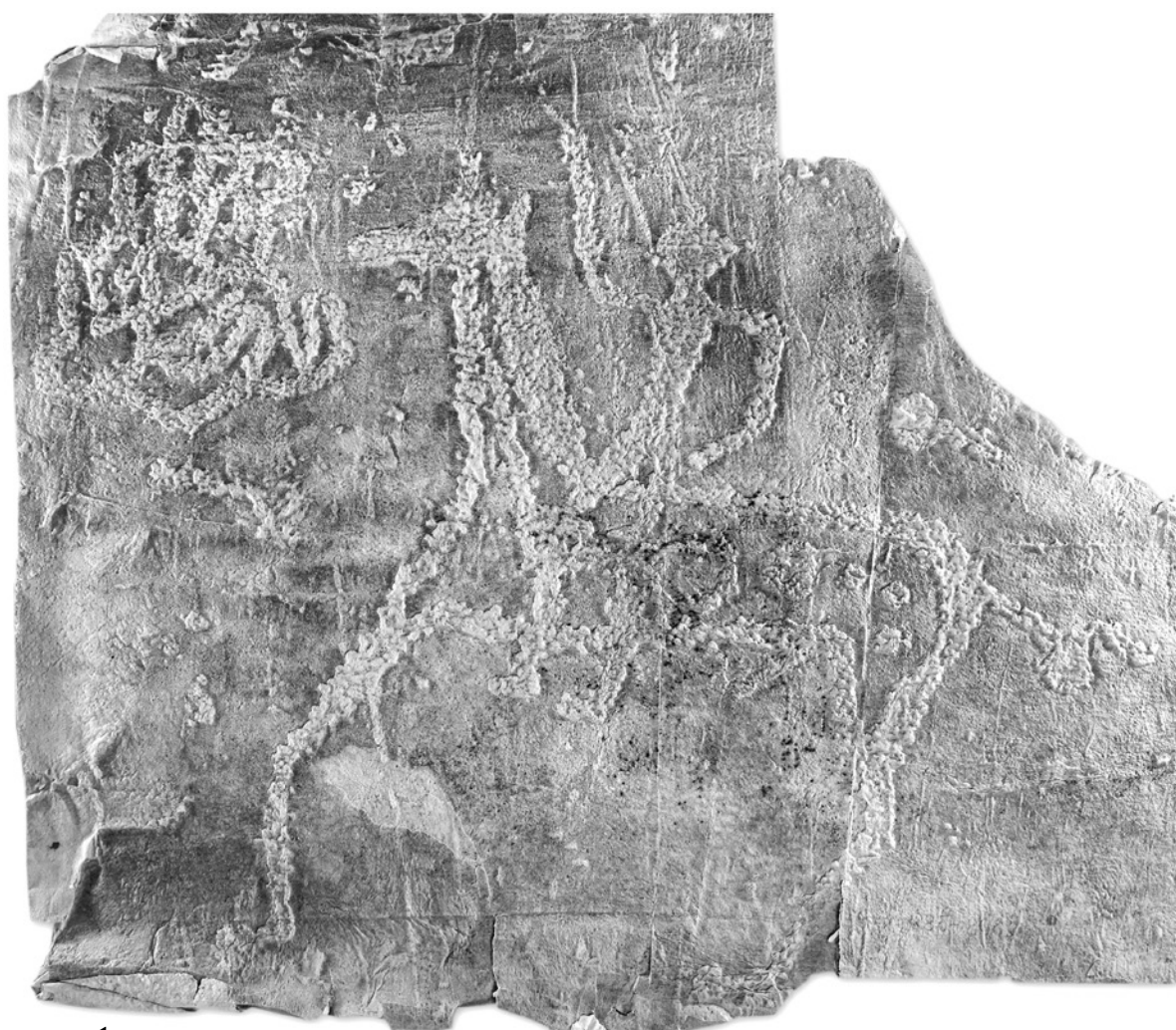
с бубном, человек в круглой шапке с кистью, человек в шапке с длинными ушами и т.д. и т.д.» [Там же, с. 75]. Как видим, и Савенков отмечает такую особенность памятника, как очень большое число тамг. Он подчеркивает, что правильный ключ к разгадке тех знаков на писаницах, которые Н. И. Попов называет иероглифическими, дал Паллас, считая их таврами, или тамгами. «Мы уверены, что когда будут собраны тавры киргизские, монгольские, татарские, среднеазиатские, местные минусинские, сойотские и др., тогда часть копенской писаницы, а может быть и других, будет окончательно решена», – прозорливо написал исследователь [Там же, с. 74]. Сейчас «тамговедение» – одно из важнейших направлений исследований в археологии и истории Центральной Азии и Южной Сибири, уже по-казавшее впечатляющие результаты [см. напр.: Самашев и др., 2010; Рогожинский, 2016; Богданов, 2017; Есин, 2017; и др.]. Тамги Копёнской писаницы – сохранись этот памятник до наших дней, – были бы очень важным источником в этих исследованиях. Возможность всё-таки сделать его доступным для интерпретации дают материалы другого исследователя – А. В. Адрианова.

А. В. Адрианов (чиновник Акцизного ведомства, археолог, этнограф, публицист) открыл и зафиксировал для науки множество памятников наскального искусства Минусинской котловины, стремясь скопировать каждый памятник максимально полно и тщательно, используя для этого методы эстампажа (бумажного оттиска) и фотофиксации [Дэвлет, 1996, с. 102–235]. Писаницы напротив д. Копёны он документировал в 1909 г., когда проводил последнюю экспедицию по исследованию писаниц Енисейской губернии по заданию Русского Комитета по изучению Средней и Восточной Азии. В Известиях Комитета опубликовано его письмо с кратким отчетом о работах 1909 г. [Адрианов, 1910], в котором содержится в том числе информация о Копёнских писаницах. Адрианов не только более полно и достоверно скопировал петроглифы известной писаницы в логу Втором, но и обнаружил совершен-

но новую, состоящую из трёх групп писаницу в логу Третьем. Ей он дал название Копёнская Верхняя, так как она располагалась в одной версте выше по течению от известной Копёнской, которая в свою очередь теперь получила название Копёнской Нижней. Копёнская Верхняя соответствует памятнику Черёмушный Лог, который под таким названием был позднее документирован и впоследствии опубликован Я. А. Шером [Sher, 1999]. Интересующая нас писаница Копёнская Нижняя соответствует памятнику Каменка [Шер, 1980, с. 163, 164].

Вот как описывает памятник и свою работу с ним А. В. Адрианов: «Спустившись по Енисею около версты ниже этой писаницы, мы достигли устья широкого лога, так называемого Второго Лога, где находится пастушеская заимка крестьян дер. Байкаловой; деревня стоит в трех верстах ниже этого лога. Здесь, на утесах правого берега Енисея, выше лога и находится уже известная в литературе Копёнская писаница, но присвоенное ей название «иероглифической» представляет недоразумение. Правда, здесь было немало разных знаков, но преобладающей роли они здесь не играют, а во-вторых, редко в какой из писаниц совсем отсутствуют эти или подобные знаки, которые Паллас считает таврами. Напротив, даже характерной особенностью этой писаницы является преобладание в ней фигур людей; из животных на первом плане стоит олень, коза, изредка лошадь. Работа этой писаницы мало искусная в техническом отношении, хотя и очень старательная. Писаница начинается выше лога около 350 шагов и тянется на 100 с лишком сажений. Она состоит из 291 фигуры, воспроизведенных на 46 эстампажей LVIII 1-46; фотографий здесь сделано 10, рисунков карандашом 316. В последнее число входят несколько фигур, находящихся ниже устья лога, шагов 800 ниже фигур писаницы LVIII, вошедших на эстампажи» [Адрианов, 1910, с. 50, 51].

Кроме этой публикации, никакие другие материалы А. В. Адрианова по писанице Копёнской Нижней научной общественности до сих пор не были известны. Между

1

2

Рис. 7. Писаница Копёнская Нижняя. Эстампажи А.В. Адрианова: 1 – LVII-33 (МАЭ РАН. Колл. № 2508-388); 2 – LVII-32 (МАЭ РАН. Колл. № 2508-387). Представлены в зеркальном отображении

тем, в архиве Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета хранится полевой дневник А. В. Адрианова по экспедиции 1909 г., с подробными описаниями и точными зарисовками каждой плоскости, со схемами расположения эстампажей в группах и указаниями на расположение плоскостей относительно друг друга [МАЭС ТГУ. Д. 76/2. Л. 74–81] (рис. 5). В фондах Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) хранятся и находятся в хорошем состоянии все эстампажи, сделанные с 46 плоскостей. В настоящее время они все оцифрованы и частично обработаны, с некоторых сделаны прорисовки (см. рис. 6–9). К сожалению, нам пока не удалось выявить те 10 фотографий писаницы, о которых пишет А. В. Адрианов. Но эстампажи и дневник позволяют в значительной степени восстановить информацию об утраченном памятнике.

Писаница состояла из двух групп (цв. илл. 1: 2; рис. 12: 1): одна находилась ниже устья лога (береговые скалы горы Второй), другая – выше (северная часть береговых скал горы Третьей). Рисунки первой группы были немногочисленны (7 плоскостей), но интересны. Они не копировались на эстампажи, но зарисованы в дневнике [МАЭС ТГУ. Д. 76/2. Л. 75]. Карандашные рисунки А. В. Адрианова прекрасно передают все стилистические особенности изображений, и мы можем составить о них представление. Здесь были выбитые изображения древнейшего пласта – лось и быки в минусинском стиле, сильно выветренные, расположенные высоко, так что их можно было увидеть только в бинокль. Были изображения эпохи поздней бронзы («карасукский» стиль), причем одно из них выполнено в технике шлифовки и глубокой гравировки и напоминает подобные изображения на горе Бычихе. Две плоскости содержат выбитые изображения разнообразных тамг и схематичные антропоморфные фигуры. На одной плоскости находились плохо различимые рисунки, выполненные красной краской. В дневнике они зарисованы в виде двух окружностей и ромба. Найденные нами в 2012 г.

плоскости, видимо, можно отнести к этой же группе, так как они располагались на верхних ярусах горы над теми, которые обследовал А. В. Адрианов.

Вторая группа изображений находилась примерно в 600–700 м южнее первой, содержала 46 плоскостей, которые были разбросаны на разных участках береговых скал на протяжении более 200 м. А. В. Адрианову, так же как и И. Т. Савенкову, пришлось расчищать многие плоскости от ила и лишайников. Судя по зарисовкам в дневнике и эстампам, здесь тоже были единичные ранние рисунки, но большинство составляли фигуративные изображения, как нам представляется, хунно-сяньбийского времени (скорее всего, тесинские), и многочисленные (около 80) тамги.

Фигуративные изображения этой группы представлены в большом количестве схематичными антропоморфными фигурами, линейными и с контурными туловищами, некоторые показаны вниз головой, некоторые в головных уборах, несколько фигур – с луками. Большинство из них – и по стилю, и по иконографии, и по композиционному расположению – явно относится к тому наиболее широко в Минусинской котловине представленному пласту наскального искусства, который соотносится с тесинской культурой. Именно такие «человечки» сотнями заполняют плиты тагарских курганов и не менее широко представлены на скалах. К этому же пласту относятся разнообразные изображения животных и, наиболее достоверно, изображения так называемых лабиринтов. Обнаруженные Д. Г. Савиновым на плитах в могильниках тесинской культуры подобные изображения позволили исследователю убедительно обосновать тесинскую принадлежность целого пласта наскального искусства Минусинской котловины [Савинов, 1999; 2006; и др.]. «Лабиринты», присутствующие в композициях с фигуративными изображениями или заполняющие их, в свою очередь «помогают» отнести к тесинской культуре целые серии зооморфных и антропоморфных наскальных изображений [Рыбаков, 2006; Русакова, 2016; и др.]. На писанице Копёнской Ниж-

ней есть композиция (рис. 6), на которой изображена та самая «как бы женщина», которая привлекала внимание всех исследователей памятника. Отдалённо она напоминает «женские» фигуры с писаницы у с. Абакано-Перевоз, которые были атрибутированы как тесинские, поскольку некоторые из них заполнены спиральями и извилистыми линиями [Русакова, 2016, с. 174, рис. 2]. Копёнская «женщина» находится в композиции с «лабиринтом» и выполнена одинаковой с ним выбивкой (рис. 7: 2). С этими изображениями соотносятся и остальные фигуры плоскости, явно представляя некий осмысленный сюжет, добавляющий новый штрих к мировоззрению тесинцев. Как неоднократно отмечалось, фигуративные тесинские изображения демонстрируют удивительное стилистическое разнообразие. На примере петроглифов писаницы Копёнской Нижней, благодаря присутствию в композициях «лабиринтов» и подобных рисунков, можно выделить ещё одну тесинскую стилистическую группу (рис. 6–8). Это силуэтные и контурные фигуры лошадей, оленей, неопределённых животных. Некоторые из них довольно крупные по размерам. Кони показаны с подвязанными петлёй хвостами, со всадниками в характерной «тесинской» позе. С одной стороны, это особая группа, но с другой – отдельным деталям изображений находится много аналогий на других тесинских памятниках, что подтверждает датировку.

Интересно, что в том же самом стиле были выполнены рисунки на обломке отдельной плиты (рис. 9), которую А. В. Адрианов нашёл «в русле пересохшей протоки, против устья Второго Лога». «На этой плите-обломке, – пишет исследователь – отчетливо видны 1 полная и 5 неполных фигур выбитых животных – контуром и сплошной выемкой. Этот экземпляр может служить образцом фигурных писаниц и может служить руководством художнику при изготовлении рисунков. Я должен лишь заметить, что представленный на плите способ выбивки не столь распространенный; большая часть фигур, выбитых на утесах, сделана менее тщательно»

[Адрианов, 1910, с. 52]. Плита была отправлена в Петербург, в Русский Комитет, вместе с эстампажами и позже поступила на хранение в Музей антропологии и этнографии, но пока в фондах музея её найти не удалось.

Часть изображений писаницы Копёнской Нижней, возможно, относится к более позднему времени, как например, «приземистая» фигура лучника с большой головой на длинной шее и моделированными чертами лица (рис. 10), перекрывающая «тесинских человечков», но к какой именно эпохе – сказать трудно.

Тамги, как уже говорилось, составляют характернейшую особенность этого памятника. Об их датировке и атрибуции говорить пока рано, но, судя по всему, они довольно ранние – мы не исключали бы и возможность отнесения их (или некоторых из них) даже к тесинскому времени, особенно если учесть, что аналогичные тамги встречаются вместе с тесинскими рисунками и на ряде других памятников, например на писанице Оргинек [Рыбаков, 2006, рис. 2]. Анализ и историческая интерпретация тамг Копёнской писаницы – это отдельное большое исследование, которое станет возможным только после полной прорисовки всех эстампажей, чтобы проследить все детали и взаимосвязи тамг с фигуративными изображениями. Пока для примера представляем здесь несколько эстампажей с тамгами (рис. 11).

Как видим, материалы исследований А. В. Адрианова являются основным источником для научной реконструкции утраченного памятника. Отсутствие сделанных им фотографий конечно же мешает составить более полное представление о том, как выглядела Копёнская писаница. Тем не менее, в архивах удалось выявить и фотографии! Их сделал Я. А. Шер, один из участников Красноярской археологической экспедиции ЛО ИА АН СССР, исследовавшей памятники на берегах Енисея перед его затоплением Красноярским водохранилищем. В 1963 г. в составе экспедиции (начальник М. П. Грязнов) был организован 1-ый Правобережный отряд под руководством Я. А. Шера, задачами которого были

раскопки памятников, подлежащих затоплению, на правом берегу Енисея и разработка методики копирования наскальных рисунков с помощью полимеризационных пластмасс [Архив ИА РАН. Р-1. Д. № 2743. Л. 1]. Базой отряда стало урочище Каменка, в котором было несколько могильни-

ков и поселений, а также та самая писаница, которой посвящена данная статья (рис. 12: 1). Работы также производились в следующем логу, выше по течению, который Адрианову был известен как Третий, а во время работы отряда Я. А. Шера местные жители употребляли название Черёмуш-

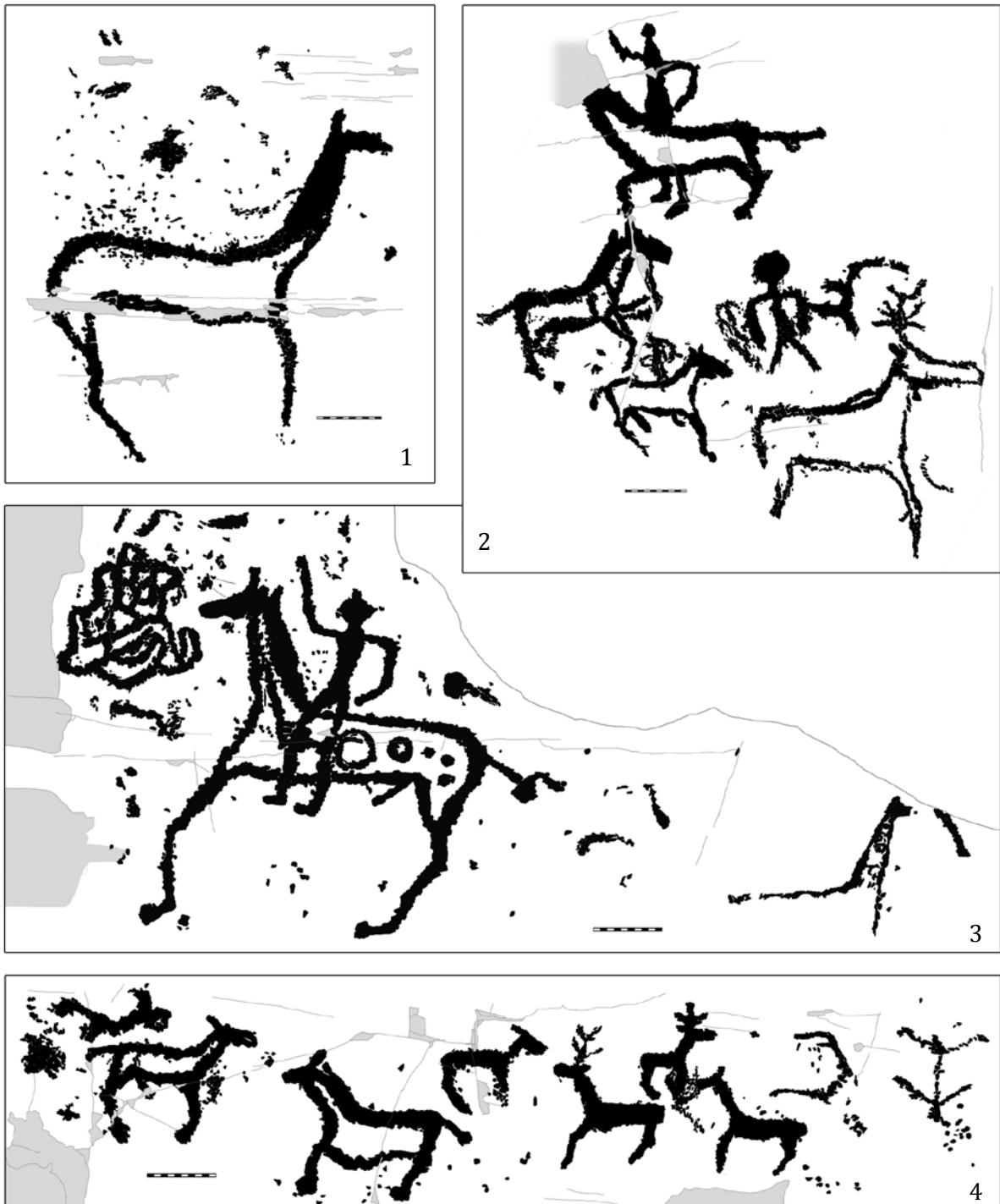

Рис. 8. Писаница Копёнская Нижняя. Прорисовки изображений по эстампажам А. В. Адрианова: 1 – LVII-30; 2 – LVII-34; 3 – LVII-33; 4 – LVII-35

ный. Под этим названием и были зафиксированы исследованные в нём памятники, включая писаницы. Памятники же Второго лога, также включая писаницы, получили номенклатуру Каменка, по названию урочища. В последующие годы отряд продолжил раскопки в Каменке, и стал называться Каменским, а затем его основной задачей стало копирование наскальных изображений по обоим берегам Среднего Енисея. Петроглифы береговых скал наиболее крупных памятников – Оглахты и Тепсея – были скопированы полностью, то же самое можно сказать про петроглифы Усть-Кулога и Черёмушного Лога, а вот петроглифы Каменки по иронии судьбы или по каким-то обстоятельствам, Каменский отряд, как ни странно, не скопировал! В отчёте приводятся лишь фотографии двух плоскостей (рис. 12: 2, 3), сделанные при осмотре местности в 1963 г. [Архив

ИА РАН. Р-1. Д. № 2743а. Л. 38]. Всё же и они дополняют визуальное представление о памятнике. Но, что может быть даже более важно (учитывая, что в нашем распоряжении есть всё-таки копии Адрианова), Каменский отряд произвёл широкомасштабные раскопки разновременных памятников в обоих логах, что даёт нам понимание археологического контекста писаниц этого микрорайона.

В логу Каменка были обнаружены и раскопаны следующие памятники: верхнепалеолитическое местонахождение; могильник андроновской и карасукской культур Каменка II; отдельная андроновская могила на территории могильника Каменка III; раннекарасукское поселение Каменка IV; могильник подгорновского этапа тагарской культуры Каменка I; большой грунтовый могильник тесинского этапа тагарской культуры (по современным

Рис. 9. Страница из полевого дневника А. В. Адрианова 1909 г. с зарисовкой изображений найденной им плиты (Архив МАЭС ТГУ. Д. 76/2)

Рис. 10. Писаница Копенская Нижняя. Фрагмент эстампажа А. В. Адрианова LVII-1A (МАЭ РАН. Колл. № 2508-373). Представлено в зеркальном отображении

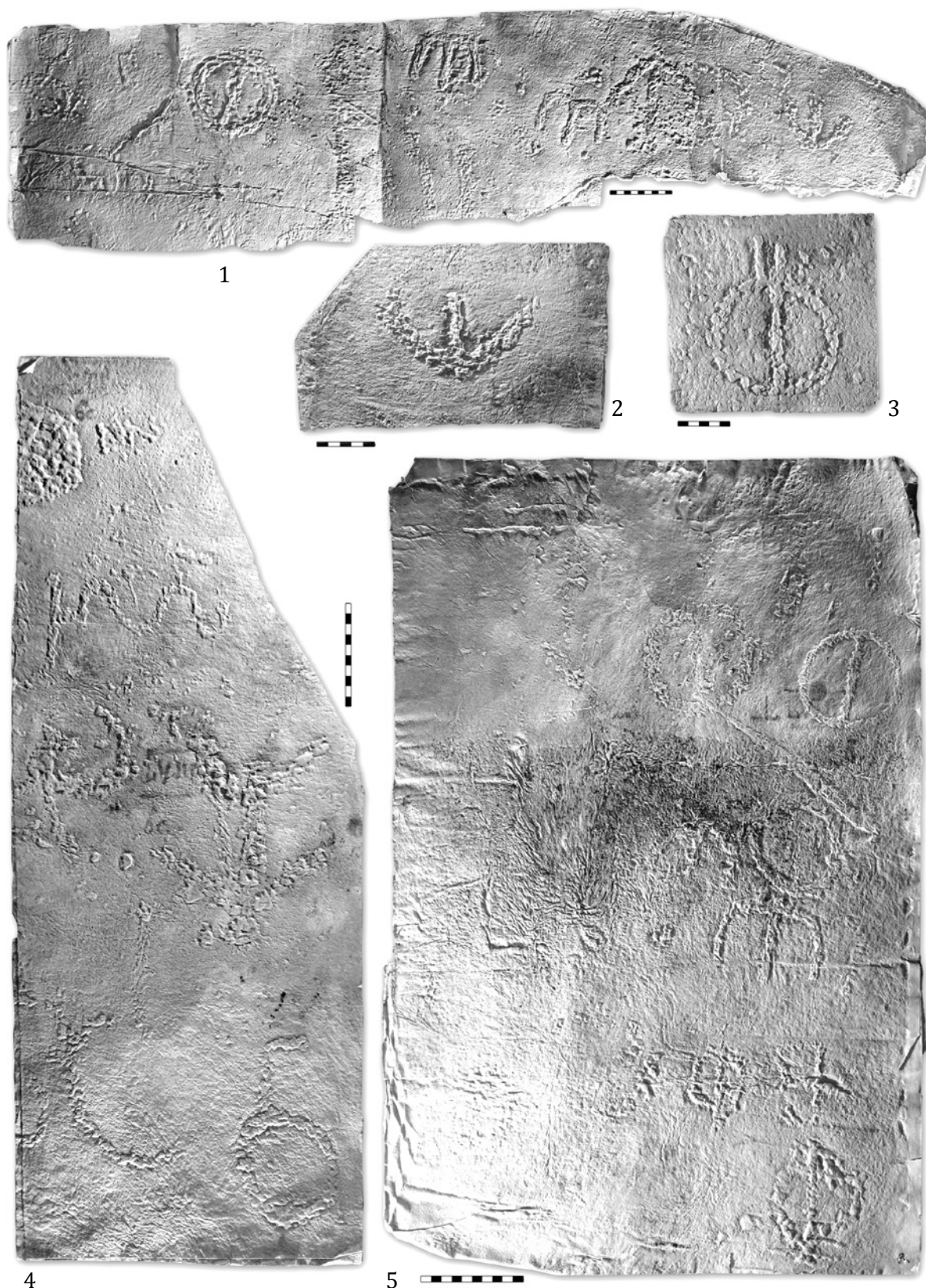

Рис. 11. Писаница Копёнская Нижняя. Тамги. Эстампажи А. В. Адрианова: 1 – LVII-1В (МАЭ РАН. Колл. № 2508-374); 2 – LVII-17 (МАЭ РАН. Колл. № 2508-359); 3 – LVII-28 (МАЭ РАН. Колл. № 2508-361); 4 – LVII-6С (МАЭ РАН. Колл. № 2508-377); 5 – LVII-26 (МАЭ РАН. Колл. № 2508-348). Представлены в зеркальном отображении

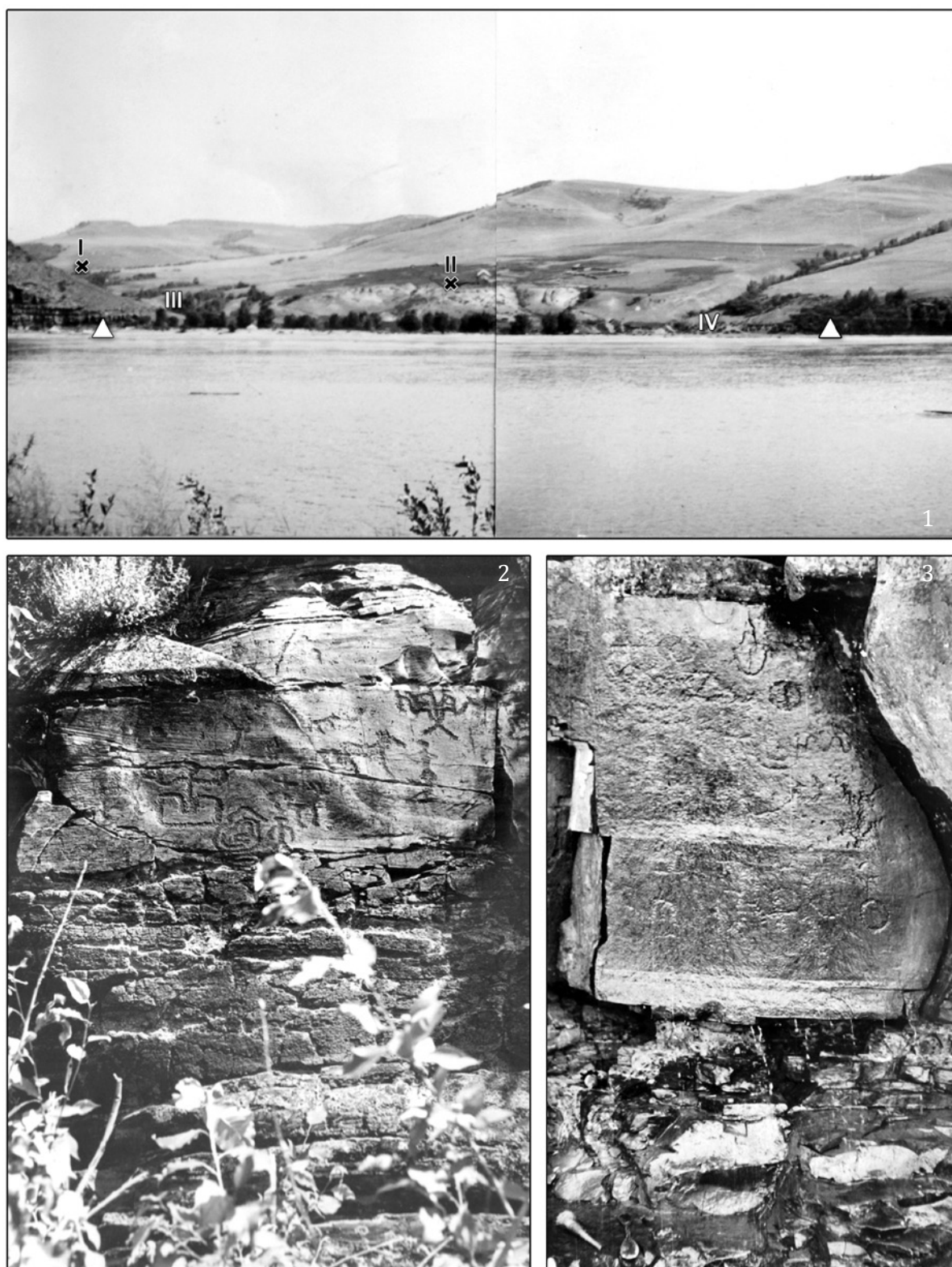

Рис. 12. 1 – Фотопанорама с видом урочища Каменка с запада. Цифрами обозначено расположение памятников: I – подгорновский могильник; II – андроновский и карасукский могильники; III – тесинский могильник; IV – карасукское поселение. Треугольниками обозначено предполагаемое расположение двух групп писаницы Каменка (Копёнской, Копёнской Нижней). Чёрным цветом маркированы обозначения на оригинальной фотографии, белым – добавленные автором статьи. 2, 3 – фотографии двух плоскостей. Фото Я. А. Шера. 1963 г. (Архив ИА РАН. Р-1. Д. № 2743а)

представлениям – тесинской культуры) Каменка III, с отдельно выделяемой группой погребений Каменка V; впускное трупопожжение с богатым инвентарём эпохи раннего средневековья. В Черёмушном логу были обнаружены и раскопаны, помимо сборов каменных орудий позднего палеолита, следующие памятники: грунтовое неолитическое погребение; окуневский курган Черёмушный Лог I и одиночное окуневское погребение Черёмушный Лог III; могильник тагарской культуры (не раскапывался, так как находился за пределами зоны затопления); тесинский могильник Черёмушный Лог II [ИА РАН. Р-1. Д. №№ 2743, 2743а; 2957, 2957а; 3167, 3167а; 3365, 3365а; 3525, 3525а; Хлобыстин, Шер, 1966; Шер, Хлобыстин, 1966; Шер и др., 1967; 1968; Шер, Грушин, 2006].

Таким образом, для этого микрорайона выстраивается представительная культурно-хронологическая колонка, причём с далеко не рядовыми материалами. Эти памятники неплохо коррелируют с наскальными рисунками: неолитическое погребение можно соотнести с изображениями древнейшего пласта, известными из обоих логов; окуневские погребения, без сомнения, связаны с группой окуневских петроглифов Черёмушного Лога [Sher, 1999] и недавно открытым «иконостасом» в Каменке; с карасукскими погребениями и поселением Каменки соотносятся наскальные изображения геометрического стиля, известные, хоть и в очень небольшом количестве, в обоих логах; подгорновские курганы можно связать с великолепным изображением оленя в скифо-сибирском зверином стиле, с большим раскидистым рогом и треугольным ухом, из Черёмушного Лога (оно отсутствует в публикации Я. А. Шера, но известно по эстампажу А. В. Адрианова); тесинские могильники соотносятся с тесинскими петроглифами, при этом показательно то, что количество тесинских погребений (более 120 раскопанных могил в Каменке и 18 в Черёмушном Логу) превалирует над всеми остальными вместе взятыми, точно так же, как количество тесинских петроглифов в Каменке значительно превосходит изображения других эпох.

Я. А. Шер отметил, что «датировка некоторых петроглифов Каменки определяется по стилистическому сходству с изображениями на камнях, образующих ограды тагарских курганов» [Шер, 1980, с. 164]. Мы с этим совершенно согласны, с тем только уточнением, что, как сейчас становится понятным, подавляющее большинство изображений на камнях оград тагарских курганов появилось не в тагарскую, а в последующую тесинскую эпоху. Мы полностью разделяем и высказанное в беседе предположение И. Л. Кызласова, что тесинцы справляли свои тризны на тагарских курганах, нанося при этом изображения на очень подходящие для этого камни оград. Изображения, конечно, встречаются и на плитах из собственно тесинских памятников. Но в отчётах о раскопках тесинских памятников в Каменке и Черёмушном Логу нет никаких упоминаний о находках изображений на плитах, хотя плиты при строительстве использовались. В связи с этим считаем важным опубликовать ещё один объект наскального искусства, обнаруженный в 2012 г. Он расположен в 1 км к СВ от урочища Каменка, но всё же связан топографически со Вторым логом (цв. ил. 1: 2). Это изображения на угловом камне ограды тагарского кургана в небольшом могильнике на высокой террасе (цв. ил. 3).

На ровной вертикальной поверхности южной грани выбиты антропоморфные фигуры, по всей вероятности, тесинские. Изображения наносились в несколько подходов. Вначале редкой неглубокой выбивкой было выполнено девять мелких «приземистых» схематичных фигурок. Затем глубокой частой выбивкой косыми острыми ударами нанесены две фигуры средних размеров в нижнем левом углу плиты. Одна из них перекрывает «приземистого» человечка. В свою очередь, её и почти всех остальных «приземистых» перекрывают 3 крупные антропоморфные фигуры вытянутых пропорций, выполненные также глубокой частой выбивкой косыми острыми ударами; из этих персонажей двое «сидят», подогнув под себя ноги, а один «стоит». В левом верхнем углу плиты такой же выбивкой выполнена ещё одна фигура, показанная голо-

вой вниз (умерший?) и с расставленными углами ногами. Скорее всего, она связана с последними тремя, так как подобный сюжет с участием всех этих персонажей (тризна?) встречается довольно часто в наскальном искусстве региона, особенно на курганных плитах. В целом, и сюжет, и стилистика, и иконография этой композиции очень характерны для рисунков, соотносимых с тесинским пластом. Поверх выбитых изображений на плите гравировкой нанесено ещё крупное не очень искусное изображение оленя.

Таким образом, в результате сочетания экспедиционных и архивных исследований, обработки музейных материалов и анализа литературы памятник наскального искусства Каменка (Копёнская писаница, Копёнская Нижняя писаница) на среднем Енисее обретает зримые черты, включается в контекст других местонахождений Минусинской котловины и ста-

новится полноценным источником для изучения древней истории региона, несмотря на то, что значительная его часть утрачена. В данной статье мы, разумеется, представили лишь небольшую долю материалов, исследования по всем направлениям предстоит продолжить и осуществить полную (насколько возможно) публикацию этого памятника.

Автор выражает глубокую благодарность руководству Музея антропологии и этнографии РАН им. Петра Великого (Кунсткамера) за содействие в работе с коллекцией эстампажей, руководству Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета и Архива Института археологии РАН за содействие в работе с архивными материалами, Л. Л. Бове за помощь в проведении полевых исследований; А. К. Солодейникову за фотосъемку эстампажей и Л. Н. Ермоленко за перевод с немецкого языка дневника А. М. Кастрена.

Источники

Адрианов А. В. Дневник экспедиции 1907, 1909 гг. Рукопись. МАЭС ТГУ. Д. 76/2.

Грязнов М. П., Шер Я. А., Богданова А. Н. Отчет о работе 1-го Правобережного отряда в 1963 г. Л., 1964. Рукопись. Научный архив ИА РАН. Р-1 Д. № 2743, 2743а.

Грязнов М. П., Шер Я. А. Отчет о работе Каменского отряда в 1964 г. Л., 1965. Рукопись. Научный архив ИА РАН. Р-1 Д. № 2957, 2957а.

Грязнов М. П., Шер Я. А. Отчет о работе Каменского отряда в 1965 г. Л., 1966. Рукопись. Научный архив ИА РАН. Р-1 Д. № 3167, 3167а.

Грязнов М. П., Шер Я. А. Отчет о работе Каменского отряда в 1966 г. Л., 1967. Рукопись. Научный архив ИА РАН. Р-1 Д. № 3365, 3365а.

Грязнов М. П., Шер Я. А. Отчет о работе Каменского отряда в 1967 г. Л., 1968. Рукопись. Научный архив ИА РАН. Р-1 Д. № 3525, 3525а.

Литература

Адрианов А. В. Отчет по обследованию писаниц Минусинского края // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. СПб., 1910. Вып. 10. С. 41–53.

Богданов Е. С. Происхождение тамг хунну // Нижневолжский археологический вестник. 2017. Т. 16. № 2. С. 5–32.

Дэвлет М. А. Петроглифы Енисея. История изучения (XVIII – начало XIX вв.). М.: ИА РАН, 1996. 250 с.

Есин Ю. Н. К проблеме идентификации тамг кыргызов и чиков из «Тан хуйяо» // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2017. № 1 (17). С. 57–75.

Леонтьев Н. В., Панкова С. В. Петроглифы горы Георгиевской (таштыкские резные рисунки) // Памятники наскального искусства Минусинской котловины. Георгиевская. Лынищенская. Улазы III. Сосниха (Труды САИПИ. Вып. X). Кемерово: Кузбассвуиздат, 2012. С. 5–27.

Миклашевич Е. А. Исследование памятников наскального искусства Минусинской котловины в 2012–2013 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. Т. XIX. С. 255–259.

- Мухарева А. Н., Советова О. С.* Об одном любопытном сюжете на скалах Минусинской котловины // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013. № 1 (5). С. 82–90.
- Попов Н. И.* О писаницах Минусинского края // Известия Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества. Иркутск, 1872. Том III. № 4. С. 223–232.
- Попов Н. И.* О писаницах Минусинского края. Окончание // Известия Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества. Иркутск, 1873. Том III. № 5. С. 274–285.
- Попов Н. И.* Общий взгляд на писаницы Минусинского края // Известия Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества. Иркутск, 1875. Том VI. № 5-6. С. 200–211.
- Рогожинский А. Е.* Знаки собственности и власти древних и средневековых обитателей Казахской степи // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии. Проблемы интерпретации и сохранения. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2016. С. 53–63.
- Русакова И. Д.* К вопросу о датировке петроглифов раннего железного века (на примере петроглифов Боярского хребта в Хакасии) // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии. Проблемы интерпретации и сохранения. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2016. С. 173–181.
- Рыбаков Н. И.* Новый памятник тесинской культуры (святилище Оргинек в междуречье Юсов) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2006. Вып. 2. С. 160–172.
- Савенков И. Т.* К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества. Иркутск, 1886. Том XVII. №№ 3–4. С. 26–105.
- Савенков И. Т.* О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. Сравнительные археолого-этнографические очерки // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове 1908. М., 1910. Т. 1. 553 с.
- Савинов Д. Г.* Тесинские лабиринты (по материалам могильника Есино III) // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово, 1995. С. 22–32.
- Савинов Д. Г.* К истории открытия и изучения тесинских «лабиринтов» // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2006. Вып. 2. С. 154–159.
- Самашев З., Базылхан Н., Самашев С.* Древнетюркские тамги. Алматы: АО «АБДИ Компани», 2010. 168 с.
- Спасский Г. И.* О достопримечательнейших памятниках Сибирских древностей и сходстве некоторых из них с Великорусскими // Записки Императорского Русского географического общества. СПб., 1857. Кн. 12. С. 111–181.
- Хлобыстин Л. П., Шер Я. А.* Неолитическое погребение близ дер. Байкалово на Енисее // Краткие сообщения института археологии. М.: Наука, 1966. Вып. 106. С. 51–54.
- Шер Я. А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.
- Шер Я. А., Григорьев Г. П., Подольский Н. Л., Хлобыстин Л. П.* Находки на правом берегу Енисея // Археологические открытия 1966 года. М.: Наука, 1967. С. 145–147.
- Шер Я. А., Грушин С. П.* Могильник раннего бронзового века Черёмушный Лог 1 // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 95–103.
- Шер Я. А., Савинов Д. Г., Подольский Н. Л., Кляшторный С. Г.* Курганы и писаницы правобережья Енисея // Археологические открытия 1967 года. М.: Наука, 1968. С. 150–151.
- Шер Я. А., Хлобыстин Л. П.* Раскопки на Среднем Енисее // Археологические открытия 1965 года. М.: Наука, 1966. С. 10–12.
- Щукин Н. С.* Народные памятники в Восточной Сибири // Известия Императорского Русского Географического общества. СПб., 1882. Т. 18. Вып. 4. С. 229–244.
- Aspelin I. R. M. A.* Castréns Aufzeichnungen über die Alertümer im Kreise Minusinsk // Sonderdruck aus der Zeitschrift der Finnischen Altertumsgesellschaft. Helsingfors, 1901. XXI. No. 1. S. 1–54.
- Sher J. A.* Ensemble de Cheremushny Log // Répertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale. Paris: De Boccard, 1999. Fascicule No. 4. P. 5–52.

УДК 902/904

БОТАНИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ У НОВОРОМАНОВСКОЙ ПИСАНИЦЫ (УСТЬЕ Р. ДОЛГАЯ)

А. Е. Ножинков*Институт экологии человека,**Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН*

В статье представлены результаты исследования растительных комплексов на территории археологического памятника «Новоромановская писаница» в устье р. Долгая. Большой интерес вызывает расположение комплекса на стыке трёх растительных сообществ: типчаково-ковыльная степь, смешанный осиново-берёзово-сосновый лес и прибрежные скалы на берегу р. Томь. В лесном и прибрежном кластерах обнаружены виды растений, включенных в региональную и федеральную красные книги.

Ключевые слова: археологический памятник, растительные комплексы, охраняемые растения.

BOTANICAL AND GEOGRAPHIC CONTEXT OF THE ARCHAEOLOGICAL COMPLEXES OF THE NOVOROMANOVSKAYA PISANITSA (NOVOROMANOV ROCK ART SITE) IN THE MOUTH OF THE DOLGAYA RIVER

A. E. Nozhinkov*Institute of Human Ecology**of the Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry SB RAS*

A study was carried out of plant complexes on the territory of the archaeological site «Novoromanovskaya Pisanitsa» at the mouth of the river Dolgaya. The matter of great interest is the location of the complex at the junction of three plant communities: fescue-feather grass steppe, mixed aspen-birch-pine forest and coastal rocks on the bank of the river Tom. In the forest and littoral clusters, species of plants included in the regional and federal Red data books were found.

Keywords: archaeological site, plant complexes, protected plants.

Последнее десятилетие стало временем активных археологических изысканий на юге Нижнего Притомья. Их результатом стало обнаружение более 20 археологических памятников, датируемых в диапазоне от неолита до нового времени [обзор см.: Марочкин, Герман, 2011; Марочкин, 2016; Плац, 2017]. Таким образом, количество известных объектов археологии на данной территории увеличилось почти вдвое по сравнению с ситуацией конца 1980-х гг. [Кулемзин, Бородкин, 1989], к тому же проведены масштабные раскопки сразу на нескольких из них. Но даже при такой явно положительной динамике юг Нижнего Притомья в археологическом отношении изучен неравномерно. На ближайшие годы актуальной останется задача целенаправленного изучения микрорайонов с наибольшей концентрацией памятников [Марочкин, 2009].

Важнейшим таким микрорайоном является участок в устье р. Долгая (правый

приток р. Томи), примечательный наличием сразу нескольких археологических комплексов разного типа и разных эпох.

Ключевое место среди них занимают Новоромановская писаница и связанные с ней поселенческие и культовые комплексы стоянки Долгая-1, расположенные на левом берегу р. Долгая, непосредственно в устье [Ковтун, Марочкин, 2014]. Новоромановская писаница является вторым по размеру петроглифическим комплексом Нижней Томи (после Томской писаницы), а на материалах стоянки Долгая-1 сформирована первая региональная археологическая периодизация, охватывающая почти все периоды неолита, палеометалла и средневековья [Бобров, Марочкин, Юракова, 2012; Марочкин, 2016; Марочкин, Юракова, 2014].

Исследовано раскопками поселение Долгая-2, расположенное на правом берегу одноименной речки, также непосредствен-

но в устье. Оно дало преимущественно материалы крохалевской ранней бронзы [Бобров, Марочкин, Юракова, Панкратова, Конончук, Щербакова, 2014, с. 111].

Менее изучены городище эпохи средневековья Долгая-4 и курганный могильник (датировка неясна) Долгая-5, расположенные на вершине коренного борта левого берега р. Долгая и в приустьевой зоне этой небольшой реки [Марочкин, Юракова, Сизев, 2014].

Общая площадь участка, вмещающего все вышеуказанные археологические местонахождения, не превышает 1 га. Такая чрезвычайная компактность объясняется соприкосновением сразу трёх ландшафтных зон, выраженных в первую очередь геоморфологией и типами растительности (цв. илл. 1: 1–3). То есть, зафиксирована корреляция между типом того или иного памятника и его ландшафтной спецификой.

В 2015 г. совместными усилиями сотрудников музея-заповедника «Томская Писаница», лаборатории археологии ФИЦ УУХ СО РАН и Кузбасского ботанического сада ФИЦ УУХ СО РАН осуществлялось комплексное изучение историко-культурных объектов этого микрорайона в их ботанико-географическом контексте.

Цель данной статьи заключается в систематизации данных о современном флористическом разнообразии ландшафтов приустьевой зоны р. Долгая.

Памятник располагается в уникальном слиянии трёх фитоценозов: степного, лесного и поймы реки. Степной участок представляет собой злаково-полынную степь с преобладанием ковыля перистого (*Stipa pennata* L.), типчака (*Festuca valesiaca* Gaudin), тонконога (*Koeleria cristata* (L.) Pers.) и участием кустарников: кизильника черноплодного (*Cotoneaster melanocarpus* Fisch. ex Blytt), спиреи зверобоелистной (*Spiraea hypericifolia* L.). Местами на поверхность выходит скальный субстрат, где развиваются пионерные сообщества мхов и лишайников. Здесь поселяются виды мхов с широкой экологической амплитудой (*Barbula unguiculata* Hedw., *Bryum argenteum* Hedw., *Ceratodon purpureus* (Hedw.) Brid.). Поскольку скальный субстрат лишён влаги и питательных веществ, всё необходимое поглощается растениями непосредственно из

атмосферы. В целом же такие фрагменты незначительны.

Лесной фитоценоз имеет множественные следы пожаров, происходящих, по сведениям местного населения, по причине весенних палов. Основными лесобразующими породами на настоящий момент являются сосна (*Pinus sylvestris* L.), берёза (*Betula pendula* Roth) и осина (*Populus tremula* L.), однако подрост сосны, очевидно, страдает от пожаров и практически отсутствует. Отдельные молодые деревья наблюдаются на террасе Томи через дорогу от основного массива. Дорога, судя по всему, играет роль противопожарного рубежа. Берёза и осина страдают от огня в меньшей степени, благодаря наличию спящих почек.

В подлеске встречается боярышник, карагана кустарниковая (*Caragana frutex* (L.) K. Koch). Большое количество папоротника орляка (*Pteridium aquilinum* (L.) Kuhn) в травяном ярусе на значительных участках также говорит о частых пожарах – за счёт развития мощных корневищ папоротник гораздо быстрее восстанавливается после палов. На опушках лесов и склонах представлено разнотравье из зонтичных: горичник Морисона (*Peucedanum morisonii* Besser ex Spreng.), купырь лесной (*Anthriscus sylvestris* (L.) Hoffm.), жабрица презниковая (*Seseli libanotis* (L.) W.D.J. Koch); бобовых: чина Гмелина (*Lathyrus gmelinii* Fritsch), клевер ползучий (*Trifolium repens* L.), горошек однопарный (*Vicia unijuga* A. Braun); розоцветных: кровохлёбка (*Sanguisorba officinalis* L.).

Наибольший интерес, безусловно, представляют обнаруженные популяции трёх видов рода башмачок *Cypripedium*, включаемые в Красную книгу Российской Федерации (цв. илл. 1: 4–6). Это башмачок капельный (*C. guttatum* Sw.), башмачок настоящий (*C. calceolus* L.) и башмачок крупноцветковый (*C. macranthon* Sw.) – наиболее крупная из сибирских орхидей с одиночным цветком. Развитие от семени до цветущего состояния у башмачков может достигать 16 лет. Кроме того, для прорастания семян необходим симбиоз с почвенными грибами. Частые пожары повреждают и взрослые растения с созревшими семенами, и микобиоту – грибную компоненту.

Основным условием сохранения популяций редких орхидей должно стать недопущение палов на территории памятника.

В прибрежном кластере, непосредственно близ скал с петроглифами, представлены сообщества каменистых субстратов. На полках и в трещинах с мелкокозёмым селятся кустарники (*Caragana frutex* (L.) K. Koch, *Cotoneaster melanocarpus*, *Spiraea hypericifolia* L.), многочисленны заросли очитка (*Sedum aizoon* L.) и чабреца (*Thymus* sp.). Здесь обнаружен вид, включенный в Красную книгу Кемеровской области – Эфедра двухколосковая (*Ephedra distachya* L.) Скальные поверхности, в том числе и вертикальные, активно зарастают мхами и лишайниками. Мхи представлены как видами пионерных группировок, так и специализированными эпилитами (*Schistidium apocarpum* (Hedw.) Bruch et al., *Pseudoleskeella nervosa* (Brid.) Nyholm, *Grimmia ovalis* (Hedw.) Lindb., *Orthotrichum anomalum* Hedw.).

Литература

- Бобров В. В., Ковтун И. В., Марочкин А. Г. Археологические комплексы в Нижнетомском очаге наскального искусства // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. XV. С. 214–219.
- Бобров В. В., Марочкин А. Г., Юракова А. Ю. Исследования стоянки Долгая-1 на юге Нижнего Притомья (предварительные итоги) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. XVIII. С. 170–174.
- Бобров В. В., Марочкин А. Г., Юракова А. Ю., Панкратова Л. В., Конончук К. В., Щербакова А. В. Новые материалы ранней – начала развитой бронзы на поселениях Нижнего Притомья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. Т. XX. С. 108–111.
- Ковтун И. В., Марочкин А. Г. Мифокалендарные ритуалы на местонахождении Долгая-1 у Новоромановской писаницы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 2 (58). С. 101–110.
- Кулемзин А. М., Бородкин Ю. М. Археологические памятники Кемеровской области. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1989. 158 с.
- Куминова А. В. Растительность Кемеровской области. Ботанико-географическое районирование. Новосибирск: Западно-Сибирский филиал АН СССР, 1949. 169 с.
- Марочкин А. Г. Периодизация археологических древностей юга Нижнего Притомья // Археология Южной Сибири. Кемерово: ООО «Амирит», 2016. Вып. 27. С. 83–89.
- Марочкин А. Г., Юракова А. Ю. Материалы неолита-энеолита стоянки Долгая-1 (южные районы Нижнего Притомья) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. № 3. С. 189–201.
- Марочкин А. Г., Герман П. В. К археологической карте южных районов Нижнего Притомья // Историко-культурное наследие Кузбасса (актуальные проблемы изучения и сохранения памятников археологии). Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. Вып. III. С. 78–86.
- Плац И. А. Материалы к археологической карте юга Нижнего Притомья // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2017. № 6. С. 45–52.

В течении реки Долгой помимо видов каменистых субстратов обнаружены многочисленные эпифиты на стволах ив, произрастающих в пойменном лесу. Кроме того, непосредственно в воде, обитает гидрофит *Fontinalis antipyretica* Hedw. Этот вид интересен тем, что регулярно используется в исследованиях по загрязнению окружающей среды тяжёлыми металлами и прочими поллютантами.

Деятельность реки в период весеннего паводка формирует участки с обнажениями субстрата, которые в первую очередь активно заселяются мохообразными.

Наличие на территории памятника участка ковыльной степи, а также находка видов растений, включенных в региональную и федеральную красные книги (*Cypripedium guttatum*, *C. calceolus*, *C. macranthon* и *Ephedra distachya*), позволяет рекомендовать именно комплексную охрану археологической и ботанической компонент.

УДК 902/904

ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕТРОГЛИФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА» В 2017 г.

А. Н. Мухарева

*Музей-заповедник «Томская Писаница»,
Кемеровский государственный университет*

В статье характеризуются ход проведения и основные результаты работы Петроглифической экспедиции музея-заповедника «Томская Писаница», осуществлявшейся в 2017 г. на памятниках наскального искусства юга Красноярского края (Большой Сибигур, Толстый Мыс, Яновская (Маяк), Улазы, Шалаболинская, Георгиевская и Ильинские писаницы). В задачи экспедиции входило: продолжение документирования памятников и комплексов, исследование которых было начато ранее; выявление и обследование новых объектов; оценка состояния сохранности памятников, в том числе с использованием архивных материалов для сравнения; изучение изображений на курганных камнях; сбор материалов для фондов и экспозиций музея-заповедника. Статья снабжена иллюстрациями, представляющими новые и малоизвестные объекты наскального искусства.

Ключевые слова: наскальное искусство, изображения на плитах курганов, Минусинская котловина.

INVESTIGATIONS BY THE PETROGLYPHIC EXPEDITION OF THE MUSEUM-RESERVE "TOMSKAYA PISANITSA" IN 2017

A. N. Mukhareva

*Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa",
Kemerovo State University*

The paper characterizes a progress and main results of the Petroglyphic Expedition, organized by the Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa" in 2017. The work was conducted at the rock art sites in the south of Krasnoyarsk Krai (Bolshoy Sibigur, Ulazy, Tolstyy Mys, Yanovskaya (Mayak), Shalabolinskaya, Georgievskaya and Iljinskaya). The objectives of the expedition were to continue documenting the sites and complexes, the study of which was initiated earlier; to reveal and investigate unknown objects; to assess the state of preservation of sites under destruction, including their comparison with archival materials; to record the decorated kurgan slabs and to collect materials for the collections and exhibitions of the Museum-Reserve. The paper is well illustrated and presents new and little-known rock art objects.

Keywords: rock art, decorated kurgan slabs, Minusinsk Basin.

В 2017 г. исследования Петроглифической экспедиции музея-заповедника «Томская Писаница» проводились на территориях Новосёловского, Курагинского и Минусинского районов Красноярского края (рис. 1). Перед нами стояли следующие задачи: 1) продолжение полного документирования памятников и комплексов, исследование которых было начато ранее [Миклашевич, Мухарева, Бове, 2015; 2016; 2017]; 2) разведки на необследованных участках, выявление новых объектов наскального искусства; 3) локализация и осмотр па-

мятников, известных нам по литературе; 4) оценка состояния сохранности изучаемых памятников, в том числе с использованием для сравнения архивных материалов; 5) изучение изображений на курганных камнях; 6) сбор материалов для фондов и экспозиций музея-заповедника.

В Новосёловском р-не Красноярского края исследования осуществлялись на нескольких памятниках. На левом берегу Енисея (Красноярского водохранилища) основные работы были сосредоточены на местонахождениях Толстый Мыс (рис. 2–4) и

Рис. 1. Карта с указанием памятников наскального искусства, исследовавшихся петроглифической экспедицией музея-заповедника «Томская Писаница» в 2017 г.

Рис. 2. Петроглифы на камнях оград тагарских курганов могильника Толстый Мыс I

Большой Сибигур (рис. 5). В 2017 г. было завершено документирование петроглифов, выявленных ранее на северной оконечности горы Толстый Мыс (рис. 3, 4), а также на плитах оград тагарских курганов могильника Толстый Мыс I (рис. 2), расположенного под горой, юго-восточнее однои-

мённого озера. Изобразительный репертуар петроглифов на курганных камнях, представленный преимущественно тамгообразными знаками и антропоморфными персонажами, отличается от репертуара наскальных рисунков, среди которых преобладают зооморфные фигуры, нанесён-

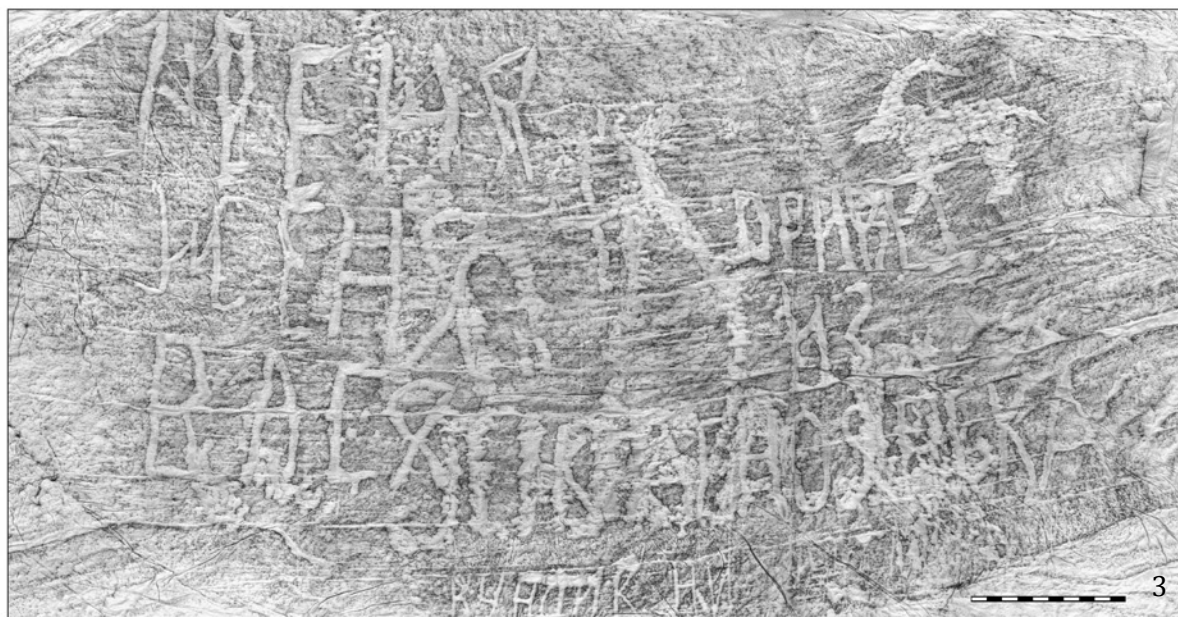
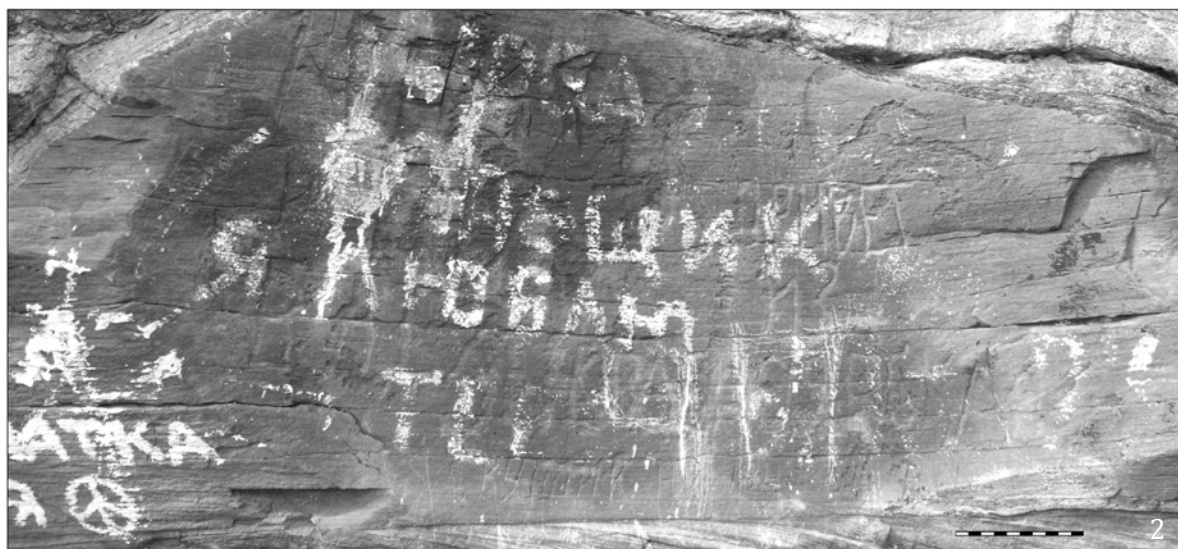
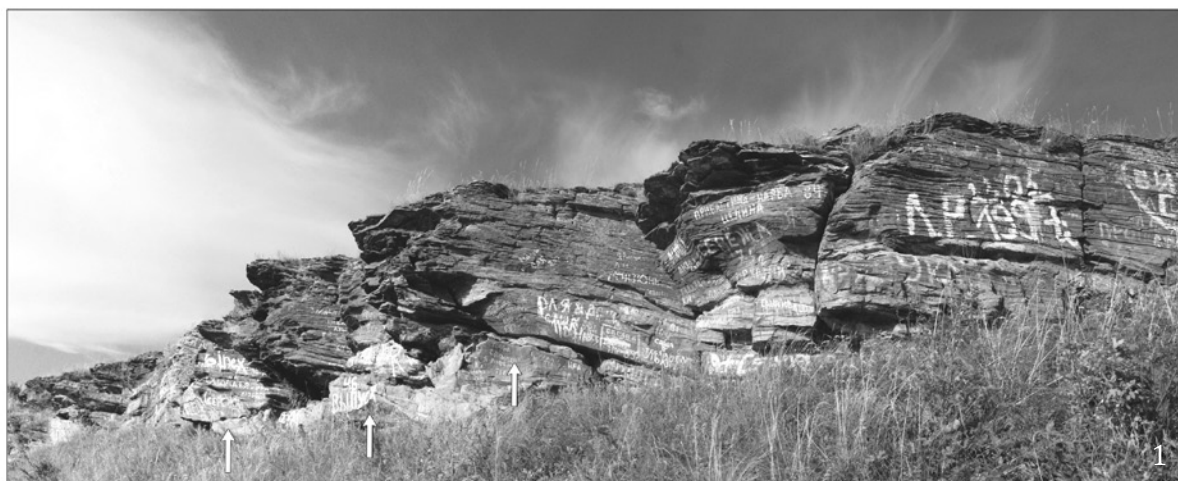

Рис. 3. Толстый Мыс: 1 – общий вид скального массива, стрелки указывают на местонахождение плоскостей с древними изображениями; 2 – фото плоскости; 3 – микалентная копия

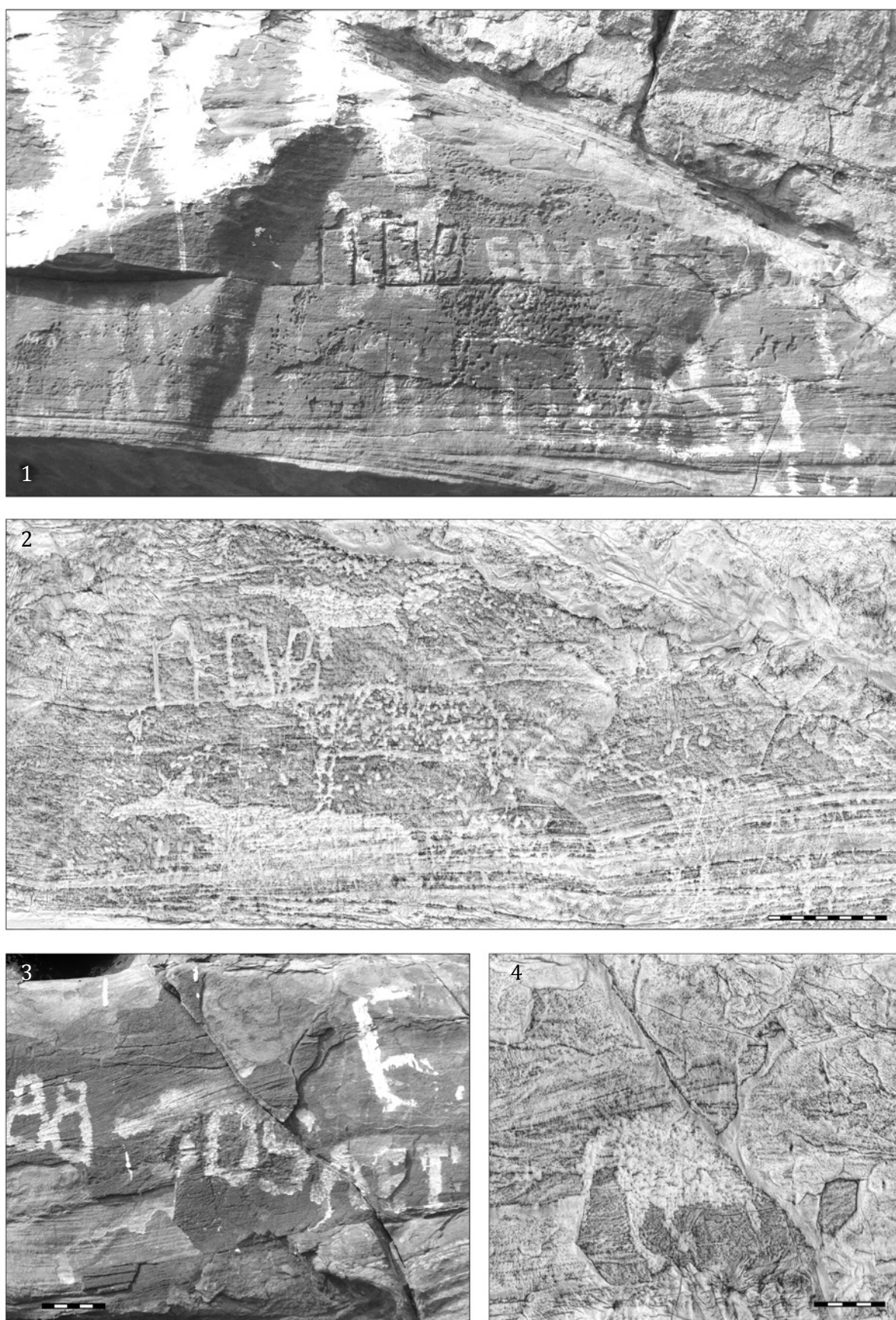

Рис. 4. Толстый Мыс: 1, 3 – фото плоскостей с петроглифами; 2, 4 – микалентные копии

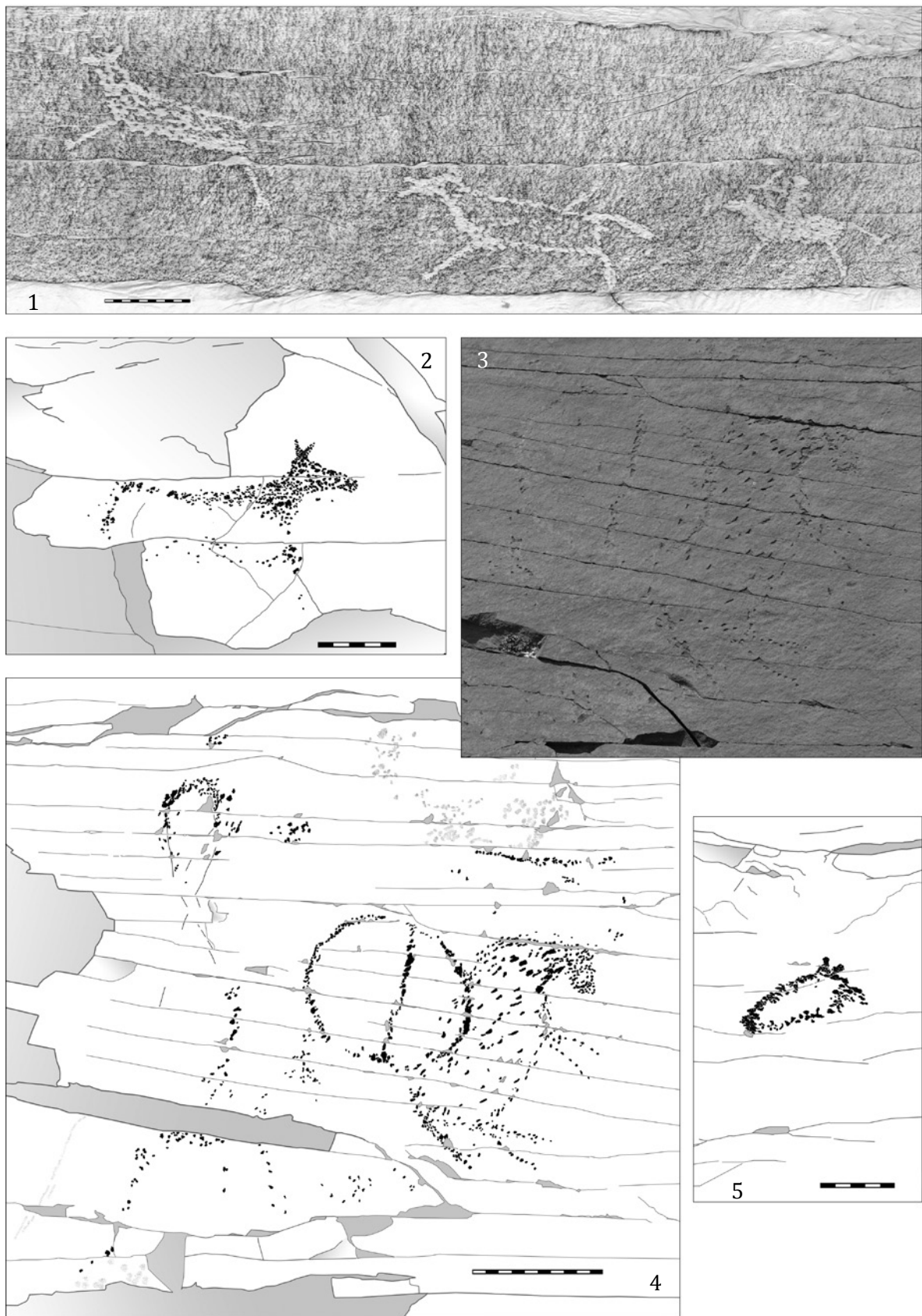

Рис. 5. Большой Сибигур: 1 – микалентная копия (фрагмент);
2, 4, 5 – прорисовки; 3 – фото фрагмента плоскости (4)

ные на скальные плоскости ещё до создания под горой тагарского могильника.

К сожалению, состояние сохранности небольшого местонахождения на горе Толстый Мыс, впервые обследованного нами ещё в 2013 г., таково, что выявить здесь рисунки чрезвычайно сложно. Дело в том, что все скальные выходы северной оконечности горы, сосредоточенные на единственном ярусе на самой вершине, густо покрыты разнообразными надписями. Под ними на трёх плоскостях с большим трудом удалось разглядеть древние выбитые изображения, проявить которые было возможно только с помощью копирования на микалентную бумагу (рис. 3, 4). Вероятно, большая часть надписей появилась в 1970–80-е гг., о чем свидетельствуют даты, оставленные на скалах. Тем не менее, новые тексты продолжали появляться и позднее. В результате белая, голубая, зелёная, чёрная и др. цветов краска, нанесённая в несколько слоёв, почти полностью скрывала некоторые рисунки. Кроме того, на двух плоскостях прямо поверх древних изображений были нанесены надписи, глубоко вырезанные каким-то инструментом (рис. 3: 3; 4: 2). О популярности этого места в настоящее время красноречиво свидетельствуют мусор и бутылки, валяющиеся поблизости.

Состояние памятника усугубляет каменоломня, разрабатывавшаяся в 2013–2015 гг. на вершине горы Толстый Мыс. При обследовании местонахождения в 2017 г. какой-либо техники, указателей или ограждений на месте добычи камня нами зафиксировано не было. Тем не менее, в настоящее время площадь участка, с которого в разные годы брали камень, составляет более 6000 м², а значительная часть восточного склона засыпана мелким плитняком, падавшим с вершины горы в ходе работ. Не исключено, что из-за добычи плитняка могли быть уничтожены или засыпаны и плоскости с древними изображениями.

Западнее горы Толстый Мыс расположены горы Обрыв и Большой Сибигур, образующие единую цепочку, протянувшуюся полукругом с востока на запад. В ходе обследования горы Обрыв на двух пло-

скостях были зафиксированы лишь следы пикетажа, не складывающиеся в фигуры. Гораздо более интересные с точки зрения стиля и хронологии петроглифы выполнены на юго-западной оконечности горы Большой Сибигур (рис. 5), где в 2017 г. было завершено документирование всех изображений, начатое годом ранее [Миклашевич, Мухарева, Бове, 2016, с. 87, 88].

В Новосёловском р-оне были продолжены исследования наскальных рисунков на горе Яновской (Маяк) [Мухарева, 2015], также расположенной на левом берегу Енисея (Красноярского водохранилища). В результате обследования южного склона горы в 2017 г. были выявлены две новые плоскости. К сожалению, их сохранность оставляет желать лучшего. В одном случае композиция оказалась почти полностью утрачена из-за выветриваний и чешуйчатых отслоений скальной корки с изображениями (рис. 6: 1–3). Во втором – сохранилась как минимум половина сцены, основными персонажами которой являются пешие лучники в своеобразных головных уборах (рис. 6: 4). К счастью, наполовину утраченное на скальной плоскости изображение коня удалось частично дополнить недостающими фрагментами, обнаруженными при осмотре площадки перед плоскостью. Здесь было собрано несколько небольших кусочков скальной корки, отвалившихся сравнительно недавно и лежавших перед плоскостью. На четырёх из них оказались гравированные линии. Эти фрагменты, образуя части фигуры коня и идущего впереди него воина, не только состыковывались между собой, но и несколько дополнили наскальную композицию (рис. 6: 6).

В целом, несмотря на компактность и сравнительно небольшое количество петроглифов на плоскостях вышеописанных местонахождений, среди них представлены изображения, относящиеся ко всем хронологическим пластам наскального искусства Минусинской котловины.

На правом берегу Енисея (Красноярского водохранилища) были продолжены исследования на комплексе Улазы, расположенном почти напротив районного цен-

тра с. Новосёлово. Этот петроглифический комплекс является наиболее крупным в северной части Минусинской котловины, а среди его разновременных изображений, выполненных на вертикальных и горизонтальных поверхностях, значительный пласт относится к I тыс. н.э., демонстри-

руя различные варианты раннесредневековой изобразительной традиции. В 2017 г. осуществлялось документирование уже известных и новых изображений на местонахождениях Улазы IV, V и VII (рис. 7), расположенных во внутренних логах скального массива.

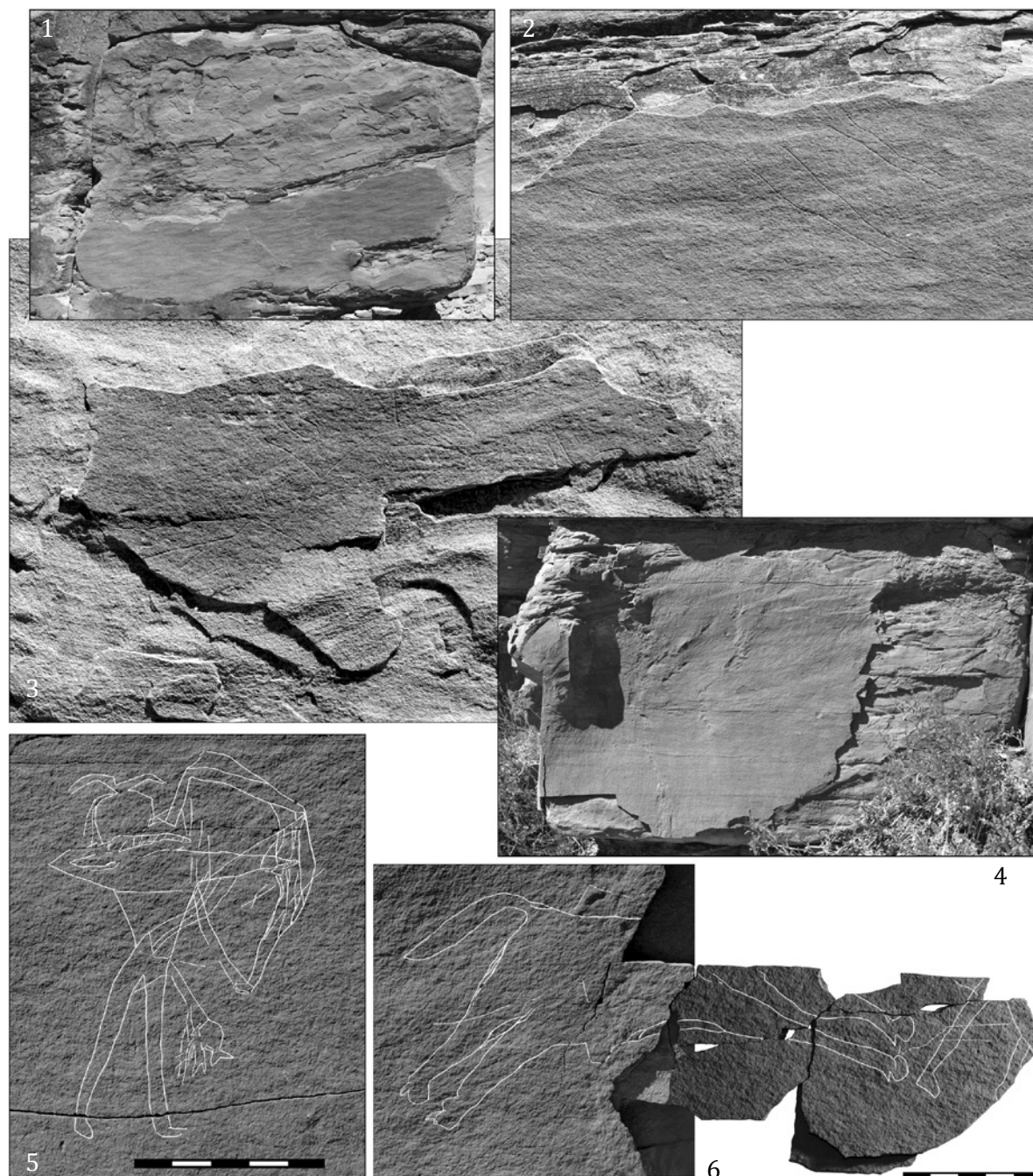

Рис. 6. Гравировки горы Яновской: 1 – общий вид плоскости с утраченной композицией; 2, 3 – сохранившиеся фрагменты плоскости с гравированными линиями; 4 – общий вид плоскости с изображениями лучника и коня; 5 – прорисовка фигуры лучника на фоне фотоизображения; 6 – прорисовка фрагментов коня и человека на фоне фотоизображения; фигуры дополнены собранными рядом с плоскостью кусочками отслоившейся скальной корки

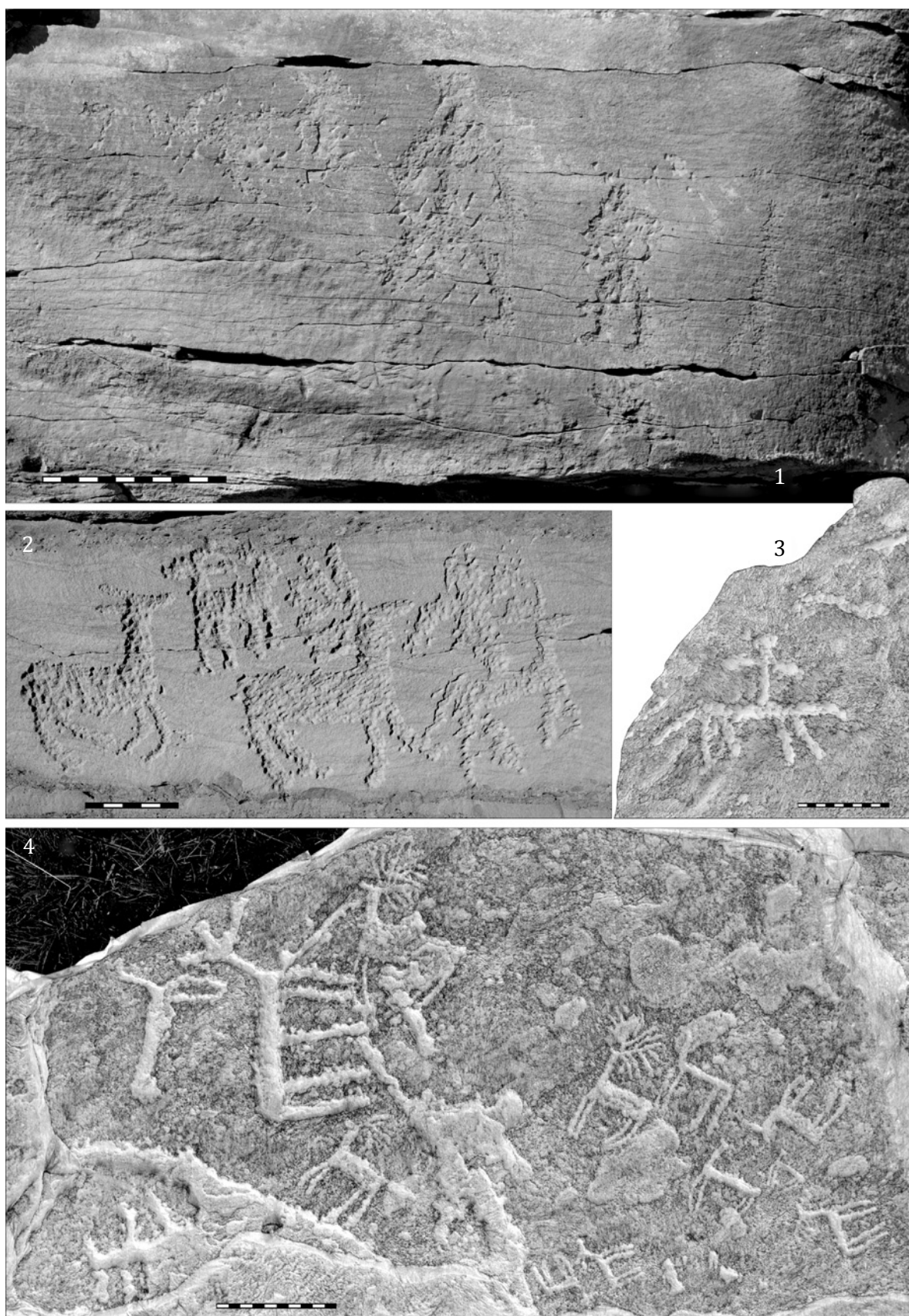

Рис. 7. Улазы V (1), IV (2) и VII (3, 4): 1, 2 – фото вертикальных плоскостей;
3, 4 – микалентные копии горизонтальных плоскостей

В Курагинском районе Красноярского края в полевой сезон 2017 г. была осмотрена Шалаболинская писаница, известная своими рисунками, относящимися к древнейшим пластам наскального искусства Минусинской котловины. В ходе осмотра памятника было обследовано несколько плоскостей с гравированными сценами, созданными в I тыс. н.э.; выполнено их копирование, описание, фотофиксация. Поскольку все эти плоскости расположены в нижней части скального массива и из-за высоких деревьев все время находятся в тени, их фотографирование осуществлялось при искусственно созданном освеще-

нии с применением дистанционной выносной вспышки. В результате работ по документированию удалось не только уточнить некоторые элементы ранее известных сцен [Ryatkin, 1998; Панкова, 2008, рис. I: 4] (рис. 8), но и выявить новые (цв. илл. 1).

В Минусинском р-не Красноярского края было продолжено обследование Ильинских писаниц, расположенных к юго-западу от с. Тесь (Ильинская I) и к северу от с. Прихолмье (Ильинская II). В 2017 г. удалось выполнить документирование изображений на юго-восточном склоне писаницы Ильинская II, в ходе которого были описаны и зафиксированы все плоскости

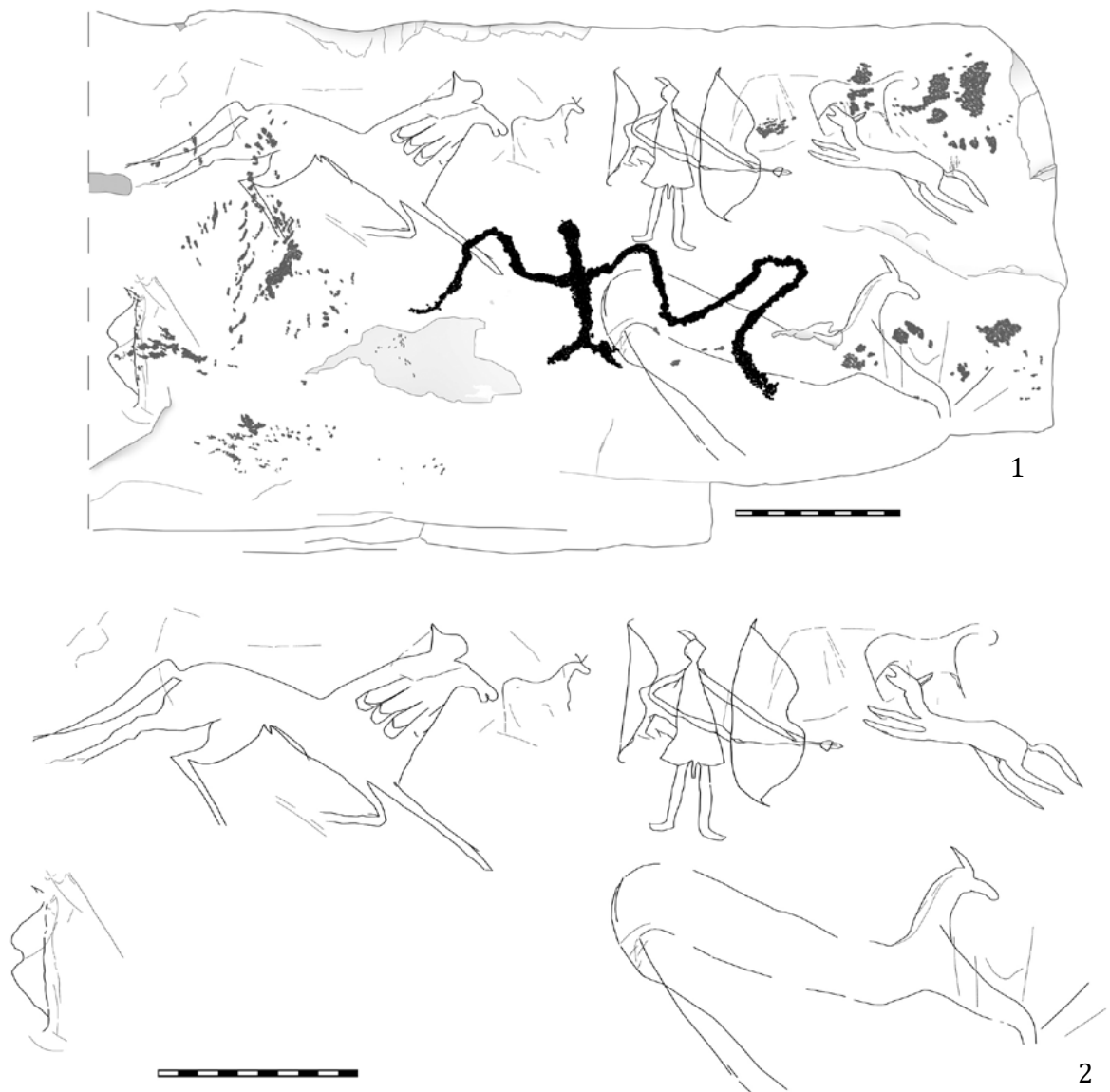

Рис. 8. Гравировки Шалаболинской писаницы:
1 – прорисовка фрагмента плоскости; 2 – прорисовка гравированных изображений

с выбитыми и гравированными рисунками, обнаруженные в этой части памятника.

Также были осмотрены наскальные изображения на горе Георгиевской, расположенной к северо-востоку от Ильинских писаниц, ближе к с. Тесь. На основе материалов предшественников [Леонтьев, Панкова, 2012] был проведен мониторинг петроглифов и зафиксирована неудовлетворительная степень их сохранности. На многих плоскостях с рисунками наблюдаются активные процессы отслоения скальной корки. Одна из плоскостей с гравированными изображениями [Леонтьев,

Панкова, 2012, рис. 21, 22] за последние 15 лет сильно растрескалась и в настоящий момент состоит из отдельных небольших фрагментов, которые свободно вынимаются из скального массива, в связи с чем может быть полностью утрачена в ближайшее время.

Таким образом, в результате работ Петроглифической экспедиции музея-заповедника «Томская Писаница» в 2017 г. собран обширный материал по наскальному искусству Минусинской котловины, имеющий значение для его научного изучения, сохранения и популяризации.

Литература

Леонтьев Н. В., Панкова С. В. Петроглифы горы Георгиевской (таштыкские резные рисунки) // Памятники наскального искусства Минусинской котловины: Георгиевская. Лышценская. Улазы III. Сосниха. (Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. X.) Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. С. 5–27.

Миклашевич Е. А., Мухарева А. Н., Бове Л. Л. Исследования Петроглифической экспедиции музея-заповедника «Томская Писаница» в 2012–2014 гг. // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2015. Вып. 1. С. 29–52.

Миклашевич Е. А., Мухарева А. Н., Бове Л. Л. Исследования Петроглифической экспедиции музея-заповедника «Томская Писаница» в 2015 гг. // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2016. Вып. 3. С. 30–48, 86–89.

Миклашевич Е. А., Мухарева А. Н., Бове Л. Л. Исследования Петроглифической экспедиции музея-заповедника «Томская Писаница» в 2016 гг. // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2017. Вып. 5. С. 86–100, 136–141.

Мухарева А. Н. Гравированные изображения середины I тыс. н.э. на севере Минусинской котловины // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2015. Вып. 2. С. 78–84.

Панкова С. В. «Фигуры-лопасти» на тащтыкских изображениях лошадей // Тропой тысячелетий: к юбилею М.А. Дэвлет. Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. IV. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. С. 106–114.

Pyatkin B. N. The Shalabolino petroglyphs on the River Tuba (Middle Yenisei) // International Newsletter on Rock Art, № 20. 1998.

УДК 902/904

РАБОТЫ НА ПЕТРОГЛИФИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ БОЯРЫ – АБАКАНО-ПЕРЕВОЗ В ХАКАСИИ В 2017 г.

И. Д. Русакова*Музей-заповедник «Томская Писаница»,**Институт экологии человека,**Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН*

В статье приводятся некоторые результаты работ по обследованию и документированию петроглифов на скальных выходах Боярского хребта в Хакасии в 2017 г. В этот полевой сезон было обнаружено новое местонахождение Абакано-Перевоз X, проведены расчистка плоскостей с петроглифами от лишайников, фотофиксация и копирование петроглифов на местонахождениях Абакано-Перевоз I и VIII.

Ключевые слова: петроглифы, карасукское время, тесинское время, документирование, расчистка от лишайников.

THE WORKS ON THE PETROGLYPH COMPLEX BOYARY – АВАКАНО-PЕРЕВОЗ IN KHAKASSIA IN 2017

I. D. Rusakova*Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa",**Institute of Human Ecology**of the Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry SB RAS*

The paper presents the results of investigations and documenting of the Boyary ridge petroglyphs in Khakassia in 2017. A new petroglyph site was found during the activities, cleaning of lichen, photo fixation and copying on the petroglyph sites Abakano-Perevoz I and VIII were conducted.

Keywords: petroglyphs, Karasuk time, Tes' time, documenting, lichen, clearing.

В 2017 г. автором были продолжены работы по обследованию и документированию петроглифов Боярского хребта, расположенного в Хакасии, на левом берегу Красноярского водохранилища.

1. Исследовательские работы.

Продолжено обследование возвышенностей, расположенных в районе д. Абакано-Перевоз. К востоку от неё, у берега Красноярского водохранилища, находится небольшая возвышенность, обращенная своими скальными выходами на Пановский лог, в котором в настоящее время расположено кладбище. На топографической карте она обозначена как гора Пахина (абсолютная высота 413 м). Немного южнее этой возвышенности, на склоне противоположного холма, видны две параллельных цепочки невысоких курганов, расположенных близко друг к другу и протянувшихся

по линии восток – запад. Курганы с оплывшими насыпями, кое-где прослеживаются камни оград. В северной цепочке – 4 кургана, в южной – 7.

Плоскости обследованной возвышенности сильно разрушены. Видно, что многие из них обвалились, разбившись на мелкие фрагменты. Всюду – каменные осыпи. На одном из скальных выходов сохранились остатки древней поверхности, на которой прослеживаются выбитые изображения. Ориентация плоскости южная. Цвет поверхности серовато-коричневый, с кальцитовыми и железистыми натекми. Данному местонахождению был присвоен индекс Абакано-Перевоз (АП) X.

Композиция состоит из антропоморфных фигур, точное количество которых указать сложно из-за плохой сохранности скальной поверхности. Все изображения

выполнены в линейной манере. У одной из фигур руки показаны прямыми, разведёнными в стороны и слегка опущенными вниз, ноги представлены в виде перевёрнутой буквы «V». Одно изображение – фертообразное, с ногами, сложенными кольцом под туловищем. Большая часть изображений показана с согнутыми под прямым углом руками, опущенными вниз, и только в одном случае руки персонажа со сжатыми кулаками подняты вверх. Ноги у данных фигур представлены или согнутыми под прямым углом, или в виде полуовала (рис. 1).

Композиция с антропоморфными персонажами на описанной плоскости характерна для петроглифов Боярского хребта, одной из особенностей которого является большое количество антропоморфных изображений. Значительная часть из них выполнена в схожей линейной манере, с руками и ногами, согнутыми под прямым

углом. Аналогичные изображения часто встречаются на курганных плитах и особенно на плитах оград тесинских курганов [Миклашевич, Бове, 2015, с. 60; Советова, Шишкина, 2014, рис. 2]. По ряду признаков подобные изображения представляется возможным отнести к тесинскому времени [Советова, Шишкина, 2014, рис. 2; Русакова, 2016а, с. 179]. По-видимому, и композиция, обнаруженная в 2017 г. на местонахождении АП X, также может быть отнесена к тесинскому времени.

Вполне вероятно, обследованная возвышенность могла быть периферией комплекса местонахождений, когда-то расположенных на скалистом берегу Енисея, а ныне затопленных Красноярским водохранилищем. Так, по сведениям А. В. Адрианова, «приблизительно в 100 саженях (277 шагов) от «монгольской» надписи и рисунков на горе Перевозной (затопленной

Рис. 1. Абакано-Перевоз X: 1 – общий вид скальных выходов; 2 – фото плоскости с изображениями; 3 – прорисовка

водохранилищем – *И. Р.*), вверх по течению Енисея к воде подходят утесы, на которых также есть рисунки. Эта писаница тянется до Пановского лога. Но она практически уничтожена выломкой камня» [Адрианов, 1906].

А. В. Адрианов отмечал, что в этом районе выломка камня производилась в больших объемах: «Камень ломают в Майдашах, у Перевозной горы, Пановского лога в 3 в. от д. Перевозной (Джарымтыч-кая) и в др.; необходимо, мне кажется, приостановить выломку камня у писаниц (особенно у дер. Абаканско-Перевозной), чтобы сохранить их...» [Адрианов, 1904, с. 33].

Таким образом, район нынешней д. Абакано-Перевоз был необычайно богат памятниками древнего наскального искусства. Значительная часть этих памятников, расположенных на скальных выходах Боярского хребта и на других возвышенностях, находящихся на значительном удалении от Енисея, сохранилась до сегодняшнего дня. Те же памятники, которые были расположены на берегу реки и в непосред-

ственной близости от нее, либо были затоплены водохранилищем, либо уничтожены камнеломными работами.

2. Работы по документированию.

В 2017 г. были продолжены работы по фотофиксации и микалентному копированию плоскостей с изображениями. Проведена фотофиксация пункта АП I Б, открытого в 2009 г. Он расположен на восточной оконечности Боярского хребта, являющейся ближайшей возвышенностью к Красноярскому водохранилищу, на топографической карте обозначенной как гора Доркина (абсолютная высота 336 м). Возвышенность отделена от основного местонахождения АП I небольшим логом, по которому проходит грунтовая дорога. На выступающем огромном валуне находятся две плоскости с изображениями, расположенные на двух его гранях. Плоскость 1 экспонирована на ЮЗ. На ней зафиксированы изображения двух лошадей (?), козла (?), копытных животных, антропоморфного персонажа. Местами выбивка сильно выветрена, некоторые фигуры сохранились фрагментарно (рис. 2).

Рис. 2. Абакано-Перевоз I Б, плоскость 1

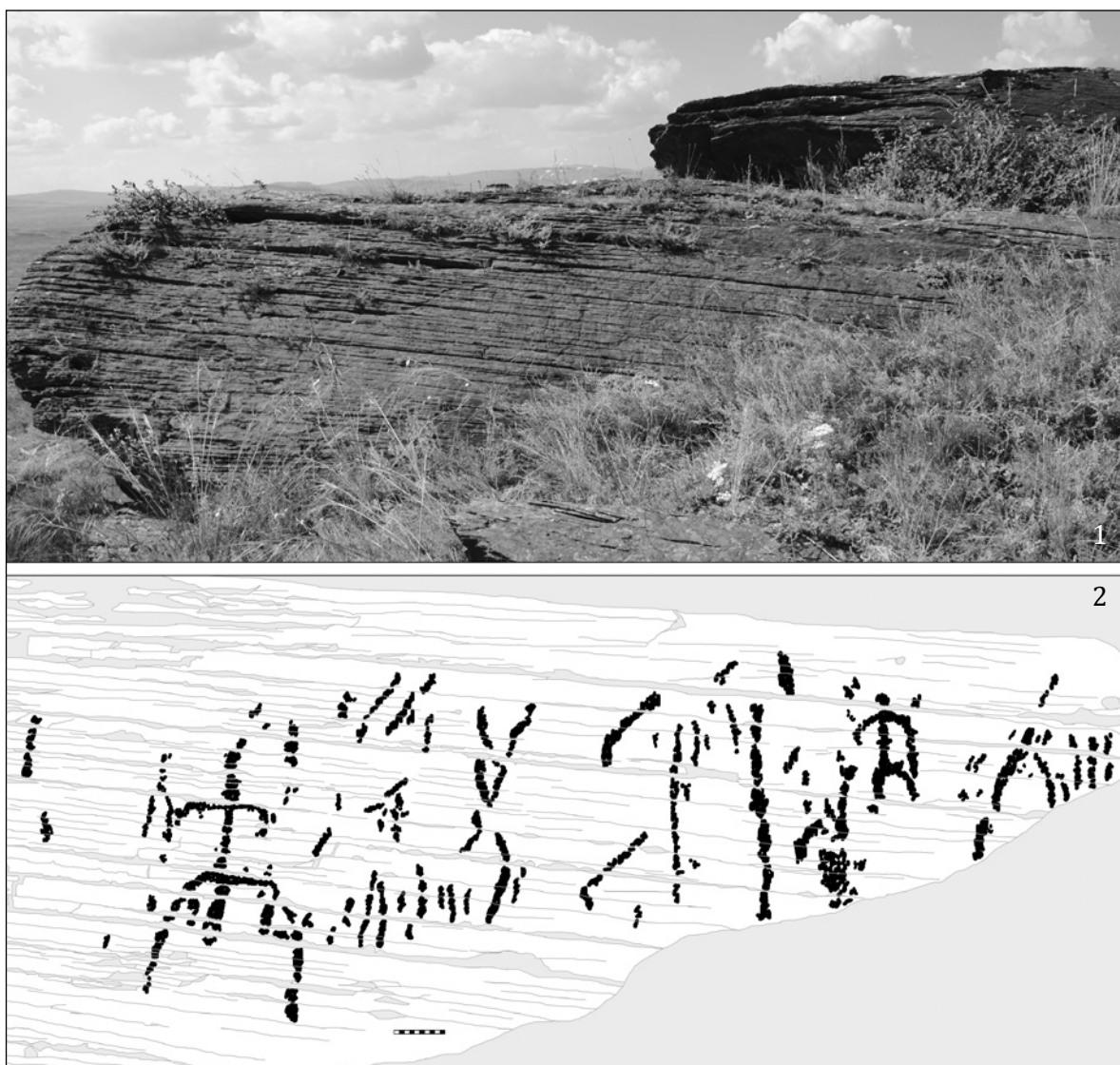

Рис. 3. Абакано-Перевоз I Б, плоскость 2: 1 – фото; 2 – прорисовка

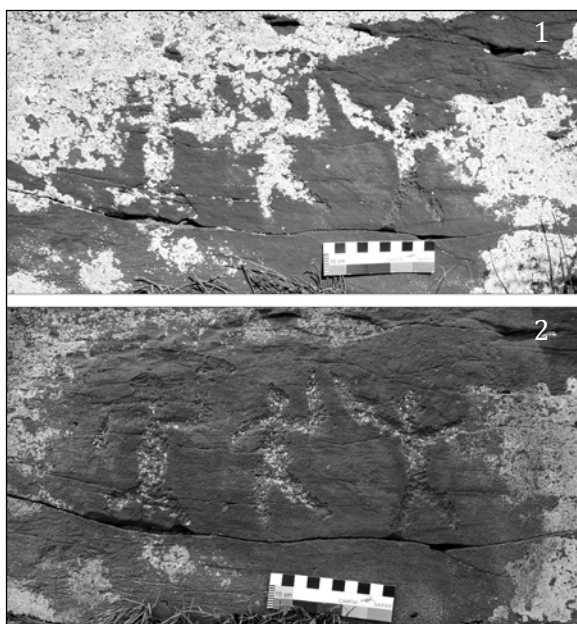

Рис. 4. Абакано-Перевоз I, плоскость 8: 1 – фото 2016 года; 2 – плоскость в процессе расчистки от лишайников; 3 – прорисовка

На другой грани валуна, ориентированной на ЮВ (плоскость 2), изображено несколько крупных антропоморфных фигур, которые также очень слабо «читаются» из-за сильной степени выветривания и многочисленных трещин (рис. 3). Восточнее описанного валуна обнаружены ещё две небольшие плоскости с изображениями неопределённых животных и спирали.

В 2017 г. совместно со студентами и магистрантами Кемеровского государственного университета под руководством А. Н. Мухаревой была продолжена работа по расчистке плоскостей с петроглифами от лишайников с последующей их фотофиксацией и микалентным эстампированием. Было расчищено несколько плоскостей на местонахождении АП I (рис. 4) и ещё раз отмечено, что за время, прошедшее с момента первого эстампирования петроглифов на этом местонахождении в 1992 и 1996 гг., значительно увеличилась площадь произрастания лишайников, поглотивших новые участки, свободные от биообрастателей двадцать лет назад [Русакова, 2016б, с. 109–111].

На местонахождении АП VIII была проведена расчистка от лишайников крупной

плоскости с изображениями карасукского времени. Плоскость расположена на выступающем скальном блоке длиной 13 м, имеет положительный угол наклона и была полностью покрыта колониями лишайников. В 2017 г. удалось расчистить правую часть плоскости длиной около 6 метров, на которую нанесены петроглифы (цв. илл. 1). На данном местонахождении имеются и другие плоскости с петроглифами, требующие расчистки. В частности, это плоскость длиной около 6 м, также имеющая положительный угол наклона. В 2000 г. на ней ещё можно было различить под лишайниками как минимум восемь антропоморфных фигур. В настоящее время они практически не видны даже при косом освещении.

В целом, многие плоскости Боярского хребта, особенно со стороны д. Абакано-Перевоз, то есть наиболее близко расположенные к Красноярскому водохранилищу, покрыты плотным слоем лишайников. Большое их количество с петроглифами. Поистине колоссальная работа по расчистке предстоит на местонахождении АП V, где из 18 известных плоскостей как минимум три четверти покрыты лишайниками, разрастающимися год от года.

Источники

Адрианов А. В. Писаницы Енисейской губернии. Отчет за 1904 г. Писаница Абаканская. Томск, 1906 // Архив МАЭС ТГУ. Д. 55. XXIX.

Литература

Адрианов А. В. Предварительные сведения о собирании писаниц в Минусинском крае летом 1904 г. командированным комитетом А. В. Адриановым (из писем к г. Председателю Комитета) // Известия Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. СПб.: РКИСВА, 1904. № 4. С. 25–33.

Миклашевич Е. А., Бове Л. Л. Исследование изображений на курганных плитах могильников под горой Бычиха (Минусинская котловина) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 1. № 3 (63). С. 52–64.

Русакова И. Д. К вопросу о датировке петроглифов раннего железного века (на примере петроглифов Боярского хребта в Хакасии) // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): материалы международной конференции. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2016а. С. 173–181.

Русакова И. Д. Предварительные результаты обследования петроглифов Боярского хребта в 2011–2014 гг. // Археология Южной Сибири. Кемерово, 2016б. Вып. 27. С. 101–114.

Советова О. С., Шишкина О. О. Изображения на плитах оград тагарских курганов (Тепсейский археологический комплекс) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. Т. 3. № 3 (59). С. 93–98.

УДК 902/904

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ В КЕМЕРОВСКОМ И ТИСУЛЬСКОМ РАЙОНАХ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 2017 г.

А. С. Сизёв*Музей-заповедник «Томская Писаница»***И. А. Плац***Институт экологии человека,**Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН*

Открытие новых археологических памятников остаётся одной из самых приоритетных задач кузбасской археологии. Выявление памятников различных типов и эпох является важнейшим условием для формирования конкретных знаний о наших предшественниках в Кузнецко-Салаирской горной области. Другая важная задача – мониторинг, сохранение и изучение материальных памятников первых русских землепроходцев, к числу которых относится Каштакский острог. Цель данной статьи заключается во введении в научный оборот результатов археологической разведки в Кемеровском и Тисульском районах Кемеровской области в 2017 г. Исследования проводились с применением анализа геоморфологической ситуации изучаемых районов, метода подъёмных сборов с выяснением стратиграфии почвенных напластований и выявлением культурного слоя посредством зачисток обнажений с последующим типолого-морфологическим и сравнительным анализом полученных предметов. Крайне важным методом при первичном обследовании памятников является топографическая съёмка. В статье представлена информация о трёх новых памятниках на территории Кемеровского и Тисульского районов. В публикации предложена общая планиграфическая характеристика сереброплавильного и рудодобывающего комплекса в устье р. Малый Каштак (Каштакского острога). Для каждого местонахождения приводятся данные о его расположении, характере, полученных материалах и предположительной культурно-хронологической атрибуции.

Ключевые слова: Кемеровский район, Тисульский район, Каштакский острог, археологическая разведка, Каштак I, Каштак II, Каменка I.

THE ARCHAEOLOGICAL RECONNAISSANCE IN KEMEROVO AND TYSUL DISTRICTS OF KEMEROVO REGION IN 2017

A. S. Sizyov*Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa"***I. A. Plats***Institute of Human Ecology**of the Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry SB RAS*

Discovering new archeological sites is one of the important tasks of Kuzbass archaeology. The revealing of archeological sites of different types and epochs is the most important condition for creating specific knowledge about our predecessors in Kuznetzk-Salair mountain area. Another important task is monitoring, preservation and exploration of archeological sites of the first Russian explorers, including Kashtak stockaded town. The aim of this article is to introduce to scientific base the results of archeological reconnaissance in Kemerovo and Tysul districts in 2017. Research was conducted using such scientific methods as analysis of geomorphological situation of these districts, method of lifting collection, with the explanation of stratigraphy and the identification of the cultural layer through local excavation, followed by typological-morphological and comparative analysis of the artifacts. One of the most important things during the first survey of archeological sites is mapping. The article presents information about three new archeological sites in Kemerovo and Tisul districts. The planigraphical characteristics of Kashtak stockaded town and the silver mine are considered. In addition, the authors discuss location, artifacts and possible dating of new archeological sites.

Keywords: Kemerovo district, Tysul district, Kashtak stockade, archeological reconnaissance, Kashtak I, Kashtak II, Kamenka I.

Археологические разведки в Тисульском и Кемеровском районах Кемеровской области являются планомерным продолжением многолетнего проекта по составлению археологической карты наименее изученных районов Кузнецко-Салаирской горной области [Марочкин, Герман, 2011; Плац, 2017]. Исследования осуществляются силами лаборатории археологии ФИЦ УУХ СО РАН и музея-заповедника «Томская Писаница». Ранее работы коллектива проводились в основном в Яшкинском районе [Бобров, Марочкин, Юракова, 2012; Бобров, Марочкин, Юракова, Панкратова, Конончук, 2013; Марочкин, Плац, Конончук, 2015; Марочкин, Сизев, Плац, Конончук, 2017; Марочкин, Юракова, Сизев, Щербакова, Плац, 2012]. Включение в зону ежегодных археологических разведок Кемеровского и Тисульского районов позволит существенно дополнить наши знания о древнем, средневековом и русском населении Кузнецко-Салаирской горной области. Так, уже в результате рекогносцировочных работ 2017 г. были обнаружены новые археологические памятники Каменка I, Каштак I, Каштак II, обследован рудодобывающий и сереброплавильный комплекс в устье р. Малый Каштак (Каштакский острог).

Тисульский район

Описание разведочного маршрута. Осмотренная площадь включает надпойменные террасы правого и левого берегов р. Каштак в месте впадения в неё р. Малый Каштак и в окрестностях дамбы, оставшейся от бывшей деревни Согласие. Кроме того, исследованы правобережные и левобережные террасы в приустьевой зоне р. Малый Каштак. Таким образом, осмотрен участок (оба берега рек Каштак и Малый Каштак) протяженностью ≈ 2 км по оси С-Ю и 0,4 км по оси З-В.

Описание выявленной курганной группы Каштак I. Курганный могильник Каштак I обнаружен на первой надпойменной террасе правого берега р. Малый Каштак в 500 м к ЮЗ от устья реки (цв. илл. 1). Место могильника хорошо задерновано, имеет плотный густой травостой. Древостой редкий, представлен взрослыми деревьями сосны обыкновенной и берёзы, произрастающих, главным образом, на

курганых насыпях. С северной стороны участок с резким понижением переходит в пойму р. Малый Каштак. С южной и юго-западной стороны он ограничен сосново-берёзовым лесом. Западная часть террасы плавно понижается к озеру, возможно, являющемуся старицей р. Малый Каштак. С востока участок ограничен полем, использовавшимся под сенокос в советское время. Через территорию памятника проходит просёлочная дорога из пгт. Тисуль на частную пасеку. В 30 м к северо-востоку от могильника на поляне, относительно свободной от лесной растительности, ближе к краю первой надпойменной террасы находятся остатки старой пасеки (элементы деревянных конструкций, бытовой мусор). Со слов владельца старой и новой пасек (человек пожилого возраста, 70 лет) земляные насыпи находились на этом месте на протяжении всей его жизни. Ближайшим к данному могильнику населённым пунктом является пгт. Тисуль Тисульского района Кемеровской области, расположенный в 6 км к северо-востоку.

Всего на памятнике зафиксировано два кургана. Курган № 1 округлой формы, диаметр достигает 10 м, высота до 1,2 м. Курган № 2 расположен в 28 м к СВ от кургана № 1, овальной формы, длина по оси СЮ составляет 11 м, по оси З-В достигает 13 м, высота до 0,9 м.

Вопросы датировки и культурной принадлежности. Датировку и культурную принадлежность памятника без раскопок установить сложно. Поиски подъёмного материала положительного результата не имели.

Описание сереброплавильного и рудодобывающего комплекса в устье р. Малый Каштак. Сереброплавильный и рудодобывающий комплекс, расположенный в устье р. Малый Каштак, в настоящее время включает в себя археологизированные остатки укреплений Каштакского острога и входов в штольню. Кроме того, на первой надпойменной террасе левого берега р. Малый Каштак нами было обнаружено местонахождение археологического материала русского времени (Каштак II). Ближайшим к данному комплексу населённым пунктом является пгт. Тисуль Тисульского

района Кемеровской области, расположенный в 5,5 км к северо-востоку.

Серебряный рудник начал функционировать на этом месте в 1697 г., тогда же для его защиты от нападений енисейских кыргызов был воздвигнут острог [Добжанский, Ермолаев, 2016, с. 20–22]. Вероятнее всего, добыча серебряной руды продолжалась до 1699 г., после чего работы на руднике не возобновлялись [Добжанский, Ермолаев, 2016, с. 36]. Каштакский острог использовался как пограничный форпост несколько дольше и был уничтожен русскими в период с 1703 по 1706 гг., т.к. необходимость в нём отпала [Добжанский, Ермолаев, 2016, с. 42].

Разведочные работы 2017 г. на данном археологическом комплексе предваряют стационарные раскопки, запланированные в рамках масштабного проекта по изучению Каштакского острога и рудника, направленного на сопоставление данных письменных, картографических и археологических источников о первом российском сереброплавильном промысле. В данной статье предложена общая планиграфическая характеристика памятника. Подробное описание объектов, их метрические показатели и атрибуция будут рассмотрены в следующей публикации.

Предварительные границы комплекса определены с учетом геоморфологического контекста, планиграфии жилищных и хозяйственных западин, укреплений Каштакского острога. Ввиду расположения штолен, местонахождения Каштак II и острога на двух противоположных берегах р. Малый Каштак целесообразно выделить две группы объектов, обозначенных поворотными точками.

Первый правобережный участок (ПТ 1–4) включает в себя собственно острог, второй левобережный (ПТ 5–10) – три входа в штольню и местонахождение Каштак II, где был проведен сбор подъемного материала (цв. илл. 1).

Описание правобережного участка. Остатки острожных укреплений находятся на первой надпойменной террасе левого берега р. Каштак, на правом берегу его малого притока р. Малый Каштак в 100 м к ЮЗ от его устья на относительно ровной

площадке, плавно понижающейся в сторону реки (к северо-востоку). За северо-восточной стеной острога начинается более резкое понижение к пойме р. Каштак. Комплекс археологизированных земляных укреплений задернован, занят луговым травостоем, свободен от древостоя, за исключением одиночной взрослой берёзы, произрастающей у юго-восточной стороны острога, и нескольких молодых берёз на его внутренней площади. Кустарниковая растительность представлена единичными зарослями черёмухи.

От расположенной к северо-востоку р. Каштак острог отделён естественными зарослями берёзы и акации. С северо-западной стороны от поселения наблюдается естественное понижение поверхности к пойме р. Малый Каштак, покрытое природными зарослями берёзы, черёмухи и искусственными насаждениями сосны. Здесь же проходит просёлочная дорога из пгт. Тисуль на частную пасеку. С юго-восточной и юго-западной стороны от памятника находится поле, использовавшееся в советское время под сенокос, покрытое молодым березняком.

Комплекс острожных укреплений и визуально определяемых остатков жилищных или хозяйственных конструкций состоит из подквадратной формы площадки, ограниченной со всех сторон рвом, и семи западин, расположенных на внутренней площади острога. Кроме того, за пределами ограниченной рвом площадки находятся три западины, возможно, возникшие в результате поздней хозяйственной деятельности и не связанные с деятельностью обитателей острога. У внешнего края оборонительного рва западного угла острога находится поклонный крест, воздвигнутый местными жителями в 2010-х гг.

Общее состояние памятника следует считать удовлетворительным – поверхность хорошо задернована, наличие рва предохранило его от распашки. Тем не менее, на поселении зафиксированы следы небольших перекопов (2–3 шт.), оставленных, по всей видимости, т.н. чёрными археологами (что еще раз подчёркивает необходимость мониторинга объектов археологического наследия).

Описание правобережного участка.

Западины, интерпретированные нами как входы в горные выработки и местонахождение Каштак II, находятся на первой и второй надпойменных террасах противоположного левого берега р. Малый Каштак на расстоянии от 75 до 300 м от устья реки к ЮЗ и СЗ.

Штольня № 1 находится в скальном выходе склона второй надпойменной террасы реки. Внутри объекта и в непосредственной близости от него произрастает взрослая берёза, сосна. Участок, на котором расположена штольня, с севера, запада и востока ограничен смешанным лесом, а с юга поймой р. Малый Каштак. Штольни № 2 и № 3 находятся на свободном от кустарниковой и древесной растительности участке первой надпойменной террасы р. Малый Каштак. С севера и запада от него проходит дорога из пгт. Тисуль на частную пасеку. С юга и востока он ограничен поймами рек Малый Каштак и Каштак.

Местонахождение Каштак II расположено на первой надпойменной террасе левого берега р. Малый Каштак. Оно хорошо задерновано, имеет плотный густой травостой, свободно от деревьев и кустарника. Противоположный берег реки покрыт зарослями ивняка. С севера местонахождение ограничено опушкой сосново-берёзового леса протяженностью до 100 м, с юга – руслом р. Малый Каштак. Западная часть участка постепенно повышается и переходит в скальный выход, в котором располагается штольня № 1, а к востоку от него расположены предпойменные участки левого берега р. Каштак. В результате осмотра берегового обнажения было обнаружено два фрагмента лепной неорнаментированной керамической посуды русского времени.

Вопросы датировки и культурной принадлежности. По письменным источникам время функционирования острога определяется периодом с 1697 по 1703–1706 гг. [Добжанский, Ермолаев, 2016, с. 42]. Местонахождение Каштак II, вероятнее всего, относится к этому же времени, но не исключен его более поздний возраст.

*Кемеровский район***Описание разведочных маршрутов.**

В ходе археологической разведки в Кемеровском районе на предмет новых памятников обследовано семь маршрутов: 1) надпойменная терраса р. Томь от посёлка Известковый до д. Подъяково; 2) надпойменная терраса правого берега р. Балахонка от д. Сутункин Брод до д. Старая Балахонка; 3) надпойменная терраса р. Томь от д. Старая Балахонка до детского лагеря «Космос»; 4) надпойменная терраса р. Томь от села Верхотомского до г. Кемерово; 5) надпойменная терраса р. Томь от устья р. Алыкаевка до устья р. Крутой в г. Кемерово; 6) надпойменная терраса р. Томь от д. Журавлево до д. Жургавань; 7) надпойменная терраса р. Томь от устья р. Ляпки до музея «Тюльберский городок». В четвертом из перечисленных маршрутов был открыт новый памятник археологии Каменка I.

Описание выявленного поселения Каменка I. Поселение расположено в Кемеровском районе Кемеровской области на надпойменной террасе правого берега р. Томь на мысовидном участке в устье р. Каменка (цв. илл. 2: 1). Ближайшие населённые пункты: с. Верхотомское (2,9 км к ЮВ), д. Старая Балахонка (5,3 км к СЗ).

Границы памятника определены в соответствии с местными геоморфологическими условиями, наличием западин, подъёмных сборов и культурного слоя в зачистках почвенных обнажений. Поселение ограничено с ЮЗ р. Томь, с ЮВ р. Каменка. На СВ памятник ограничен техническим заездом на автотрассу Кемерово–Яшкино и кучами щебёнки. К С и СЗ поселение ограничено грунтовыми дорогами и повышающимся рельефом [Плац, 2017, рис. 3]. Территория памятника серьёзно повреждена современным антропогенным воздействием. Рядом с памятником сооружён заезд на автотрассу Кемерово–Яшкино, рельеф террасы полностью нарушен.

На территории памятника зафиксировано три западины. Западина № 1 расположена в 20 м к СВ от геодезического пункта на краю надпойменной террасы р. Томь. Форма – округлая, диаметр – 3,2 м, глу-

бина – 0,8 м. Западина № 2 расположена в 30 м к ВЮВ от геодезического пункта на небольшой террасе, примыкающей к р. Каменка. Форма – овальная, размеры – 4,5 × 3 м, глубина – 1,1 м. Западина № 3 расположена в 40 м к В от геодезического пункта на небольшой террасе, примыкающей к р. Каменка. Форма – округлая, размеры – 4,5 × 3 м, глубина – 1,1 м. Между западинами № 2 и № 3 зафиксирован почвенный «выкид» размерами 4 × 3 м и высотой 1 м.

На просёлочной дороге в 60 м к С от геодезического пункта нами был собран подъёмный материал: фрагмент тулова керамического сосуда (цв. илл. 2: 2). Орнамент отсутствует. Цвет черепка – светло-серый. Толщина фрагмента – 0,6 см.

Для определения стратиграфии и границ памятника, а также выяснения его культурно-хронологической принадлежности было произведено две зачистки обнажений почвенного покрова (рис. 1: 1, 2). Зачистка № 1 расположена в 25 м к ЮЮВ от геодезического пункта. Длина зачистки – 1 м, глубина – до 0,5 м. Выявлена следующая стратиграфия: 1) дерн (до 0,08 м); 2) гумусированная супесь тёмно-серого цвета (до 0,22 м); 3) жёлтый суглинок с вкраплениями тёмно-серой гумусированной супеси (до 0,17 м); 4) жёлтый суглинок («материк»). В зачистке обнаружены две находки. 1 – фрагмент шейки керамического сосуда (цв. илл. 2: 3). Орнамент отсутствует. Найден на глубине 20 см от уровня современной дневной поверхности в слое гумусированной супеси тёмно-серого цвета. 2 – скребок полуокруглой формы (цв. илл. 2: 4), размеры 2,3 × 2,1 × 0,7 см; рабочий край пологий, занимает от 1/2 периметра и оформлен крупной непрерывной захватывающей ретушью с дорсальной стороны. Найден на глубине 35 см от уровня современной дневной поверхности в слое жёлтого суглинка с вкраплениями гумусированной супеси тёмно-серого цвета.

Зачистка № 2. Расположена в 30 м к СЗ от геодезического пункта. Длина зачистки – 1 м, глубина – до 0,4 м. Стратиграфическая ситуация аналогична зачистке № 1. В зачистке № 2 обнаружен отщеп слу-

чайной формы без ретуши (цв. илл. 2: 5). Размеры – 6 × 2,6 × 1,3 см.

Вопросы датировки и культурной принадлежности. Характер керамического материала удостоверяет присутствие на памятнике довольно позднего комплекса, который предварительно можно датировать средневековым или новым временем. Обнаружение предметов каменной индустрии показывает наличие культурного слоя эпохи неолита – ранней бронзы. Вопрос о культурной принадлежности памятника остается открытым. Для решения

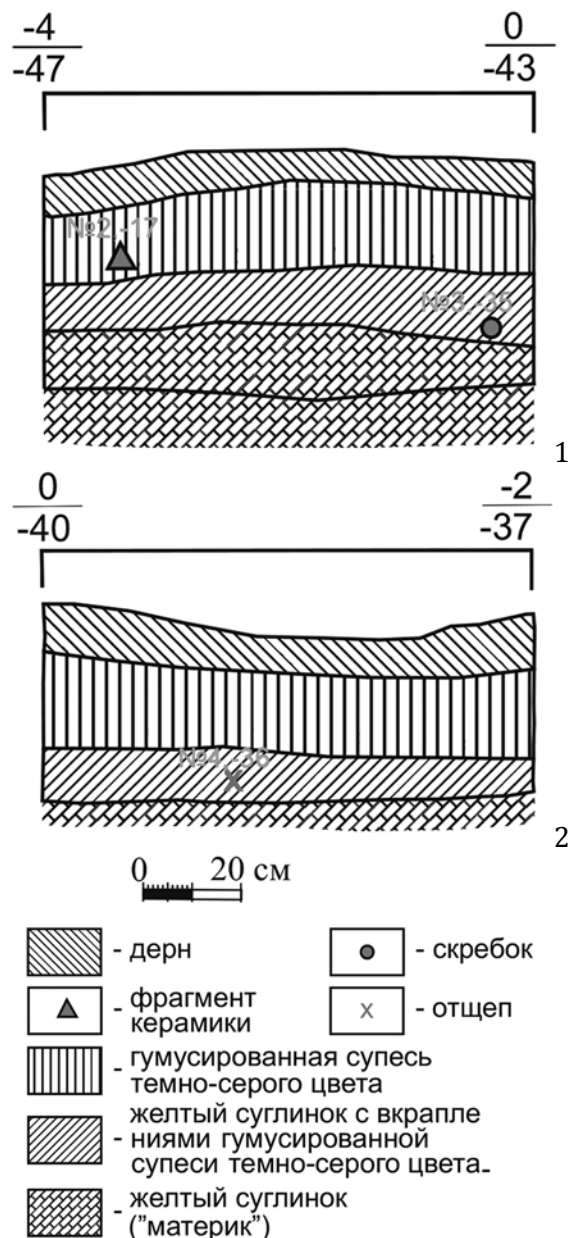

Рис. 1. Поселение Каменка I: 1 – профиль зачистки № 1; 2 – профиль зачистки № 2

этого вопроса необходима археологическая разведка с проведением локальных земляных работ, либо стационарные раскопки.

Заключение

Разведочные мероприятия 2017 г. в Тисульском и Кемеровском районах Кемеровской области продолжают процесс накопления знаний об археологических древностях северной и центральной части Кузнецко-Салаирской горной области.

Регулярные разведочные работы на территории юго-востока Тисульского района в перспективе позволят определить, является ли диспропорция в количестве известных археологических памятников (преобладание памятников в лесостепной северо-восточной зоне) следствием неравномерного распределения исследовательского интереса или отражением степени заселённости этого региона в древности.

Уточнение сведений об археологическом комплексе русского времени «Каштакский острог и рудник» и обнаружение ранее неизвестного местонахождения Каштак II позволит дополнить сведения из письменных источников о процессе освоения русскими северо-восточных районов современной Кемеровской области, а также собрать необходимую информацию для проведения стационарных раскопок на месте первого сереброплавильного и рудодобывающего промысла России.

В Кемеровском районе был выявлен новый объект археологического наследия: поселение Каменка I; пройдено несколько маршрутов, в ходе которых обследована значительная территория. Дальнейшие исследования в Кемеровском районе особенно перспективны по левому берегу р. Томи, который является малоизученным в археологическом плане.

Литература

- Бобров В. В., Марочкин А. Г., Юракова А. Ю.* Исследования стоянки Долгая-1 на юге Нижнего Притомья (предварительные итоги) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. XVIII. С. 170–174.
- Бобров В. В., Марочкин А. Г., Юракова А. Ю., Панкратова Л. В., Конончук К. В.* Поселение Ивановка 1 на юге Нижнего Притомья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. 2013 год. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. Т. XIX. С. 175–179.
- Добжанский В. Н., Ермолаев А. Н.* Каштакский сереброплавильный промысел. Сборник документов и материалов. Кемерово: ИНТ, 2016. 192 с.
- Марочкин А. Г., Герман П. В.* К археологической карте южных районов Нижнего Притомья // Историко-культурное наследие Кузбасса (актуальные проблемы изучения и охраны памятников археологии). Кемерово: Кузбассвуиздат. 2011. Вып. III. С. 78–86.
- Марочкин А. Г., Плац И. А., Конончук К. В.* Результаты археологической разведки 2015 года в южных районах Нижнего Притомья // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2015. № 2. С. 58–65.
- Марочкин А. Г., Сизев А. С., Плац И. А., Конончук К. В.* Археологическая разведка в среднем и нижнем течении р. Томи в 2016 г. // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2017. № 5. С. 67–76.
- Марочкин А. Г., Юракова А. Ю., Сизев А. С., Щербаклова А. В., Плац И. А.* Результаты исследований Нижнетомского отряда Кузбасской археологической экспедиции ИЭЧ СО РАН в 2012 г. // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2012 года. Кемерово: Изд-во ИЭЧ СО РАН, 2012. Вып. 4. С. 113–115.
- Плац И. А.* Материалы к археологической карте юга Нижнего Притомья // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2017. № 6. С. 45–56.

УДК 902/904

МАТЕРИАЛЫ ПОГРЕБЕНИЯ ЗНАТНОЙ КОЧЕВНИЦЫ И ЕЁ ДЕТЕЙ В ФОНДАХ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА»

М. Г. Сулейменов, А. М. Илюшин

Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачёва

В статье публикуются материалы археологических раскопок Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции на курганной группе Солнечный-1, хранящиеся в фондах музея-заповедника «Томская Писаница». Эти вещественные источники позволяют раскрыть ранее неизвестные страницы региональной истории в период развитого средневековья. Целью статьи является публикация артефактов, выявленных при раскопках кургана № 2 курганной группы Солнечный-1, и его культурно-историческая характеристика. Для достижения этой цели используются такие методы исследования, как описание, типологическая классификация и сравнительно-исторический анализ. Опубликованные материалы интерпретированы как захоронения знатной кочевницы и её детей конца XII – начала XIII вв.

Ключевые слова: курган, могила, кочевники, период развитого средневековья, Кузнецкая котловина, Центральная Азия.

MATERIALS OF BURIAL OF THE NOTABLE NOMAD AND HER CHILDREN IN STORAGE AT THE MUSEUM-RESERVE "TOMSKAYA PISANITSA"

M. G. Suleymenov, A. M. Ilyushin

T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University

Materials of archaeological excavations by Kuznetsk Complex Archaeological and Ethnographic Expedition on the mound group Solnechnyi-1 are published in article. These material sources in storage at the Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa" allow us to uncover previously unknown pages of regional history in the period of the High Middle Ages. The aim of article is the publication of the artifacts revealed during the excavation of mound No. 2 on the mound barrow group Solnechnyi-1 and its cultural and historical characterization. To achieve this purpose the authors used such methods of research as the description, typological classification and the comparative-historical analysis. The published materials were interpreted as the burial of a notable nomad and her children of the late 12th – early 13th cent.

Keywords: mound, grave, nomads, the period of the High Middle Ages, Kuznetsk Depression, Central Asia.

Настоящая статья продолжает серию публикаций, посвящённых исследованиям материалов археологических раскопок Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции на курганной группе Солнечный-1 в 2005 г. [Илюшин, 2006, с. 6–23], поступивших в фонды музея-заповедника «Томская Писаница» [Илюшин, 2015; 2016в; 2016г; 2017]. Эти вещественные источники позволяют раскрыть ранее неизвестные страницы региональной истории в период развитого средневековья. Целью статьи является публикация комплекса артефактов, выявленного при раскопках кургана № 2 на курганной группе Солнечный-1, расположенной в Ле-

нинск-Кузнецком районе Кемеровской области, в бассейне среднего течения р. Ини, и его культурно-историческая характеристика. Для достижения этой цели используются такие методы исследования, как описание, типологическая классификация и сравнительно-исторический анализ.

Курган № 2 располагался в центральной части памятника. До начала раскопок он представлял собой округлую, сильно задернованную и оплывшую, земляную насыпь диаметром 14,8 м и высотой 1,02 м. Насыпь кургана в северной части была подрезана действующей технической дорогой, а северная, северо-восточная и юго-западная части рва, окружающего насыпь,

уничтожены строителями. В процессе раскопок было установлено, что курганная насыпь располагалась в западной части сакрального пространства, оконтуренного ровом подчетырёхугольной формы с заovalенными углами. В процессе раскопок насыпи кургана и зачистки пространства, оконтуренного ровом, а также выборки заполнения рва были выявлены первоначальные размеры погребальных сооружений и зафиксированы следы ритуальной тризны. Насыпь кургана на 1,35 м возвышалась над уровнем материка (светло-серый суглинок) и состояла из слоя дёрна 0,12–0,24 м, под которым была зафиксирована прослойка из светло-серой материковой глины в форме округлой линзы диаметром 12,5 м и толщиной 0,25–0,78 м. Под ней располагался слой чернозёма 0,18–0,23 м и погребённой почвы (смешанный слой чернозёма и светло-серого суглинка) 0,07–0,12 м. В центральной части насыпи был зафиксирован грабительский перекоп и линза из чернозёма диаметром 6 м и толщиной до 0,32 м, образованная, вероятно, в результате выброса заполнения из ограбленных могил (рис. 1).

Ров длинной осью был ориентирован по линии ЗЮЗ–ВСВ. Несмотря на разрушения, можно установить его внешние и внутренние размеры, которые составляют – 28,58×26,47 м и 23,55×21,43 м, а ширина и глубина – 0,35–1,25 м и 0,37–0,68 м от уровня материка. В СВ части рва был небольшой перешеек – вход в сакральное пространство, но его размеры установить не удалось в результате разрушения из-за строительных работ. Каких-либо находок во рву сделано не было. В процессе разборки насыпи кургана, заполнения рва и зачистки материка были выявлены и обследованы четыре могилы (рис. 1).

Могила 1 располагалась под ЮВ полон насыпи кургана на глубине 1,6–1,9 м и представляла собой подверженное частичному разрушению грызунами погребение ребёнка (ориентировочный возраст 2–3 года. – А. И.) в ступенчатой грунтовой яме с подбоем. Могильная яма размерами – 1,02×0,69 м на 0,53 м углублена в материк и имеет форму овала, который длинной осью ориентирован по линии Ю–С.

Подбой представляет собой нишу шириной 0,21 м и высотой 0,42 м, которая сооружена в западной стенке грунтовой могильной ямы. Заполнение могилы представляло собой чернозём и светло-серую материковую глину. При разборке заполнения на глубине 1,6 м было зафиксировано перекрытие из фрагментов семи деревянных досок, лежащих на ступени грунтовой ямы и перекрывающих вход в подбой. После выборки всего заполнения на дне могилы на глубине 1,89 м были зафиксированы остатки берестяного «кокона» размерами 0,75×0,32 м, в котором были обнаружены отдельные кости скелета погребённого ребёнка. По сохранившимся костям скелета и фрагментам черепа можно предполагать, что погребённый ребёнок лежал на спине в вытянутом положении и был ориентирован головой на Ю. Находки в могиле отсутствовали (рис. 1; 2).

Могила 2 и **могила 3** располагались под насыпью кургана в центральной части на расстоянии 0,18 м друг от друга и, вероятно, изначально представляли собой единый погребальный комплекс. В южной могиле 2 было совершено захоронение всадницы, а в северной могиле 3 – её коня. Обе могилы были сильно разрушены одним грабительским раскопом, что и обусловило появление конских костей в могиле 2. Приводим индивидуальное описание каждой могилы.

Могила 2 располагалась под насыпью кургана в центральной части на глубине 2,57 м и представляла собой сильно разграбленное захоронение в грунтовой яме женщины 20–25 лет (определение заведующей кабинетом антропологии ТГУ к.и.н. М. П. Рыкун). Могильная яма имеет подчетырёхугольную форму с овальными углами размерами 2,37×0,80 м, которая длинной осью вытянута по линии З–В и углублена в материк на 1,20 м. В северной и южной стенках могилы были зафиксированы по четыре ниши (размеры 0,11–0,15×0,11–0,15 м), которые располагались напротив друг друга и были углублены в материк на 0,38–0,4 м. Вероятно, они использовались для крепления поперечных перекладин деревянного пере-

крытия могилы. Однако следов дерева на них не обнаружено, что, видимо, является следствием грабительского раскопа. Заполнение могилы представляло собой чернозём и светло-серую материковую глину. В процессе выборки заполнения могилы и просеивания грунта в неупорядоченном состоянии на разных глубинах были найдены многочисленные фрагменты и целые кости скелетов человека (череп, рёбра, позвонки кости ног) и коня (тазовые кости, рёбра, позвонки, кости ног), фрагменты меховой (черный соболь. – А. И.) одежды. Кроме этого в восточной части могилы на глубинах 2,35 м, 2,47 м и 2,52 м были найдены железные фрагменты пластин крепления седла, стремени, фрагмент серебряной поясной пряжки и серебряная кольчатая серьга. На дне могилы на глубине 2,47–2,57 м были зафиксированы остатки деревянного настила в виде фрагментов шести досок разной величины, а также череп, нижняя челюсть, тазовая и берцовая кости коня и крестец человека (рис. 1; 3: 1–5).

Могилы 3 располагалась под насыпью кургана в центральной части на глубине 1,77 м и представляла собой сильно разграбленное захоронение коня в грунто-

вой яме. Могильная яма имеет овальную форму размерами 1,97×0,64 м, которая длинной осью вытянута по линии 3–В и углублена в материк на 0,4 м. Заполнение могилы представляло собой чернозём и светло-серую материковую глину. После выборки заполнения грунтовой могильной ямы в северной части, на глубине 1,49–1,53 м были зафиксированы два конских позвонка, а в восточной части могилы на глубине 1,52–1,54 м были найдены фрагменты конских рёбер, таза и кость ноги. По сохранившимся остаткам захоронения коня его позу и ориентацию определить нельзя. Находки в могиле отсутствовали (рис. 1; 3).

Могилы 4 располагалась под ЮВ полкой насыпи кургана на глубине 1,48–1,77 м и представляла собой подверженное частичному разрушению грызунами погребение ребёнка в возрасте 1,5–2 года (определение заведующей кабинетом антропологии ТГУ к.и.н. М. П. Рыкун) в ступенчатой грунтовой яме с подбоем. Могильная яма на 0,4 м углублена в материк и имеет форму овала размерами 0,98×0,65 м, который длинной осью ориентирован по линии 3Ю3–ВСВ. Ступенька представляет собой нишу шириной 0,15 м, ко-

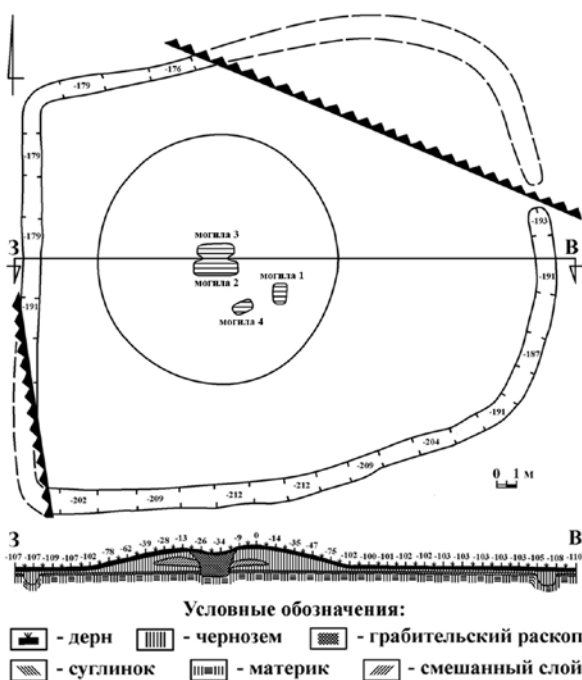

Рис. 1. Курганная группа Солнечный-1. Курган № 2. План и разрез насыпи и рва

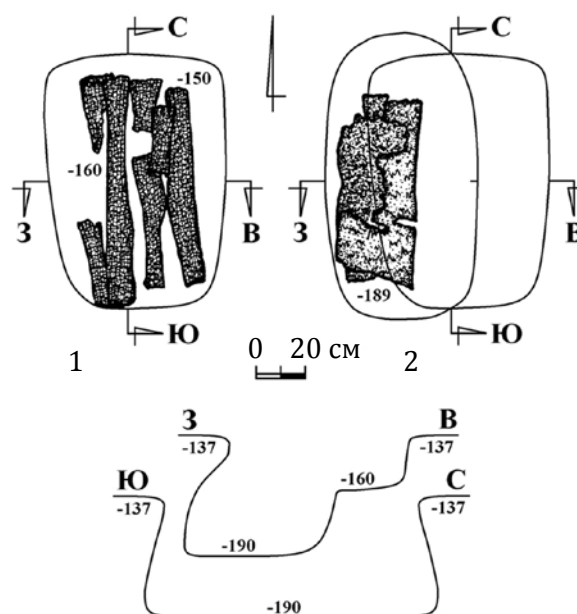

Рис. 2. Курганная группа Солнечный-1. Курган № 2. Планы и разрезы могилы 1: 1 – план могилы и внутренней деревянной конструкции, 2 – план могилы после зачистки

торая сооружена на 0,11 м ниже материка у края южной стенки грунтовой могильной ямы. Заполнение могилы – чернозём и светло-серая материковая глина. При разборке заполнения на глубине 1,48–1,6 м было зафиксировано деревянное перекрытие из фрагментов восьми деревянных досок разной величины, лежащих на ступени грунтовой ямы и перекрывающих вход в подбой, и остатки берестяной подстилки. После выборки всего заполнения на дне могилы на глубине 1,67–1,76 м были зафиксированы остатки одной деревянной доски и двух жердей, которые лежали вдоль берестяной погребальной конструкции, которая имела размеры 0,67×0,26 м. На берестяной подстилке на глубине 1,76 м были обнаружены отдель-

ные кости скелета (череп, таз, берцовые) погребённого ребёнка. По сохранившимся костям скелета и фрагментам черепа можно предполагать, что погребённый лежал на спине в вытянутом положении и был ориентирован головой на ЗЮЗ. Рядом с костями черепа ребёнка было найдено железное кольцо (рис. 1; 4; 5: 5).

Уже в процессе раскопок стало ясно, что курган № 2 представляет собой семейный погребально-поминальный комплекс, где было совершено захоронение женщины с детьми, которая имела высокий социальный статус в средневековом кочевом сообществе. На это указывали большие размеры курганной насыпи и рва, глубина могилы и нестандартное оформление её деревянного пере-

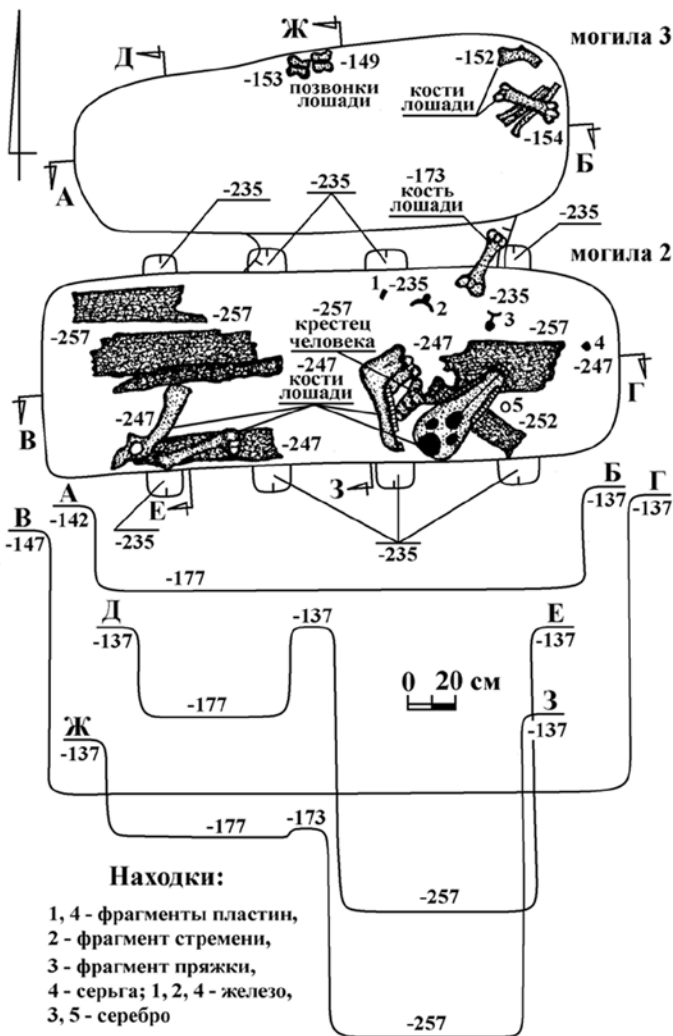

Рис. 3. Курганная группа Солнечный-1. Курган № 2. Планы и разрезы могил 2 и 3

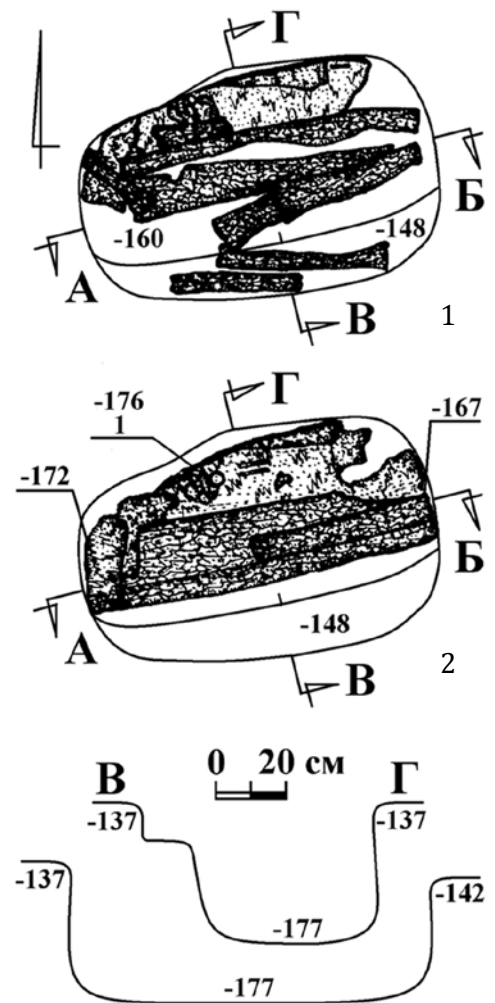

Рис. 4. Курганная группа Солнечный-1. Курган № 2. План и разрез могилы 4 в процессе зачистки (1) и после неё (2)

крытия, а также остатки одежды, выявленные в могиле. Для более полной культурно-исторической характеристики материалов проведём типологическую классификацию артефактов и их сравнительный анализ с материалами наиболее близких культурно-исторических объектов Кузнецкой котловины.

Типологическая классификация элементов-признаков погребального обряда проводится по трём уровням – памятник, курганная насыпь, сопутствующие сооружения и захоронения. На всех трёх уровнях фиксируются такие типы элементов-признаков, как: курганная группа; расположение объектов цепочкой; расположение на высокой террасе, удалённой от водоема; большая округлая курганная насыпь диаметром более 12 м; ров подчетырёхугольной формы с ритуальной площадкой, длинной осью вытянутый по линии ЗЮЗ-ВСВ; отсутствие во рву находок; ингумация взрослого человека с неустановленной позой и детей на спине

в вытянутом положении; захоронение коня с неустановленной позой; захоронения в грунтовых ямах, углублённых в материк; деревянное могильное перекрытие, уложенное на поперечные плахи-крепиды, врезанные в грунт по краям стенок могильных ям; грунтовые ямы со ступенями (нишами) и подбоями; берестяной кокон; деревянное перекрытие подбоя на ступени грунтовой ямы; деревянно-берестяное перекрытие подбоя на ступени грунтовой ямы; подстилка из дерева и бересты; ориентация могил по длинной оси Ю-С, З-В и ЗЮЗ-ВСВ; ориентация погребённых детей головой на Ю и ЗЮЗ; наличие в могилах предметов конского снаряжения, одежды, быта и украшений. При классификации находок из могил можно выделить следующие типы артефактов: железные стремяна с прямоугольным выступом на верхней дужке; железные пластины крепления седла; серебряная пряжка-застёжка; бронзовая кольчатая серьга; железное крепёжное кольцо.

По всей совокупности классифицированных элементов-признаков погребального обряда и артефактов выделено 28 типов. При сравнении их с классификацией материалов других опубликованных погребальных памятников эпохи средневековья в Кузнецкой котловине можно определить круг наиболее близких объектов. В их числе: курганный могильник Ишаново (датирован концом XII–XIII вв. н.э.) имеет 14 общих типов с исследуемым курганом № 2; курганный могильник Торопово-1 (XIII–XIV вв. н.э.) и курганная группа Шестаки-1 (конец XII–XIII вв. н.э.) имеют по 13 общих типов; а также курганный могильник Шанда (XI–XII вв. н.э.), курганные группы Конево (рубеж XII–XIII вв. н.э.) и Озерки-1 (конец XII–XIII вв. н.э.) имеют по 12 общих признаков [Васютин А.С., Васютин С.А., Онищенко, 2012, с. 170–185; Илюшин, 1993, с. 39–42; 1999, с. 68; 2012, с. 70; 2014, с. 70; 2016а; 2016б; Кузнецов, 2004]. Все эти объекты датируются разными интервалами периода развитого средневековья и отождествляются с кругом древностей шандинской

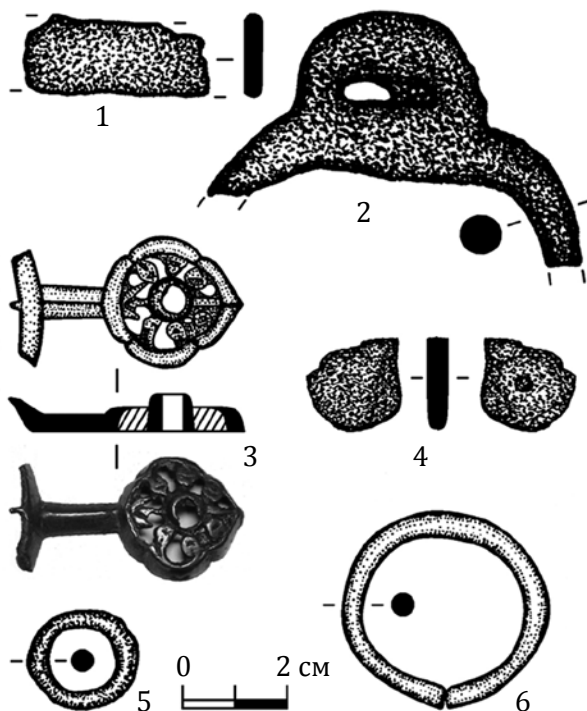

Рис. 5. Курганная группа Солнечный-1. Курган № 2. Находки из могилы 2 (1–5) и 3 (6): 1, 4 – фрагменты пластин крепления седла, 2 – фрагмент стремени, 3 – фрагмент пряжки, 5 – крепёжное кольцо, 6 – серьга; 1, 2, 4, 5 – железо, 3, 6 – серебро

археологической культуры тюркоязычных кочевников Кузнецкой котловины [Илюшин, 2005, с. 120–126]. Последнее обстоятельство и корреляция дат наиболее близких памятников позволяет датировать курган № 2 концом XII – началом XIII вв. н.э. и относить его к шандинской археологической культуре, что соответствует ранее полученным результатам исследования материалов раскопок других объектов на курганной группе Солнечный-1 [Илюшин, 2015; 2016в; 2016г; 2017]. В целом, этот памятник, сооружённый в начале монгольского периода в истории Центральной Азии, представляет собой один из наиболее ярких объектов историко-культурного наследия восточных кыпчаков на территории Кузнецкой котловины.

Литература

Васютин А. С., Васютин С. А., Онищенко С. С. Калтышинский археологический микрорайон в конце VIII – первой половине XI вв. н.э.: природа и культура (степное Присалаирье). Кемерово: ОФСЕТ, 2012. 213 с.

Илюшин А. М. Курганы средневековых кочевников долины реки Бачат. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1993. 116 с.

Илюшин А. М. Население Кузнецкой котловины в эпоху развитого средневековья (по материалам раскопок курганного могильника Торопово-1). Кемерово: Изд-во КузГТУ, 1999. 208 с.

Илюшин А. М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2005. 240 с.

Илюшин А. М. Отчет об аварийных археологических раскопках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2005 году. Кемерово, 2006. 268 с.

Илюшин А. М. Курганы поздних кочевников близ устья Ура. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2012. 188 с.

Илюшин А. М. Курганы кыштымов в долине Ура. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2014. 216 с.

Илюшин А. М. Археологические материалы из раскопок Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в фондах музея-заповедника «Томская Писаница» // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2015. Вып. 2. С. 39–49.

Илюшин А. М. Курганная группа Озерки-5 (классификация и типолого-хронологический анализ материалов) // Интеграция современных научных исследований в развитие общества: сборник материалов Международной научно-практической конференции (28–29 декабря 2016 года). Кемерово: ЗапСибНЦ, 2016а. Т. I. С. 13–15.

Илюшин А. М. Курганная группа Шестаки-1 (типолого-хронологический анализ материалов) // Научно-технический прогресс: актуальные и перспективные направления будущего: сборник материалов III Международной научно-практической конференции (10–11 августа 2016 года). Кемерово: ЗапСибНЦ, 2016б. Т. II. С. 18–20.

Илюшин А. М. Материалы раскопок Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в фондах музея-заповедника «Томская Писаница» // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2016в. Вып. 4. С. 31–45.

Илюшин А. М. Материалы раскопок могилы знатного воина в фондах музея-заповедника «Томская Писаница» // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2016г. Вып. 3. С. 19–29.

Илюшин А. М. Погребения воинов на Солнечном-1 из фонда археологических материалов музея-заповедника «Томская Писаница» // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2017. Вып. 6. С. 10–23.

Кузнецов В. А. Курганный могильник Шестаки-1 // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2004. Вып. 6. С. 41–68.

УДК 930.253

К ИСТОРИИ МОСКОВСКО-СИБИРСКОГО ПОЧТОВОГО ТРАКТА НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Л. А. Скрябина*Музей-заповедник «Томская Писаница»*

Статья посвящена истории заселения, обустройству и функционированию Московско-Сибирского почтового тракта на Тобольско-Томском и Томско-Красноярском участках, проходивших по территории современной Кемеровской области в XVIII и XIX вв. На основе законодательных актов и архивных документов рассмотрены основные повинности и хозяйственные занятия населения, занимавшегося обслуживанием тракта.

Ключевые слова: Московско-Сибирский тракт, почта, верстовые столбы, почтовая станция, ямщики, подводная гоньба, извоз.

THE HISTORY OF MOSCOW-SIBERIA POSTAL ROUTE ON THE TERRITORY OF MODERN KEMEROVO REGION

L. A. Skryabina*Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa"*

The article is devoted to the history of the arrangement, settlement, and functioning of Moscow-Siberia Postal Route on its Tobolsk-Tomsk and Tomsk-Krasnoyarsk sections located on the territory of modern Kemerovo region in the 18th and 19th centuries. Based on legislation and archives the author considers the main obligations and farm activities of population engaged in the route service.

Keywords: Moscow-Siberia Route, postal service, milestones, postal and passenger station, coachman (*yamschik*), mail delivery by wagons, transportation service.

Обустройство Московско-Сибирского тракта напрямую связано с созданием и развитием сухопутных путей сообщения и государственной почты.

Первые попытки организовать регулярную доставку писем из Москвы в Тобольск и обратно были предприняты ещё в 1698 г. сподвижником Петра I, главой Сибирского приказа думным дьяком Андреем Виниусом. Однако продлилось это недолго. После того, как в 1703 г. А. Виниус был отстранён от управления Сибирским приказом, прекратилась и налаженная им доставка «государевой почты».

В 1724 г. сенатским указом Сибирскому Высшему горному начальству предписывалось: «пока Ямской Канцелярией почта не будет учреждена, до того отписки, доношения и всякие о делах Его Императорского Величества письма, собирая в каждом месяце однажды, посылать от города до города с кем пристойно, ... буде же та-

кое дело случится, которое времени терпеть не будет, с таковыми посылать нарочных и не дожидаясь месячной почты» [ПСЗ, т. 7, № 4529, с. 302].

Очередной сенатский указ «Об учреждении в Сибирских городах почт» был издан уже в правление Анны Иоанновны 16 июня 1731 г. [ПСЗ, т. 8, № 5805, с. 516]. Но, очевидно, и он не исполнялся должным образом, поскольку через два года, в 1733 г., особое поручение по организации почты за Уралом было дано руководителю Второй Камчатской экспедиции капитан-командору Витусу Берингу.

О том, какое большое значение придавалось этой экспедиции, свидетельствует то, что все Правила и Инструкции на имя Беринга «во исполнение возложенных на него поручений по Сибирской и Камчатской экспедиции» утверждались лично Императрицей Анной Иоанновной. В частности, в одной из таких Инструкций от

16 марта 1733 г. указывалось следующее: «1) Весьма нужно быть частой пересылке писем и рапортов от тебя и прочих отправляющихся в разные Экспедиции команд; а, как известно, что не токмо за Тобольском, но и до Тобольска, отсюда установленной почты нет, и за тем в пути долго мешкают, а с нарочным всегда посылать, то убыток казенный произойдет; ... того ради велено ныне Сибирскому Приказу, снесшись с Ямским Приказом, а также и Сибирскому Губернатору учредить от Москвы до Тобольска почту, чтоб в каждой месяц дважды в ту почту письма отправляемы были. А как она учредится и в которые дни отпуск из Тобольска будет: о том тебе потребовать известия от Сибирского Губернатора. 2) С ним же Губернатором, будучи тебе в Тобольску, сделать определение, дабы за Тобольском до Енисейска и до Якутска по однажды в месяц почта отпускаясь, и как из Тобольска отправиться в Якутск, то дорогою велеть расписать и назначить станы, от которого до которого места возить летом и зимою; а от Якутска до Охотска и до Камчатки хотя бы в 2 месяца однажды посылки были; а коим образом, о том в Якутске с тамошним командиром совет учинить... А впредь велено Губернатору с товарищи самим сыскивать способов, дабы на большой дороге, где нужно быть станам, охотники поселились и в том им вспоможение чинить по рассмотрению Губернаторскому... 3) Чтобы по всем тем станам Губернатор со товарищи определили дни и часы по возможности, во сколько от места до места перевозить и раздать на каждом стане билеты, и по тому во весь путь от города до города и даже до самой Москвы время исчислить, и также всегда отправлять не токмо из Экспедиции, но и из городов всякия ведомости и рапорты; а нарочных, кроме необходимых нужд не посылать дабы напрасного в людях расхода и излишней дачи прогонов не было; а когда нарочные будут с нужным делом все же посланы, ехать им по тем же станам. 4) Чтоб за перевоз той почты, где есть ямы, ямщикам, а где ямов нет, уездным людям кто выбраны будут к вожению той почты, а в даль-

них и нежилых местах ясачными иноземцами, или служилыми людьми, по тому ж нарочно определенным по расстоянию пути, назначить прогонные и поверстные деньги» [ПСЗ, т. 9. № 6351, с. 63–64].

Менее чем через два месяца, 21 апреля того же 1733 г., на основе вышеуказанных пунктов Инструкции, направленной В. Берингу, был издан сенатский указ «О учреждении ординарной почты от Москвы до Тобольска и по разным трактам в Сибири» [ПСЗ, т. 9, № 6376, с. 91–92].

Перечисленные законодательные и организационные меры по учреждению почтового сообщения с Сибирью, предпринятые Правительством в начале 30-х гг. XVIII в., явно возымели успех и послужили толчком к началу обустройства Московско-Сибирского тракта – самой длинной в мире сухопутной дороги на протяжении полутора веков, связывавшей Европу и Азию.

Тракт выполнял сразу несколько функций: во-первых, обеспечивал перевозки представителей государственной власти и местной администрации (ямская гоньба курьерскими лошадьми, земско-обывательская гоньба); во-вторых, перевозку почты и пассажиров (почтовая гоньба, ямщина); в-третьих, перевозку различных производственных и торговых грузов (подводная гоньба, извоз), в-четвёртых, начиная с 20-х гг. XIX в. осуществлял обслуживание пенитенциарной системы («этапная» гоньба).

По территории современной Кемеровской области проходило два участка Московско-Сибирского тракта: Тобольско-Томский и Томско-Красноярский.

Тобольско-Томский участок

На протяжении XVII в. из Тобольска в Томск попадали преимущественно водным путём, который пролегал по Иртышу, Оби и Томи. Длилось такое путешествие от 6 до 7 недель. Существовала и сухопутная дорога «от Тары через Барабинскую волость степью да Томского города тихим ходом месяц пути» [Григорьев, 1921, с. 13].

Устройство Тобольско-Томского участка Московско-Сибирского почтового тракта началось почти сразу же после принятия

указов 1731–1733 гг. В пределах Горного округа, от Чаусского острога до Томска, прокладкой дороги и организацией различных видов перевозок ведала Канцелярия Кольвано-Воскресенского горного начальства. Обустройство тракта включало в себя расчистку и укрепление дороги, возведение мостов, установление верстовых столбов, устройство почтовых станций, организацию почтовой и подводной гоньбы. Одновременно с Московским почтовым трактом, на территории Округа обустроивались и отходящие от него дороги местного значения, соединяющие Томск с Алтайскими заводами и г. Кузнецком.

К лету 1741 г., когда через Томск в Тару возвращался участник Второй Камчатской экспедиции И. Г. Гмелин, здесь уже существовала дорога с верстовыми столбами, по которой ездили не только верхом, но и на повозках. До Чаусского острога Гмелин проехал следующим маршрутом: переправа на Томи у города, далее Бурлаковы юрты, д. Кафтанчикова, Калтайские юрты, Калтайский станец, д. Варюхина со станцом, оставленная д. Лоншакова за р. Малой Чёрной, д. Санкина или Попова, д. Чёрная со станцией, д. Елизарова, д. Зудова она же Елбацие вершины, д. Ояшская со станцией, Умревский острог со станцией на столбовой дороге, Ташеринский станец с деревней на Оби и переправой на другой берег, лес Орский бор, Орские юрты, д. Скалинская [Григорьев, 1921, с. 18].

Похожий маршрут отражён и на карте 1766 г. под названием «Учрежденный по Сибирской губернии почтовый тракт от первой станции Ачитской крепости до первой станции Иркутской губернии села Тулуна», хранящейся ныне в Российском военно-историческом архиве [РГВИА, ф. 422, д. 1344].

Как видим, на территории современной Кемеровской области Тобольско-Томский участок Сибирского почтового тракта имел совсем небольшую протяжённость с почтовой станцией в д. Варюхино (Юргинский район), основанной в 1682 г. томским конным казаком Данилой Бабарыкиным [Емельянов, 1978, с. 35].

Академик П.-С. Паллас, который во время своего путешествия по Сибири дважды,

в 1770 и 1773 гг., проследовал через Варюхино, оставил следующее описание дороги от Варюхинского станца до Томска: «... дорога от Варюхиной идет по лежащему на реке бугристому лесу, состоящему из сосняка и кедровника, и следовательно весьма трудна; на оной дороге должно переезжать многие глубокие болота и быстрые речки, Малую и Большую Черную. ... По пути будучи достигнут ночным временем, остался я ночевать в деревне Калтай, татарами магоментанского закона населенной. ... От деревни Калтай до Томска 25 верст. Мы переехали еще речки и миновали многие деревни. Перевоз через Томь находится в 3–5 верстах от города и производится на паромах с веслами по той причине, что сия река весьма широка» [Паллас, 1786, с. 423–424].

Обратно из Томска П.-С. Паллас возвращался в январе 1773 г. и отметил, что от города «почтовая дорога идет сначала по правой стороне р. Томи до лежащей на левом берегу деревни Варюхиной...» [Паллас, 1788, с. 6]. Очевидно, этот путь был короче и зимой ямщики пользовались им.

Почтовая станция в д. Варюхино, выражаясь современным языком, была узловой, так как в ней сходились сразу три тракта – главный Московско-Сибирский, Барнаульский и Кузнецкий. На протяжении, примерно, 70 верст дороги до Кузнецка и Барнаула совпадали, а затем от д. Поперешной с почтовым станцом (ныне с. Поперечное Юргинского района) расходились в разные стороны.

В 1770 г., следуя по Барнаульскому тракту, П.-С. Паллас записал: «...в Поперешной переменял я лошадей и поехал по Искитиму второму...; потом через самую речку Искитим, по которой вверх лежит телеутская деревня, и наконец выехали на реку Томь ... Сего вечера переехали речку Тала называемую с деревней, у которой вдоль Томи лежат прекрасные луга. У деревушки Пятковой переночевали и приехали к быстрой речке Буланде. По ту сторону Буланды дорога лежит весьма близко к Томи, а отчасти и по низким берегам оной. Отъехав немного от деревни Анкудиновой, переехали мы мелкую и каменистую речку Лебяжь, потом у деревни Томиловой речку

Чебур ... далее поехали по деревне Зелеевой и около полудни прибыли в Варюхино, где идущая от Тобольска к Томску дорога соединяется с Барнаульской» [Паллас, 1786, с. 422–423].

По-видимому, описанный П.-С. Палласом приречный маршрут вдоль Томи впоследствии был изменён. Согласно «Новому указателю дорог в Российской империи», изданному в 1803 г., общий участок Кузнецкого и Барнаульского тракта на рубеже XVIII–XIX вв. проходил через почтовые станции в д. Варюхина, с. Зелеевском, д. Талой (она же Тутальская) и д. Поперешный Искитим, минуя лежащие на берегу р. Томи деревни Пяткову, Анкудинову и Томилову. Далее от д. Поперешный Искитим дорога на Кузнецк пролегла через д. Кокуйскую, с. Сосновое, д. Фролова, д. Гутова, д. Ваганова, д. Брюханова, д. Пестерева, д. Салаирскую, с. Бачатское, д. Карагайла, д. Черепанова, д. Черкасова, с. Монастырское, д. Зенкова и д. Бугнурская, что в 12 верстах от Кузнецка (ныне населённые пункты Топкинского, Ленинск-Кузнецкого, Гурьевского, Прокопьевского и Новокузнецкого районов).

Дорога к Барнаульскому заводу смещалась на юго-запад и шла через деревни Осиновка, Изылинская, Васина, Агафонова, Каменка, Легостаева, Медведка (ныне это населённые пункты Новосибирской области), деревни Ганюшкина, Анисимова, с. Тальменка, деревни Озерная и Гоньба (Алтайский край) [Новый Указатель..., 1803, с. 298–299, 301].

Главный Московско-Сибирский тракт на участке, подведомственном Колывано-Воскресенскому Горному Округу в конце XVIII в., от деревни Варюхиной к Чаусскому острогу проходил через деревни Чёрную, Елизаровскую, Верхнеелбацкую, Ояшинскую, Ташаринскую, Дубровную и Орский Бор (ныне это территория Новосибирской области) [Новый Указатель, 1803, с. 289–293].

В 1805 г. на прогоне от д. Ояшинской до д. Варюхина появилась ямщицкая станция Болотная (ныне г. Болотное Новосибирской обл.), значительно изменившая направление пути к Томску. От Болотной дорога шла теперь к д. Проскоковой (Юр-

гинский район Кемеровской области), где была учреждена новая почтовая станция, и далее через д. Мальцеву и с. Зелеевское до Варюхинской станции.

Изменения коснулись и общего участка Барнаульского и Кузнецкого трактов, который на прогоне между д. Тутальской и с. Зелеевским также стал проходить через Проскоково. От д. Варюхина, где соединялись три тракта, новая Проскоковская станция располагалась в 28,5 верстах, что соответствовало установленным нормам. В то же время почтовая станция в с. Зелеевском, находящемся всего в 8 верстах от Варюхиной, явно утратила своё значение и вскоре была ликвидирована.

Томско-Красноярский участок

В XVII – начале XVIII вв. дорога из Томска до Красноярска пролегла вдоль нижнего течения р. Чулым, через Мелесский острог и Енисейск. Именно этой дорогой зимой 1734/35 гг. в Красноярск прибыли участники академического отряда Второй Камчатской экспедиции Г. Ф. Миллер и И. Г. Гмелин. Обратный путь до Томска в 1740 г. академики проделали уже по новому почтовому тракту.

Судя по дневниковым записям Г. Ф. Миллера, отправившегося из Красноярска в Томск 2 февраля 1740 г., тракт в те годы пролегал в основном через малозаселённые территории. Путешествие Миллера продлилось 13 дней. Из 17 почтовых станций, отмеченных учёным на пути следования, лишь четыре располагались в русских селениях, остальные были учреждены при «татарских юртах», либо по пути следования вне населённых пунктов.

От Красноярска тракт шел на юго-запад через верховья рек Качи, Малого и Большого Кемчуга к низовьям Июса (сегодня это Назаровский и Шарыповский районы Красноярского края). Миллер особо отметил в своих записях, что дорога здесь была проложена «лишь с 1732 г., тогда как раньше нужно было преодолевать дальний кружной путь через Караульный острог вверх по Енисею» [Миллер, 1990, с. 212].

В пределах Красноярского уезда Миллер указал пять станций: в 25 верстах от Красноярска в д. Ростовской, далее через 21 версту зимовье и почтовая станция на

западном берегу Большой Качи, ещё через 28 верст зимовье и почтовый стан на р. Мостовка, четвёртая станция с зимовьем через 26 верст на западном берегу Большого Кемчука и пятая, на восточном берегу р. Июс в 29 верстах от предыдущей. Все эти станции содержались русскими жителями уезда и на каждой имелось по 4 почтовые лошади [Миллер, 1990, с. 209–213].

В границах Томского уезда содержание почтовых станций было возложено на местное тюркоязычное население, которое, как следует из записок Миллера, исполняло эти обязанности далеко не должным образом: «Речка Агатик. Здесь учреждена почтовая станция, содержать которую приказано живущим по Июсу кызыльским татарам. Только здесь редко имеются в наличии лошади, а также нет ни зимовья, ни малейших удобств для остановки путешественников. Шереш, маленькая река в 21 версте от Агатика. На восточном берегу реки находятся зимовье и почтовая станция, содержать которую приказано ачинским татарам. Но здесь также очень редко можно застать лошадей. Я велел собрать подводы от кызыльских и ачинских татар с верховьев р. Июс, на которые обменяли красноярские упряжки. ... На свежих упряжках ехали всю следующую ночь до речки Сок-Су. Здесь находится несколько татарских хижин, при них содержится почтовая станция» [Миллер, 1990, с. 217–218].

Следующие станции, указанные в дневнике Г. Ф. Миллера на реках Уруп и Тус-Юл (*р. Тисулька*), а также упоминание топонимов Сердь (*р. Серта*), Каштат (*р. Каштак*), без сомнения, располагались на территории современного Тисульского района Кемеровской области.

Перегон от станции на речке Тус-Юл до следующей на восточном берегу реки Кии составлял 43 версты. Располагалась эта станция в татарской деревне Аик-аул, состоящей «из 11 татарских юрт и домов». Миллер указал также русское название селения – Аикский станок [Миллер, 1990, с. 222]. Далее тракт пролегал вниз по Кие (территории Чебулинского и Мариинского районов). В дневнике исследователя име-

ется следующая запись: «После того, как была взята свежая упряжка, путешествие вниз по Кие было продолжено. Проехали Колтугацеб-аул, на восточном, или правом, берегу реки Кии, в 4 верстах от предыдущей деревни. В нем три татарские юрты. Речка Юру, что впадает с востока, в 1 версте от предыдущей деревни. Речка Джибили или Цибулуй (*р. Чебула. – Л. С.*) с западной стороны, в 3 верстах от предыдущей. Речка Улу-Баинг с той же стороны, в 2 верстах от предыдущей. Здесь также имеется несколько татарских юрт. Речка Кицик-Баинг с той же стороны, в 1 версте от предыдущей. Никольское село или погост – на западном берегу Кии, в 3 верстах от предыдущей речки. Имеет церковь, посвященную св. Николаю, которая была построена для здешних татар, когда они, благодаря заботам сибирского архиепископа Филофея, приняли святое крещение. При церкви имеются три русских дома и шесть татарских юрт» [Миллер, 1990, с. 222]. От Никольского погоста дорога шла на запад к речке Ундебес (*р. Антибес*), в устье которой «имеется татарская деревня Абджицак-аул из 11 юрт, где также находится почтовая станция, в 21 версте от предыдущей. Здесь переночевали» [Миллер, 1990, с. 223]. Упомянутая Миллером церковь св. Николая была возведена в 1719–1720 гг. и местные священники, очевидно, были первыми русскими поселенцами на месте будущего с. Кийского, ныне г. Мариинска [Ермолаев, 2008, с. 18].

Абджицак-аул, судя по географическому описанию, находился примерно там, где сегодня располагается с. Большой Антибес Мариинского района. Перегон до следующего стана в селение Кула-аул составлял 40 верст. Дорога пролегла через Езаван-аул, на западном берегу речки Тулгулу (ныне р. Тенгула) и Баргадаев-аул, состоящий из одной юрты на западном берегу р. Берех-Юл (*р. Берикюль*) [Миллер, 1990, с. 223].

С большой долей вероятности можно предположить, что Кула-аул, где была учреждена почтовая станция, располагался на месте или в непосредственной близости от современного с. Колеул Мариинского

района. В 1740-м г. здесь было поселение из двух юрт. Про местную станцию Миллер записал: «...на ней очень редко можно видеть лошадей, так как живущие здесь татары очень бедны и лошадей не имеют, а те татары, которым поручено содержать станцию, живут далеко на Яе» [Миллер, 1990, с. 223].

За Кула-аулом тракт пересекал речку Тоиндат (*р. Туендат*), где в татарской деревне Шигалак-аул, имелась ещё одна станция, причем последняя на попечении местного тюркского населения. От Шигалак-аула шла прямая дорога в 17 вёрст до д. Зырянская на Чулыме. И далее до Томска тракт шёл через русские селения: с. Спасское на Яе, д. Турунтаева, д. Халдеева, с. Семилужное (Томская область) [Миллер, 1990, с. 224, 227, 229–231].

Так скрупулёзный учёный Миллер не только подробно описал весь свой путь от Красноярска до Томска, названный им «зимней дорогой», но и собрал сведения о пути, которым пользовались летом. «В летнее время Красноярский тракт между двумя реками, Кией и Яей, продолжен напрямую через степь, и при нем на определенном расстоянии друг от друга учреждены почтовые станции, где курьеры могут менять лошадей. Однако так как эта прямая дорога не заселена и для содержания лошадей при станциях зимой не принято никаких мер, то по этой причине зимой предпринимается объезд через Чулым» [Миллер, 1990, с. 228–229]. Со слов местных татар, от почтовой станции Аикской на Кие летняя дорога шла на запад, пересекая реки Джибилы (*р. Чебула*), Ундебес (*р. Антибес*) и его притоки – речки Кумурлю (*р. Кумурла*) и Тунду (*р. Тундушка*). На данном отрезке пути располагались две станции, Первая находилась на р. Кумурлю в 33 верстах от Аикской. Вторая – через 40 верст, при впадении р. Кат-Улгун-Узун (вероятно, р. Каралиб. – *Л. С.*) в Алчедат. Третья станция располагалась ещё через 40 верст уже в русской деревне Великосельской на Яе (ныне с. Верх-Великосельское Яйского района). Оттуда дорога шла вниз по Яе до д. Ишимской, где осуществлялась переправа через реку, и далее на-

правлялась через степь к д. Мазаловой на речке Китат, а затем до д. Турунтаевой на речке Ташма, где летняя дорога соединялась с зимним трактом [Миллер, 1990, с. 229].

В отличие от Г. Ф. Миллера, И. Г. Гмелин в сентябре 1740 г. лично проследовал по летней дороге на Томск и оставил сообщение о ней в своих путевых заметках. И хотя его записи весьма скудны на подробности, понятно, что до почтовой станции на р. Кие маршрут путешественника пролегал по той же дороге, которой зимой проследовал Г. Ф. Миллер. Далее И. Г. Гмелин поехал «по старой Томской дороге с почтовой станцией у устья р. Кумурлю (*Кумурла. – Л. С.*)», затем «по моховой дороге к истоку Алчедата», потом «по моховой дороге к р. Колиону (*Кольон. – Л. С.*), где были готовы переменные лошади и произошла расплата с прежними ямщиками – татарами». Последняя подробность явно указывает на то, что это произошло в русской деревне Великосельской. Оттуда ехал «по плохой дороге к р. Яя, через которую переправился на плоту и прибыл в Спасское село, где получил свежих лошадей и по мшистой дороге прибыл в Семилужное или Никольское село, а от него по сносной дорожке Томск» [Григорьев, 1921, с. 36].

Вероятнее всего, тракт, которым проследовали Г. Ф. Миллер и И. Г. Гмелин, был проложен по маршруту верховой конской тропы, известной как «дорога к кыргызам», которой пользовались первые землепроходцы и государевы служилые люди еще в XVII столетии. К 40-м гг. XVIII в. этот путь был измерен и отмечен верстовыми столбами, позволившими Г. Ф. Миллеру достаточно чётко фиксировать расстояния между почтовыми станами, селениями и различными географическими объектами. Вдоль тракта на расстоянии от 25 до 40 вёрст располагались почтовые станции со сменой лошадей. Там же курьеры и проезжающие по специальному документу – «подорожной» – могли получить за плату продовольствие и фураж, а также переночевать.

Однако, данный маршрут Томско-Красноярского участка Московско-Сибирского

почтового тракта просуществовал совсем недолго, поскольку был излишне длинен, а в ряде мест труднопроходим и небезопасен. Кроме того, местное татарское население весьма плохо справлялось с возложенными на них обязанностями по содержанию почтовых станций и почтовой гоньбы.

В конце 50-х – начале 60-х годов XVIII в., в результате активных правительственных мер по разведке новых сухопутных и водных путей сообщения, Томско-Красноярский тракт был проложен по более спрямлённому и короткому маршруту, а при вновь учреждаемых почтовых станциях организовывались русские поселения из присылаемых туда «посельщиков», на которых возлагалась ямская повинность.

Согласно карте почтового тракта 1766 г. в Сибирской губернии, на участке от Томска до Красноярска были учреждены следующие «станции»: Семилужный, Турунтаевский, Колыонский, Бериккульский, Кийский, Сулов, Тяжинский, Адацкий (Итацкий), Боготольский, Краснореченский, Ачинский острог, Чернореченский, Большой Кемчугский, Малый Кемчугский, Черемшанский и далее Красноярск. При каждом из учрежденных станов должно было содержаться по 10 лошадей [РГВИА, ф. 422, д. 1344].

Таким образом, новый тракт совпадал с маршрутом, описанным Миллером и Гмелиным, лишь близ Томска (с. Семилужное, д. Турунтаева, д. Ишимская) и на реке Кие, где на месте Никольского погоста появился Кийский станец (будущий г. Мариинск). За переправой через р. Кие дорога шла теперь не на юг, как раньше, а на восток, к Ачинскому острогу.

Проезжавший здесь через 30 лет после участников Второй Камчатской экспедиции академик П.-С. Паллас оставил следующие записи о своем маршруте: «... Отъехав от Турунтаевой проехали речку Осиповку и при Масоловке речку Китатку; через 10 верст далее переехали мы внизу большой деревни Ишимской через большую и быструю реку Йайя... Здесь переменили лошадей и поехали к деревне Колыон, станицу имеющей и которая из 20 дворов состоит и населена одними поселенца-

ми; в ней же живет всех по Красноярской дороге в Томском уезде приказчик, который зависит от Томской комендантской канцелярии... Подле оной деревни лежит еще небольшое селение о 10 дворах, которое вместе с главным селением должно сюда лошадей ставить. Дорога, по которой теперь ездят, проложена за десять лет с того времени, как чулымские татары освободились от погонщицкой службы. Через 30 верст от Колыона переехали мы через зимовье и речку Соколиху. Позади новонаселенной деревни, Песчаная называемой, у речки того же имени, находятся сухие, сосновым бором покрытые песчаные бугры, но потом продолжается опять березовый лес с болотами, которые ближе к деревне Бериккуль, где я ночевал, делают дорогу затруднительною. Через 20 верст от Бериккуля переехал я речку Илдебет, на которой лежит зимовье, где содержат для почты лошадей. Отсель остается 32 версты до речки Ундебет, впадающей в реку Кие. На берегу оной лежит русская деревушка с несколькими рассеянными дворами, также в сей стороне стоят и многие татарские юрты. Лишь только отъедешь от сей речки, лежит прекрасное открытое место, которое до Кийского села простирается, где переправа на реке Кие производится на плотках... В 24 верстах далее деревня Сулова. ... В 28 верстах на реке Тяжины в деревне из 10 семей енисейских крестьян переночевал... Следующего дня проехал я 32 версты до речки Китаты, где лежит деревня Китатская из 15 дворов состоящая и также енисейскими крестьянами населенная. Далее в 34 верстах село Боготольское...» [Паллас, 1786, с. 432–440].

В 1773 г. путь от Красноярска до Томска Паллас совершил за четверо суток, отметив, что в новых селениях «лошадей можно менять часто и ехать скоро» [Паллас, 1788, с. 4].

А. Н. Радищев, возвращавшийся в 1797 г. из сибирской ссылки, перечислил в своих Записках следующие селения на тракте от Боготола до Томска: Итат, Тяжин, Сулова, Кийское, Подъельничья, Тюменева, Бериккуль, Почитанка, Колыон, Ишим, Турунтаева, Халдеева, Семилужная [Радищев, 1952, с. 267–304].

Очевидно, что со времени путешествия П.-С. Палласа многие из этих селений значительно разрослись и обрели названия: «зимовье в 12 верстах от Берикульской» стало д. Тюменевой, «зимовье в 30 верстах от Колыона» – Почитанкой. Упомянутая П.-С. Палласом «русская деревня на берегу р. Ундебет в окружении татарских юрт», по-видимому, современный Малый Антибес, а д. Подъельничья (ныне с. Подъельники), скорее всего, появилась незадолго до того, как через неё в 1797 г. проезжал А. Н. Радищев.

Таким образом, за исключением Ишима и Кийского, все вышеперечисленные населённые пункты, расположенные ныне в Ижморском, Мариинском и Тяжинском районах Кемеровской области, возникли во второй половине XVIII в. в результате целенаправленных переселений на новый тракт жителей европейских губерний России и ранее заселённых сибирских уездов.

Началом таких переселений послужил сенатский указ от 13 декабря 1760 г. о праве помещиков ссылать провинившихся крестьян на поселение в Сибирь в счёт рекрутов [ПСЗ, т. 15, № 11166, с. 582–584]. Затем, в 1762 г. последовало еще два указа о принудительных переселениях непосредственно на тракт. Первый повелевал селить «от Тобольска к Иркутску, а от Иркутска до Нерчинска ... колодников мужского и женского пола, что ссылали на работы в Нерчинск, и помещичьих крестьян, что в зачет рекрутов шли на Колыванские заводы» [ПСЗ, т. 15, № 11414, с. 891–892]. Второй предписывал «крестьян из деревень по Енисею и Тунгуске переселить в пустое место от Томска до Ачинского острога, где по вершине Чулыма бывает великое хлебородие, и написать их всех в ямщики», а по дороге от Томска до Красноярска и от Красноярска до Иркутска поселить ямщиков из Тобольского и Верхотурского уездов [ПСЗ, т. 16, № 11633, с. 45].

Согласно архивным источникам, присланных тобольских, тюменских, туринских и верхотурских ямщиков по распоряжению Сената разместили по тракту преимущественно от Томска до Кийского станца [РГАДА, ф. 415, оп. 1, д. 143, л. 151,

151 об.], а значит, с большой долей вероятности можно предположить, что многие из них основались в селе Кийском и были среди первых жителей деревень Берикульской, Тюменовой и Сусловой.

Енисейский воевода Рыкачев в том же 1762 г. сообщил сибирскому губернатору Ф.И. Соймонову, что из вверенного ему уезда по «наряду» на Томскую дорогу для ямской гоньбы переселили 60 чел. со 120 лошадьми [РГАДА ф. 415, оп. 1, д. 143, л. 182]. И, по-видимому, это были те самые енисейские крестьяне из деревень Боготольской, Тяжинской и Китатской, о которых упоминается в дневнике Палласа [Паллас, 1786, с. 438–439].

Из документов Томской духовной консистории за 1782/83 гг. известно, что Колыонский станец и деревня Почитанская были заселены крестьянами, «сосланными от помещиков за предерзости» [Беликов, 1898, с. 52]. «В деревне Подъельничьей и в следующих приехали селиться 80 душ из окрестностей Екатеринбурга» [Радищев, 1952, с. 274]. Предположительно в 1780–90-е гг. заселялись д. Постникова (Ижморский район) и д. Медведчикова (Яйский район).

Московско-Сибирский почтовый тракт в XIX в.

В начале XIX в. Московско-Сибирский почтовый тракт был окончательно устроен на всём своём протяжении от Москвы до границы с Китаем. Его проезжая часть составляла 10 сажень (1 саж. = 2,1336 м), по обе стороны требовалось расчищать еще по 10 сажень для прогона скота. Форма и содержание верстовых столбов соответствовали ещё Петровскому указу «О содержании дорог» 1724 г., где, в частности, повелевалось «ставить верстовые столбы, крашенные и подписанные цифрами», «на перекрестках руки с надписанием, куда, которая лежит» [ПСЗ, т. 7, № 14591]. Почтовые станции размещались через 25–35 вёрст. Количество почтовых лошадей на станциях варьировалось от 3 до 6 пар. Лошади в первую очередь отдавались под курьерские и фельдъегерские экипажи, казённую почту и проезжавших по казённой надобности высокопостав-

ленных лиц и чиновников. Поэтому при значительном разгоне люди, ехавшие по своей надобности, иногда сутками ожидали лошадей. Каждый желавший ехать на почтовых лошадях должен был «испросить подорожную на месте своего пребывания». При получении лошадей дополнительно взимались «прогонные» [Долгоуков, 1898, с. 108].

Новый этап в развитии Московско-Сибирского тракта связан с реформами Александра I и принятием в 1817–1819 гг. Правил об устройстве дорог и Устава о содержании сухопутного сообщения в Сибири от 22 июля 1822 г., в соответствии с которым управление сибирскими дорогами возлагалось на местные Главные управления (губернские, уездные, окружные) [ПСЗ, т. 34, № 27180; т. 38, № 29130].

Все дороги разделялись на главные и уездные. В Томской губернии к первым был отнесён Главный Сибирский тракт от границ Тобольской губернии до границ Енисейской губернии (протяжённостью 1099 вёрст) и тракт до Барнаула, начинающийся от станции Варюхиной (367 вёрст).

К «уездным путям» были отнесены дороги от Барнаула до Омска (450 вёрст), от Барнаула по Бийской дороге (192 версты), от поворота на Бийск по Кузнецкой дороге (209 вёрст), от Бердска в одну сторону к Барнаулу, в другую – на главную Сибирскую дорогу (138 вёрст).

Кроме того, в Уставе были особо отмечены просёлочные дороги, «которые хотя ныне и не приемлются в ведомство сухопутных сообщений, но не упускаются из виду для будущего устройства». В частности, к таким была отнесена дорога «от Томска прямо на Кузнецк, поворачивая с Барнаульской дороги от села Поперечный Искитим».

По новым Правилам «дороги должны быть с обеих сторон означены вырытыми канавами». Трёхметровые верстовые столбы ставились при въезде в селения, где будут почтовые станции. На них писались название села и расстояние до крупных губернских городов. На мостах, где был учреждён денежный сбор с проходящих обозов, устанавливались шлагбаумы, а на столбах рядом с ними табличка с ука-

занием перевозной таксы. В Уставе указывалось, что «главная дорога должна быть в середине возвышена до 2-х футов», «мосты, имеющие длину более 20-ти сажень, должны быть не менее 3-х сажень».

Одновременно с «Уставом о сухопутном сообщении в Сибири» был принят ещё один документ, имеющий отношение к Сибирскому тракту, а именно, «Устав об этапах в Сибирских губерниях», в соответствии с которым по дороге от границ Пермской губернии с Тобольской и до г. Иркутска через 20–25 вёрст друг от друга (в селениях с почтовыми станциями) учреждались этапы для ночлега и отдыха партии заключённых, осужденных на сибирскую каторгу [ПСЗ, т. 38, № 29129, с. 469]. Этапы и полуэтапы представляли собой огороженное место на окраине селения, внутри которого располагались 2 или 3 здания. В одном помещались арестанты, в других – конвойная команда и офицеры. В полуэтапах арестанты останавливались лишь на ночлег после дня пути, на следующий день партия пребывала в этапе, где проводила две ночи и целый день. Строительство этапных сооружений было начато в 1824 г., а закончилось на всём протяжении «кандального пути» в 1831 г.

В 1824 г. был издан новый Почтовый дорожник, содержащий «описание почтовых дорог от обеих столиц ко всем губерниям, областям, пограничным городам и местечкам». Участок главного Сибирского тракта от Тобольска до Иркутска значился в нём, как «Иркутский тракт – 15 почтовая дорога» [Почтовый дорожник..., 1824, с. 10]. В административных границах современной Кемеровской области он проходил до г. Томска через д. Проскоковскую (почтовая станция, полуэтап), д. Мальцева, с. Зелеево, д. Варюхина (почтовая станция, этап), д. Алаева; за г. Томском через д. Медведчиково, с. Ишимское (почтовая станция, этап), с. Колыонское (почтовая станция, полуэтап), с. Почитанское (почтовая станция, этап), д. Постникова, д. Песчанскую, с. Берикульское (почтовая станция, полуэтап), д. Тюменева, д. Подъельничью (почтовая станция, этап), д. Малый Антибес, с. Кийское (почтовая станция, полуэтап), д. Сулова (почтовая станция, этап), д. Тя-

жинскую (почтовая станция, полуэтап), д. Итатскую (почтовая станция, этап).

Повинности и занятия притрактового населения

Изначально все повинности, связанные с содержанием и обслуживанием Московско-Сибирского тракта, возлагались на жителей тех слобод и дистриктов, где он был проложен. Все податное население поделили на ямские сотни, которые должны были обслуживать определённые почтовые станции и на своих лошадях возить почту и пассажиров.

Для организации ямской (почтовой) и обывательской гоньбы по станам, избирались ямские старосты, которые устанавливали очерёдность поставки подвод и лошадей, следили за порядком и порядком обслуживания тракта [Катионов, 2004, с. 300].

На Томско-Красноярском участке тракта после принудительного переселения туда ямщиков из западносибирских уездов, «исполнять почтовую гоньбу» было предписано этим новопоселенцам, а также ямщикам Тюменского и Тобольского ямов. Однако, подводную повинность (т.е. обязанность предоставлять средства перевозки для государственных и местных нужд) поочерёдно продолжали исполнять государственные крестьяне.

С 1786 г. сибирским ямщикам было разрешено исполнять ямскую повинность сообразно местным обстоятельствам: либо натурой, либо наймом. В последнем случае ямщики обязывались нанимать людей по узаконенным договорам – «верных и надёжных с поручительством или по одобрениям общественным» [Катионов, 2004, с. 221]. Такие договоры с тобольскими и тюменскими ямщиками, как правило, заключали томские мещане и зажиточные крестьяне притрактовых селений. Так, в 1789 г. от Тюменского яма для отправления почтовой гоньбы в Томском уезде по найму выставлялось по 12 лошадей в Ачинске и на станциях в д. Тырышкиной, д. Орский Бор, д. Дубровиной, д. Ташаринской, с. Турунтаевском и д. Подъельничной. А в 1800 г. в с. Турунтаевском и д. Подъельничной почту возили уже томские ямщики, в с. Колыонском – местные крестьяне [Катионов, 2004, с. 222].

В 1797 г. А.Н. Радищев отметил, что «в Итати и далее почту держат тобольские ямщики, платят за пару по 100 и 105 р. обывателям, но не сами, а купец у них снял, а сам, может быть, взял дороже. Здесь держат 12 почтовых и недельных еще» [Радищев, 1952, с. 274]. В 1800 г. в д. Подъельничной почту возили уже томские ямщики, в с. Колыонском – местные крестьяне [Катионов, 2004, с. 222].

В 1804 г. при разделении губерний в Тобольской осталось 13499 ямщиков, а в Томской – 535, из них в Томском уезде всего 48 человек. Очевидно, что при постоянно возрастающем объёме различных перевозок, содержание почтовой гоньбы для местных ямщиков стало весьма «отяготительным» [Катионов, 2004, с. 228]. Для исправления сложившейся ситуации в 1820 г. ямщики Томской губернии были переведены в разряд государственных крестьян, а ямская гоньба и содержание почтовых станций была возложена на всё податное население Томского уезда [Катионов, 2004, с. 229].

На участке тракта от Чаусского острога до Томска, подведомственном Горному округу, все повинности, связанные с обслуживанием тракта, исполняли только приписные (заводские) крестьяне. Они обязаны были осуществлять ямскую и подводную гоньбу на участке той станции, к которой были прикреплены.

Известно, что в 40-х гг. XVIII в. крестьяне Сосновского и Верхотомского острогов «гоняли почту» даже на Барабинском участке Московского тракта (ныне территория Омской области). Но и в XIX в. основной массе приписных крестьян приходилось поставлять лошадей и подводы на дальние расстояния. Так, в 1822 г. ямская повинность на почтовой станции в д. Проскоковской с 7-ю парами лошадей была расписана на 438 душ крестьян, проживающих в деревнях Усть-Стрельная, Колмогорова, Опарина, Хорошеборская, Толстовская, Большеямная, Малоямная, Писаная, Колбиха, Грамотуха, Копылова, Колмыкова, Власкова и с. Пача. При этом ближайшая к Проскоковской станции д. Власково располагалась в 55 верстах от станции, самая дальняя – д. Усть-Стрельная – в 77 верстах.

За Варюхинской станцией, где предписывалось иметь 3 пары лошадей, было закреплено 197 душ из деревень Власкова, Баранова, Зырянской, Юрманова, Гутова, Беянина [ГАТО, ф. 66, оп.1, д. 18, л. 197].

Иногда содержать почтовую гоньбу на станции подряжались местные зажиточные крестьяне. В частности, в Томском государственном архиве отложился Договор от 29 ноября 1803 г. между крестьянами села Зелеево Тутальской волости Иваном Дуреевым и Василием Боровских и «той же волости старшинами» о том, что эти крестьяне с первого января 1804 г. будут держать на Зелеевской станции подводы и 3 пары лошадей (каждый из подрядчиков выставляет по одной с половиною паре), а также «сверх подрядных полуторных пар еще иметь пару с половиною же каждому ямщику», т.е. всего шесть пар. Согласно этому договору подрядчики обязывались «иметь по одной зимней и летней исправной повозке, колеса кованые, заметы и крышки кожаные, а ровно и лошадей хороших стоящих, как закон повелевает». Также в документе особо оговаривается, что, если имеющихся подвод и лошадей на станции для отправки какой-то важной свиты не будет хватать, «Дуреев с товарищем» могут затребовать у старосты «ямских обывательских сколько вознаграбится» [ГАТО, ф. 66, оп. 1, д. 6] (полный текст документа см. ниже).

С появлением на тракте этапов местное население должно было «править этапную гоньбу» – выставлять на каждый этап по 4 подводы для перевозки больных и грузов, арестантской партии, а также содержать «этапные избы», где останавливались на ночлег и отдых ссыльные и конвойные команды.

В соответствии с Уставом «О сухопутном сообщении в Сибири» 1822 г., содержание и устройство дорог было переведено из личных повинностей жителей в денежную. Однако в денежной форме большинство из этих повинностей просуществовало лишь в течение двух лет, в 1824/25 гг., а с 1826 г. по распоряжению генерал-губернатора Западной Сибири они снова стали «исправляться натурою». Данное решение было вызвано тем, что «излишние и даже

побочные денежные повинности крестьян послужили к крайнему их стеснению, поскольку происходит так, что крестьянин, заплатив деньги на содержание земских лошадей, подвергается и наряду, т.е. несет две повинности» [ГАТО, ф. 66, оп. 1, д. 19, л. 231]. Томскому гражданскому губернатору и Канцелярии Колывано-Воскресенского горного округа предписывалось «составить вновь расписание с показанием в нем уравнительно, где сколько, каким числом душ должно на станциях и ямах, из каких волостей и селений, содержать обывательских лошадей» [ГАТО, ф. 66, оп. 1, д. 19, л. 244]. Этим же распоряжением в натуральную личную повинность, исполняемую поочередно, переводились также этапная гоньба, ремонт и отапливание этапных строений.

Дорожная повинность по содержанию мостов, дорог и перевозов с 20-х гг. XIX в. составляла 1/4 часть денежных земских повинностей, но в 1857 г. она вновь была обращена в личную повинность крестьян. За каждым сельским обществом был закреплён определённый участок главного или уездного тракта. Весной сельский староста с выборными осматривали свой участок и составляли акт о всех необходимых починках, который представлялся в волость. Волостным правлением составлялись списки «могущих душ по волости», подлежащих к отбыванию дорожной повинности. Работы производились в основном в июне месяце и состояли из покрытия дорожного полотна слоем песка и гальки, расчистки канав, подравнивания насыпи. Там, где были речки и болота, осуществлялся ремонт мостов и гатей. Одновременно с ремонтом шла заготовка дорожных материалов: леса, хвороста, еловых веток, гравия из расчета 100 куб. саж. на 1 версту дороги. Материалы заготавливались и укладывались в местах предстоящего ремонта [Катионов, 1983, с. 80].

Натуральные повинности по содержанию и обслуживанию тракта, безусловно, были весьма обременительны для большинства крестьянских хозяйств Сибири. Однако со второй половины XIX в., когда по трактам началось активное торговое движение, притрактовое население стало

иметь массу преимуществ по сравнению с жителями других селений.

С развитием капиталистических отношений все виды гоньбы (почтовая, земско-обывательская, этапная, вольная) постепенно перешли на контрактную основу.

После появления губернских периодических изданий, объявления о торгах на содержание почтовой или земской гоньбы печатались в них. Обычно торги проводились при окружном полицейском управлении или на месте расположения почтовой станции. Для участия в торгах следовало представить ручательство доверителей, т.е. односельчан, где говорилось о том, что данное лицо или группа лиц могут содержать на станции необходимое число лошадей со всей упряжью и оснасткой для провоза почты и пассажиров. Ручательство подтверждалось подписью всех членов схода, затем фиксировалось в волостном правлении и заверялось окружным исправником и участковым земским заседателем [Катионов, 2004, с. 305]. Почтовая гоньба требовала значительных затрат на первоначальное обзаведение, содержание лошадей и экипажей, поэтому почтовые контракты могли себе позволить лишь очень зажиточные крестьяне. Этапную и земско-обывательскую гоньбу (местное гужевое транспортное сообщение) во многих селениях обычно содержала группа крестьян.

Ещё одним источником дохода для любого жителя трактового селения, имеющего транспортное средство, была «вольная гоньба» – перевозка пассажиров, следующих без подорожной или не желающих ждать почтовых лошадей. Часто крестьяне составляли компании «вольных дружков», образовывавших знаменитые «веревочки», по которым проезжающий «передавался», минуя официальные ямы. В Томской губернии главная «веревочка» шла по поселениям: Семилужное, Халдеева, Турунтаева, Ишим, Кольон, Почитанская, Берикуль, Подъельничная, Мариинск, Сулова, Тяжин [Пивень, 2005, с. 122].

Со второй половины XVIII в. важнейшим занятием притрактового населения становится вольнонаёмный товарный извоз. Он использовался на сибирских руд-

никах и металлургических заводах, а также при перевозке купеческих кладей. Из частных подрядов наибольшую значимость имели подряды, связанные с обслуживанием одной из основных отраслей сибирской экономики – кяхтинской чайной торговли.

К началу XX в. дальний извоз сосредоточился в руках нескольких крупных фирм-«доставщиков». В Томске это были купцы Кухтерины, Пушниковы, Королевы, Корниловы и несколько транспортных контор. «Доставщики» за определённую «попудную плату», а при перевозке чая «за плату с места», принимали на себя доставку товара, но сами были только посредниками. Груз они передавали так называемым подрядчикам – нескольким зажиточным крестьянам, каждый из которых брал на себя перевозку части товара на 40–60 подводках и отвечал за пропажу товара или его порчу. Сами подрядчики поставляли в обоз лишь половину лошадей, или даже меньше, а для получения недостающего числа тягловой силы приглашали возчиков или «связочников», которые составляли с подрядчиком артель. Каждый «связочник» имел до 5–6 лошадей. Для присмотра за лошадьми нанимались ещё рабочие (1 человек на 5 лошадей) [Григорьев, 1921, с. 76].

При втором виде товарного извоза, называемом «безконным», подрядчик, берущий на себя перевозку товара, не имел собственных лошадей, а только сани и телеги. Погрузив товар, он вёз его на перекладных, запрягая на каждой пряжке новых лошадей, принадлежащих местным крестьянам и следующих под их управлением. Безконный извоз был доступен огромной массе населения, поскольку в нем могли участвовать крестьяне, имевшие только одну лошадь, а для двухлошадных он составлял один из важных источников благосостояния. Недаром в притрактовых деревнях бытовала поговорка: «держишь правой рукой за соху, а левой за бич».

На рубеже XIX–XX вв. в Томской губернии почти вся сухопутная перевозка товаров между Европейской Россией и Восточной Сибирью была сосредоточена в руках жителей Каинского, Томского и

Мариинского округов. Согласно материалам исследований крестьянского и иногородческого хозяйства в Томском округе, в 90-х гг. XIX столетия в д. Варюхина из 118 дворов извозом занимались 62 двора, в с. Проскоковском – 64 из 106 дворов, в д. Алаева – 10 из 53, в с. Зелеевском – 9 из 77. Извозом занимались также крестьяне, проживающие на значительном расстоянии от большого Сибирского тракта, например, в д. Усть-Сосновка – 6 дворов из 14, в Сосновом Остроге – 13 из 31 (ныне это населённые пункты Яшкинского района Кемеровской обл.) [Григорьев, 1921, с. 77].

Ещё большее значение извоз имел в Почитанской и Баимской волостях Мариинского округа (ныне Ижморский и Мариинский районы). Так из с. Колыонского в извоз выходило более 1000 лошадей, из сёл Постниковского и Берикульского до 500 из каждого, из татарской деревни Тёплая речка – до 800 лошадей. Из нетрактовых селений Почитанской волости извозный промысел был развит в д. Нижне-Почитанской, сёлах Тундинском и Летяжском (до 20 дворов в каждом). В Баимской волости извозный промысел был сосредоточен, главным образом, в д. Тюменева (до 600 лошадей), д. Подбельничной (до 320 лошадей), в Тенгулах, Малом и Большом Антибесе (по 200–350 лошадей), в с. Суслове (около 400 лошадей) [Григорьев, 1921, с. 77].

Извозом крестьяне занимались обычно в осенне-зимнее время, когда заканчивались полевые работы, устанавливались дороги и замерзали реки. Летом же, несмотря на увеличение цен за доставку грузов, желающих идти в извоз было мало.

В тесной связи с ямщиной и извозом находилось дворничество – содержание постоянных дворов. В обязанность «дворников» вменялось – дать в своей ограде помещение возам и лошадям, а также извозчикам, которых необходимо было накормить и отпустить им для прокорма лошадей нужное количество овса и сена [Григорьев, 1921, с. 79].

Для части крестьян дворничество было основным занятием. Наибольшее число дворников располагалось на участке от

Красноярска до Томска. Так, в д. Медведчиково Ишимской волости (ныне Яйский район) из 110 крестьянских дворов почти 50 были постоянными. В с. Колыонском насчитывалось до 40 таких дворов, в с. Постникове – около 30, в д. Тюменевой – 20, в с. Суслове – 40, в Тяжинском – порядка 60. Дворники существовали и на зимних ветках, сокращавших постоянный Московско-Сибирский тракт, например, на ветке от Томска через д. Емельяновку и Ольгинское, выходявшей на постоянный тракт у с. Постникова. На запад от Томска в притрактовых селениях постоянных дворов было значительно меньше – от 2-х до 10-ти [Григорьев, 1921, с. 79].

Для того чтобы путешественники смогли в населённом пункте обнаружить постоянный двор среди других построек, его выделяли специальным знаком. Часто на ворота постоянного двора крепили высокий шест, к которому привязывали пучок сена. Если в селении не было постоянного двора, то путешественники просились переночевать в любой дом.

На обслуживание потребностей «большой дороги» были направлены и кустарные промыслы местного населения – изготовление саней, телег, дуг и конской упряжи.

Тракт, безусловно, влиял на земледелие и скотоводство, способствуя специализации притрактовых районов на выращивании овса и других кормовых культур, а также развитию коневодства для нужд извоза и гоньбы.

С запуском Транссибирской железной дороги традиционный уклад жизни притрактового населения начал кардинально меняться. Однако на первых порах возчики ещё пытались конкурировать с железной дорогой. Так, в «Обзоре Томской губернии за 1896 г.» писалось: «Извозом занимаются и по Московскому тракту, несмотря на существующую железную дорогу. Замечательно то, что стоимость провоза на лошадях от Томска до Красноярска была почти одинакова со стоимостью провоза по железной дороге, а если принять в расчет накладные расходы – плату за провоз товара на железнодорожную станцию и за доставку его со стан-

ции в склад получателя, а также издержки за двукратную перекладку товара, то доставка на лошадях могла обойтись на 1–2 коп. с пуда дешевле против ж/д. Очевидно, возчики за выгодою не гнались, а довольствовались только тем, чтобы прокормить в течение зимы себя и лошадей, тем более, что упряжь осталась от прежних годов». Однако уже в 1898 г. в подобном «Обзоре» отмечалось, что вдоль железной дороги промысел заметно уменьшается, «обратившиеся к земледелию извозчики находили это занятие хотя и более тяжелым, но зато более постоянным и выгодным» [Катионов, 2004, с. 292]. Таким образом, в начале XX в. железная дорога одержала победу над извозом, а Московско-Сибирский

тракт превратился в дорогу местного значения. Этапные строения были заброшены. В 1918 г. прекратили существование земские почтовые станции. Постепенно были срыты боковые валы, засыпаны канавы, сужено полотно, во многих местах дорога была распахана.

Московский тракт прекратил свое существование, но его история является важнейшей частью истории нашего края. Тракт сыграл ключевую роль в заселении северных и восточных районов Кемеровской области, заложил основы современной транспортной системы региона и оказал огромное влияние на традиционную культуру и быт населения прилегающих территорий.

Литература

- Беликов Д. Н. Первые русские крестьяне-населенники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта. Томск: Типо-литография М. Н. Кононова и И. Ф. Скулимовского, 1898. 138 с.
- Григорьев А. Д. Устройство и заселение Московского тракта с точки зрения изучения русских говоров // Известия института исследования Сибири. Томск. 1921. Т. IV.
- Долгоруков В. А. Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азиатским владениям России. Год третий. Томск: Паровая типо-литография П. И. Макушина, 1898. 569 с.
- Емельянов Н. Ф. Население Среднего Притомья в XVII – первой половине XIX вв. // Вопросы формирования русского населения Сибири в XVII – начале XIX вв. Томск: Изд-во Томского университета, 1978. С. 17–39.
- Ермолаев А. Н. Уездный Мариинск. 1856–1917 гг. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. 743 с.
- Катионов О. Н. Дорожная повинность крестьян Сибири // Образ жизни сибирского крестьянства периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного педагогического университета, 1983. С. 78–86.
- Катионов О. Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII–XIX вв. Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного педагогического университета, 2004. 568 с.
- Миллер Г. Ф. Путешествие из Красноярска в Томск. 1740 г. // Элерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск: Наука, 1990. С. 209–233.
- Новый Указатель дорог в Российской Империи, сочиненный по последним размерам дорог и установлениям почтовых станций, с присовокуплением планов генеральным трактам. СПб., 1803. Ч. 3. 455 с.
- Паллас П.-С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб.: Императорская Академия Наук, 1786. Ч. II. 571 с., 34 л. ил.
- Паллас П.-С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб.: Императорская Академия Наук, 1788. Ч. III. 480 с.
- Пивень С. Н. Влияние Московско-Сибирского тракта на жизнь населения Западной Сибири в XVIII–XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2005. 265 с.
- Почтовый дорожник или описание всех почтовых дорог Российской Империи, Царства Польского и других присоединенных областей. СПб.: Типография Медицинского Департамента Министерства Внутренних Дел, 1824. 454 с.
- Полное собрание законов (ПСЗ) Российской империи. Собрание 1-е (1649–1825). СПб., 1830. Т. I. XLV.
- Радищев А. Н. Записки путешествия из Сибири // А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений. М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1952. Т. 3. С. 675–676.

Договор о содержании почтовой станции в селе Зелеевском Тутальской волости

[Государственный архив Томской области (ГАТО), ф. 66, оп. 1, д. 6]

«1803 года ноября 29 дня ведомства Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства Тутальской волости села Зелеева крестьяне Иван Дуреев и Василий Боровских дали сей договор оной же волости старшинам Кузьме Алабугину, Федору Филонову и Афанасию Асанову в том, что договорились мы с оными старшинами на помянутой Зелеевской станции держать в будущем 1804 году с января 1 числа почтовых подвод каждому по одной с половиною паре лошадей с принадлежащею к оным конскою исправной упряжью, дабы от проезжающих не могло произойти каких либо жалоб и неудовольствий. Сверх подрядных полоторных пар еще иметь пару с половиною же каждому ямщику, что составляет всего шесть пар. А если случится по невозможности какую либо свиту увезти, то брать Дурееву с товарищем из ямских обывательских сколько вознадобится, а определенным сотникам в том препятствий не чинить.

Да притом словом заключается, ежели случатся грузные подводы, то запрягать только 8 лошадей, а помогать обывательским, а третью пару оставлять для курьеров и прочих до суток.

В том и обязываемся с прогоном и без прогонов всегда возить да иметь на каждую пару по одному исправному ямщику и для препровождения почты и прочих следующих по подорожным иметь по одной зимней и летней исправной повозке, колеса кованные заметы и крышки кожаные, а ровно и лошадей хороших стоящих как закон повелевает, а другого в такую почтовую гоньбу отнюдь никого не нанимать за что ценой рядили каждому то есть двум подрядившимся денег четыреста пятнадцать рублей. Первую половину получать в январе, а последнюю в июле месяце сего же года.

От того следует в случае несостоянии таковой исправной гоньбы, то предоставляем по себе поручителей, а именно крестьян Дуреева Лаврентия, Боровских Павла, Боянова Павла, Федора Кузнецова, Илисея Попова.

С тем мы поручители и обязываемся если кто из них подрядившихся помрет или какое произойдет несчастье, то должны мы поручиться во всем ответственность чтобы и вам нанимателям и в крестьянское общество никакого убытку не навредить. В том мы подрядчики, а ровно и поручители вообще, под сим подписуемся».

УДК 930.253

«ОПИСАНИЕ ПИСАНЫХ КАМНЕЙ В ТОМСКОМ УЕЗДЕ»**Л. А. Скрябина***Музей-заповедник «Томская Писаница»*

Машинописная рукопись «Описание писаных камней в Томском уезде» была обнаружена в 1993 г. научным сотрудником музея-заповедника «Томская Писаница» Л. А. Скрябиной в документальном фонде Российского этнографического музея в г. Санкт-Петербурге (РЭМ, ф. 1. оп. 2, д. 439). Автор рукописи – член Общества любителей исследования Алтая, землеустроитель и путешественник Николай Яковлевич Овчинников. Представленный документ является кратким описанием Тутальской писаницы на реке Томи, открытой им в 1906 г. во время рабочей поездки по Тутальской волости Томского уезда.

Ключевые слова: Тутальская волость, р. Томь, д. Писаная, д. Поломошная, рисунки на камнях.

"A DESCRIPTION OF CARVED ROCKS IN TOMSK COUNTY"**L. A. Skryabina***Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa"*

Typewritten manuscript "A description of carved rocks in Tomsk County" was discovered by the Museum-Preserve Researcher L. A. Scryabina in the records archive of Russian Museum of Ethnography in Saint Petersburg in 1993. The author of this manuscript is Nikolay Ovchinnikov, a member of the Society of Amateur Researchers of Altai, a land-surveyor and an explorer. This document is a brief description of the Tutalskaya Pisanitsa on the river Tom discovered in 1906 during his work trip around Tutalskaya volost of Tomsk County (*uyezd*).

Keywords: Tutalskaya volost, the river Tom, the village of Pisanaya, the village of Polomoshnaya, images on rocks.

Николай Яковлевич Овчинников родился в г. Барнауле, в 1897 г. окончил Казанскую духовную академию и поступил на службу в статистический отдел Управления землеустройства Алтайского округа. По долгу службы занимался изучением общинного землеустройства, бывал во многих уездах Томской губернии.

В 1906 г. в окрестностях д. Поломошной впервые обнаружил «писанный камень», известный сегодня как Тутальская писаница. В 1913 г. по заданию Кабинета совершил фотоэкспедицию в горы Алтая.

В 1914 г. Н.Я. Овчинников возглавил отдел землеустройства Алтайского округа, позднее был переведён в Петербург. В советское время работал в Государственном научно-исследовательском институте землеустройства и переселения.

Н.Я. Овчинников был активным членом Общества любителей исследования

Алтая, преобразованного в последствии в Алтайский отдел Западно-Сибирского отделения Русского Географического общества, и являлся одним из авторов старейшего краеведческого периодического издания «Алтайский сборник». Восьмой номер журнала (1907 г.) был полностью отведён его работе «К вопросу о поземельном устройстве в Алтайском округе».

В 1910 г. в десятом номере «Алтайского сборника» опубликована статья с рисунками под названием «О «писаных» камнях в Томском уезде», почти полностью совпадающая с представленным ниже текстом машинописной рукописи «Описание писаных камней в Томском уезде», датированной декабрем 1906 г. и хранящейся в документальном фонде Российского этнографического музея в г. Санкт-Петербурге [РЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 439].

Описание писаных камней в Томском уезде

[Российский этнографический музей (РЭМ), ф. 1. оп. 2, д. 439]

«В Томском уезде в Тутальской волости на правом берегу р. Томи верстах в 45 вверх по ее течению от того места, где она пересекается с железной дорогой около д. Поломошной, есть деревня, носящая несколько странное название «Писаная». Название происходит от того, что недалеко от этой деревни в 5 верстах к востоку, по берегу р. Томи у самой воды находятся «писаные камни», как называет их местное население.

Правый берег реки здесь высок, крут, скалист. Обнаженная каменная порода имеет пластовидное строение, причем пласты имеют положение, приближенное к вертикальному. В одном месте, где отвесная сторона скалы наиболее гладка и обширна, какой-то художник из обитавших здесь дикарей-звероловов оставил следы своего искусства и быта своих сородичей. Он изобразил тут если не целые сцены охотничьей жизни, то некоторые предметы охоты. Здесь мы видим несколько изображений лосей, причем общий характер фигуры этого животного схвачен так верно, что не может быть никакого сомнения, что это именно лось. Тут же изображения медведей уже гораздо менее удачные, напоминающие кабана. Рядом со всеми этими изображениями человеческое лицо и несколько человеческих мужских фигур с отчетливо нарисованными признаками пола. Все это высечено на гладкой поверхности камня довольно глубокими бороздками, которыми фигуры обведены только по контуру.

Всякий крестьянин из деревни Писаной хорошо знает положение писанных камней и проводника к ним здесь всегда легко найти. Доступ к ним удобен, хотя самому живописцу, конечно, приходилось пользоваться какими-то подмостками, когда он рисовал в верхней части скалы.

Писаные камни посещались многими, и посетители оставили на камнях много следов, более чем сам художник. Так, что когда приближаешься к ним, то сначала броса-

ются в глаза вырезанные или намазанные на камнях имена наших современников, а потом уже начинаем разбирать и самый рисунок.

Летом 1906 г. мне пришлось быть в окрестностях д. Поломошной. Однажды я бродил по р. Томи верстах в 5 от деревни с ружьем в поисках куропаток. Когда я дошел, идя по течению до того места, где Томь делает поворот к востоку, я увидел, что тут берег высок, крут, скалист и состоит из той же пластовидной каменной породы, которая наблюдается на правом берегу р. Томи около Писаной. Осматривая берег, я заметил, что в углублении камней приютились гнездовья горного стрижа. Я решил добыть гнездо, для чего стал взбираться на крутизну. Во время этого занятия мой взгляд упал на небольшую гладкую стенку, на которой уже издали заметил штрихи, напоминавшие «писаные камни». Заинтересовавшись, я поднялся в высь и убедился, что здесь изображены те же сюжеты, что и на скалах у д. Писаной: лоси и медведи. Вскоре я сделал там снимки. На первом изображен общий вид берега. Второй тоже, но с близкого расстояния. Крестиками помечено подножие разрисованной плоскости.

На всей плоскости сделано пять изображений: 3 лося, 2 медведя. Лучше других сохранились два нижних рисунка, самый верхний еле виден, а часть его вовсе откололась вместе с верхним краем разрисованной скалы от действий дождей и ветра. Рисунки сохранились гораздо хуже, чем близ Писаной. Это обстоятельство находится в зависимости от положения плоскости, ничем не защищенной от действия преобладающих здесь юго-западных ветров. Процесс выветривания породы здесь энергичней, чем на укрытых от ветра камнях близ Писаной.

Стиль рисунка тот же, что на писаных камнях. Здесь живописец не ограничивал-

ся, впрочем, высечкой контуров, на некоторых рисунках разделял их насечкой и внутри самих контуров, а на двух рисунках снизу (лось) он выделил даже детали глаз. Возможно эти детали были и на других рисунках, но выветрились.

Другая особенность этого камня, та что на нем нет ни одного имени наших современников, которым этот камень до сих пор известен не был.

Чтобы осмотреть камень надо поехать из д. Поломошной по направлению к юго-

востоку, через речки Межовку и Каменку. Дорога идет сначала лиственным лесом, потом в конце хвойным выводит на вершину крутого берега Томи против селения Усть-Искитим. Спускаться вниз пешком по крутому логу к самой воде, а затем около воды под камнями можно пробраться к месту изображения. При низкой воде можно пройти низом от устья р. Каменки.

Овчинников Н. Я.

Томск. 1906, 13 декабря».

УДК 069.1

РУССКАЯ НАРОДНАЯ КУКЛА В МУЗЕЕ-ЗАПОВЕДНИКЕ «ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА»: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ

С. В. Иванова*Музей-заповедник «Томская Писаница»*

Статья посвящена истории изготовления и популяризации русской народной куклы в музее-заповеднике «Томская Писаница». Музей, выполняя одну из социальных функций – культурно-образовательную, – на примере народной куклы вносит весомый вклад в дело воспитания духовно и интеллектуально развитой личности, сохранения историко-культурного наследия.

Ключевые слова: русская народная кукла, музейная педагогика, историко-культурное наследие, музей-заповедник «Томская Писаница».

RUSSIAN FOLK DOLL IN THE MUSEUM-RESERVE "TOMSKAYA PISANITSA": FROM WORK EXPERIENCE

S. V. Ivanova*Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa"*

The article is focused on the history of manufacturing and popularization of the Russian folk doll in the Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa". Realizing one of the social functions, cultural and educational, in the case of the folk doll the museum makes a significant contribution to the upbringing of the spiritually and intellectually developed personality, preservation of the historical and cultural heritage.

Keywords: Russian folk doll, museum pedagogy, historical and cultural heritage, Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa"

Характерной чертой современного общества является внимание к народному духовному и материальному наследию как явлению, содержащему в себе глубокие возможности для развития и воспитания гармоничной личности.

Сегодня отечественные музеи совместно с образовательными учреждениями решают важнейшие учебно-воспитательные задачи: приобретение исторических и культурных знаний, формирование чувства любви к Родине, уважительного отношения к своему народу и представителям других национальностей. Одной из важных задач является развитие творческого потенциала детей и подростков. Изучение народной куклы способствует сохранению национальных традиций и позволяет оглянуться в историческое прошлое, дарит жизненную мудрость. Приобщение к традициям народной культуры является основой формирования национального самосознания подрастающего поколения.

В этом важном деле свою значимую роль играет русская народная кукла как часть традиционной культуры. Кукла известна и почитаема с глубокой древности и остаётся востребованной сегодня. Традиционные народные куклы были и игрушками, и оберегами. С помощью игрушки ребёнок постигал мир: быт и традиции своей семьи, роли отца и матери, трудовую деятельность и праздничную обрядность, а взрослые с помощью кукол стремились уберечь детей от всех бед, подготовить к будущему.

Являясь частью культуры всего человечества, кукла сохраняет в своем образе черты создающего её народа, его индивидуальность, уровень развития и мастерства. Куклы сопровождали наших предков всю жизнь, приносили в дом радость познания секретов творчества и мастерства. Русь признавала за ними добрососедство и защиту [Это было недавно..., 2009, с. 9].

В музее-заповеднике «Томская Писаница» проводятся мастер-классы по русской

народной кукле из ткани, мочала, льна, сена, соломы, дерева (цв. илл. 1). Основной их целью является приобщение детей к отечественной истории, истокам богатейшей культуры русского народа, что в конечном итоге способствует формированию всесторонне и гармонически развитой личности. Декоративно-прикладное творчество неразрывно связано с обрядами, сказками, играми, песнями, праздниками. Это всё является незаменимыми средствами и формами воспитания, повышения уровня знаний по истории, культуре, развития наглядно-образного мышления, тактильно-двигательной активности. Такие занятия также являются хорошим методом для развития коммуникативных способностей, дисциплинируют, формируют нравственно-этические идеалы, социализируют.

Русская народная кукла появилась в музее-заповеднике «Томская Писаница» десять лет назад – в феврале 2008 г. наши посетители в день празднования Масленицы изготавливали из соломы и сена календарно-обрядовую куклу «Домашняя Масленица». С того времени мастер-классы по изготовлению обережных, календарно-обрядовых и игровых кукол стали традиционными.

В дни рождественских праздников посетители делают куклу Рождественский Ангел, в последний день масленичной недели – Домашнюю Масленицу, весной – Пасхальную куклу, Пасхального зайчика, Веснянку, Птицу-радость, летом – Купавку, Берегиню, Подорожницу, Колокольчик, Покосницу, осенью – Зерновушку, Невесту, Параскеву, Филипповку и др.

В том же 2008 г. в школе № 7 г. Кемерово в течение нескольких месяцев сотрудниками музея проводились занятия по изучению и изготовлению кукол детства и некоторых обрядовых кукол, в том числе и Домашней Масленицы. Итогом совместного творчества детей, школьных педагогов, родителей и музейщиков стали праздничные мероприятия в классах и выставка работ учащихся, организованная в дни празднования Масленицы на территории музея-заповедника «Томская Писаница».

В это же время началось сотрудничество музея-заповедника «Томская Писаница» с преподавателями и студентами Кемеровского профессионально-педагогического колледжа: совместные выставки, лекции и мастер-классы, методическая помощь. В 2009 г. студенты колледжа стали лауреатами научно-студенческой конференции в г. Омске, представив свою научно-исследовательскую работу по теме «Русская тряпичная кукла».

Позже изучение русской народной куклы стало частью курса по музейной педагогике в Центре дополнительного образования детей им В. Волошиной и в школах г. Кемерово.

В рамках проекта «Развитие творческого потенциала детей с ограниченными возможностями» (автор проекта – ст. хранитель отдела фондов музея Е.А. Демидова) с осени 2009 г. по март 2010 г. проводились занятия с учащимися средних и старших классов школы-интерната № 22 г. Кемерово. Ребята научились делать из ткани ангелов, птиц, берегинь, из мочала – первобытных людей, лосей и коней. Работы детей заслужили самой высокой оценки профессиональных художников и всех, кто посетил в Топкинском историческом музее выставку «Первобытное искусство в творчестве кузбасских художников и детей».

Кукла – один из важных персонажей арт-терапии. Специалисты считают, что изготовление куклы помогает справиться с любым недугом – укрепляется вера в свои силы, улучшается общее состояние человека, настроение, а также появляется новый друг – кукла, которому можно поведать самое сокровенное [Иванова, 2014, с. 7]. Это очень важно в работе с детьми и подростками, имеющими особенности в развитии. Наши занятия показали, что такие дети всегда настроены на успех, очень самостоятельны, стремятся обязательно завершить начатую работу, всегда готовы помочь товарищу.

В 2013 г. сотрудники «Томской Писаницы» совместно с работниками Кемеровской областной специальной библиотеки для незрячих и слабовидящих провели мастер-классы по изготовлению обрядо-

вых кукол. 21 февраля 2014 г. был организован фольклорно-обрядовый праздник «Куклы-обереги глубокой старины» для учащихся средних и старших классов школы-интерната № 23 г. Польшаево. Ребята узнали много интересного об обрядовых куклах, которых наши предки изготавливали весной, своими руками смастерили Веснянку – небольшую куклу в ярком платье на ниточке. Маленькие дети надевали куколку петелькой на пальчик и водили её как куклу-марионетку [Берстенева, Догаева, 2010, с. 56].

С 2014 г. русскую народную куклу изучают учащиеся школы № 36, с 2017 г. – дети и взрослые, посещающие библиотеку им. В. Киселёва, а также летом в выходные дни – посетители музея-заповедника «Томская Писаница».

Опыт практической работы показывает, что народная кукла является превосходным средством для приобщения детей к изучению декоративно-прикладного творчества, а её изготовление не требует сложных схем, т.к. вековые традиции донесли выверенные традиционные размеры кукол – мизинчиковые, с ладонь, с локоть. Мудрость предков и здесь выразилась в сложившихся веками требованиях к размерам кукол (они удобны для изготовления) и времени создания (делаются достаточно быстро). При работе с младшими школьниками надо учитывать, что в силу своего возраста они импульсивны, быстро утомляются, поэтому ведущим методом является игра. Именно в процессе игры с куклой крестьянские дети усваивали веками укоренившиеся традиции и жизненно важные умения. Во время наших занятий по изготовлению кукол дети могут играть, используя созданные ими игрушки.

Ещё одним важным моментом является то, что у каждого человека кукла получается уникальной даже при наличии стандартного набора материалов для изготовления. Это и удивляет, и вдохновляет, и, на что мы всегда надеемся, открывает дорогу в новый мир – мир творчества и новых знаний о традиционной культуре.

Практические занятия по изготовлению народных кукол сопровождаются бе-

седой об истории изготавливаемой куклы, знакомством с некоторыми традициями и обрядами. Например, Домашнюю Масленицу выставляли в масленичную неделю на подоконник, что служило сигналом – можно было идти к теще на блины. Кукла Пеленашка – идеальная игрушка для того, чтобы познакомить детей с потешками и колыбельными песнями русского народа.

Творческие занятия показали, что все дети талантливы, рады встрече с сотрудниками музея, верят в успех начатого дела. За всё время не было ни одного случая отказа закончить свою работу, редко, когда дети переделывали своё изделие – получалось сразу правильно и красиво. Тем не менее, во время работы с детьми стало ясно, что многие школьники не только младших, но и средних классов не умеют шить, завязывать узелки, у них нет навыка работы с тканью – дети не знают, что такое кромка, где у материи лицевая сторона, не умеют плести из ниток косичку. Отрадно, что часть детей занимаются рисованием, вышивкой, лепкой и т.п., что сказывается на их умении работать с любым материалом, в том числе и с тканью. Такие дети реже просят помощи у музейного педагога.

Также надо отметить роль куклы в изучении народного костюма. Мы стараемся следовать традициям – используем натуральные ткани определённой цветовой гаммы – красный, синий, бордовый, чёрный, жёлтый, голубой, зелёный для сарафана и юбки, светлый или белый для рубахи и платка. Наряжая свою куклу, дети узнают, что раньше наши женщины и девушки носили широкие юбки, чтобы было удобно работать, что чем старше была женщина, тем темнее у неё был наряд, что только маленькие девочки и незамужние девушки могли на людях не покрывать голову платком. Никого уже не удивляет, что наши современницы за редким исключением не умеют повязывать платок. При изготовлении таких кукол, как Берегини, Мамушки, Невесты мы рассказываем о значении головного убора для наших предков.

Надо отметить, что умение создавать народную игрушку может найти примене-

ние и в жизни, ведь кукол и игрушки всегда делали не только для домашнего использования, но и для продажи – куклы были предметом надомного труда, их продавали на ярмарках.

Уделяя особое внимание детям и подросткам, мы проводим занятия по изготовлению народной куклы с посетителями всех возрастов и видим, насколько интересна кукла, как она помогает поднять настроение, заставляя вспомнить детство. Творчество для многих наших современников является необходимой составляющей, рукоделие давно в моде, способов проявить себя очень много, и нам представляется важным определить достойное место народной куклы в творческой деятельности наших посетителей. Мы считаем, что многим помогаем сделать первый шаг на пути в мир народного творчества, обогащая тем самым свой духовный и интеллектуальный потенциал.

Опрос посетительниц музея-заповедника «Томская Писаница» среднего и старшего возраста показывает, что во многих семьях мамы и бабушки шили или скручивали куклы, часто шили куклам одежду, а дети сами рисовали лицо. Иногда матери просто скручивали большой платок, и получался «младенец». Если говорить о способах изготовления, то это куклы-скрутки, столбики, сшитые куклы с ручками и ножками.

Кроме того, сотрудники музея-заповедника «Томская Писаница» во время этнографических экспедиций по Кемеровской области интересуются у информа-

торов, кто шил или крутил куклы, какие они были, рисовали ли им лицо, в какие игры играли. К сожалению, основная масса опрошенных – это люди, родившиеся в 30-е годы прошлого столетия, и многим неведомы древние традиции изготовления тряпичной куклы, тем не менее, нам важна любая информация по данной теме. Как рассказывала жительница с. Варюхино Юргинского района Пелагея Фёдоровна Литасова, 1918 г.р.: «в детстве делали куклы: лицо белое, углём рисовали глаза, губы, брови, а ртом была пришитая красная тряпочка. Внутри куколки была старая материя, а сверху – что получше. Делали и мальчиков, и девочек» (информация собрана 02.08.2013 г.) [Дневник этнографической экспедиции, 2013, с. 77].

На сегодняшний день мы предлагаем групповые и индивидуальные занятия по изготовлению русской традиционной куклы на территории музея, в стенах общеобразовательных учреждений, в библиотеках, на выставках. Опыт работы показал, что нами выбрано правильное направление и в дальнейшем мы планируем обратить внимание на историю традиционных кукол других народов России.

Таким образом, изучение русской традиционной культуры в музее-заповеднике «Томская Писаница» является одним из способов сохранения богатого историко-культурного наследия русского народа, а знакомство с историей и традициями обережных, календарно-обрядовых и игровых кукол – важной составляющей процесса воспитания подрастающего поколения.

Источники

Дневник этнографической экспедиции по обследованию районов расселения русского населения Притомья (Яшкинский, Юргинский, Крапивинский районы Кемеровской области). 27 июля – 7 августа 2013 г. // МЗТП. Ф. 3. Оп. 1. Д. 143.

Литература

Берстенева Е., Догаева Н. Кукольный сундучок. Традиционная народная кукла своими руками (для чтения взрослым и детям). М.: ООО «Белый город», 2010. 111 с.

Иванова С. В. Русская тряпичная кукла в музее-заповеднике «Томская Писаница» (из опыта работы с детьми, имеющими ограничения в здоровье) // Социокультурная реабилитация людей с ограниченными физическими возможностями музейными средствами. Новокузнецк, 2014. 20 с.

Это было недавно, это было давно. Каталог выставки из фондов музея-заповедника «Томская Писаница». Кемерово: Кемеровский государственный институт культуры, 2009. 22 с.

УДК 069(091)

ГАЛИНА СЕМЁНОВНА МАРТЫНОВА У ИСТОКОВ ШКОЛЬНОЙ АРХЕОЛОГИИ И ШКОЛЬНОГО МУЗЕЕВЕДЕНИЯ В КЕМЕРОВО

Е. Е. Кузнецова, А. М. Илюшин*Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачёва*

В статье описывается и исследуется педагогическая и научная деятельность Г. С. Мартыновой в конце 1950-х–начале 1970-х гг. Цель работы заключается во введении в широкий научный оборот информации об этапе становления школьной археологии и музееведения в г. Кемерово, начало которого было положено профессиональным творчеством Г. С. Мартыновой. Для достижения этой цели используются такие методы исследования, как описание и сравнительный анализ источников. В качестве последних выступают воспоминания участников описываемых событий, фотографии и документы из личных архивов. Опубликованные материалы позволяют сделать вывод, что в конце 1950-х–начале 1960-х гг. в г. Кемерово проходил процесс становления школьной археологии и музееведения. Большая заслуга в этом принадлежит Г. С. Мартыновой, которая первой из кемеровских учителей-историков создала школьный музей в школе-интернате № 6 и стала систематически участвовать со своими учениками в археологических исследованиях, используя эти формы работы для расширения их кругозора и получения дополнительных знаний.

Ключевые слова: Кемерово, школьная археология, школьное музееведение, Г. С. Мартынова.

GALINA SEMENOVNA MARTYNOVA AT THE ORIGINS OF SCHOOL ARCHAEOLOGY AND SCHOOL MUSEOLOGY IN KEMEROVO

E. E. Kuznetsova, A. M. Ilyushin*T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University*

The article describes and considers pedagogical and scientific activity of G. S. Martynova in the late 1950s – the beginning of the 1970s. The purpose of the work is to introduce in a wide scientific circulation the information on this stage of formation of school archaeology and museology in Kemerovo. Its foundation was laid by professional creativity of G. S. Martynova. To achieve this purpose such methods of research as the description and the comparative analysis of sources are used. The latter include memoirs of participants of the described events, photos and documents from personal archives. The published materials allow us to draw a conclusion that in the late 1950s – the early 1960s the process of formation of school archaeology and museology was underway in Kemerovo. G. S. Martynova is greatly credited for launching this process. She was the first among Kemerovo History teachers to create a school museum at boarding school No. 6 and to involve the school students in archaeological research systematically using these forms of work for expansion of their outlook and acquiring extra knowledge.

Keywords: Kemerovo, school archaeology, school museology, G. S. Martynova.

В истории каждого региона есть личности, которые внесли свою лепту в развитие общегуманитарных знаний и дополнительного образования школьников. Занимаясь исследованием истории школьной археологии и музееведения в Кемеровской области, необходимо отметить особый вклад Галины Семёновны Мартыновой, которая стояла у истоков этих направлений дополнительного образования

учащихся г. Кемерово в конце 1950-х – начале 1960-х гг. Эта тема нами уже частично освещалась в печати [Кузнецова, 2016; Кузнецова, Илюшин, 2012б; и др.]. Настоящая работа посвящена более детальному исследованию этого вопроса. В качестве источников выступают воспоминания участников этих событий: А. И. и Г. С. Мартыновых, В. Н. Добжанского, а также фотографии и документы из архива семьи Марты-

новых. Основными методами исследования являются описание и сравнительный анализ.

15 августа 1955 г. по распределению выпускников Московского государственного педагогического института им. Н. К. Крупской в г. Кемерово приезжает молодая супружеская пара – Анатолий Иванович и Галина Семёновна Мартыновы (фото 1). Благодаря трудам этой семейной пары об историческом наследии Кемеровской области стало известно далеко за пределами нашей страны. Сейчас А. И. Мартынов – заслуженный деятель науки Российской Федерации, почётный гражданин Кемеровской области, академик РАЕН, доктор исторических наук, профессор Кемеровского государственного университета, основатель Кемеровского областного краеведческого музея и музея-заповедника «Томская Писаница». Г. С. Мартынова – кандидат исторических наук, доцент, первый педагог, который в г. Кемерово стал активно привлекать школьников к участию в археологических экспедициях и создавать вместе с учащимися школьные музеи. Последнее представляется очень важным в истории образования и педагогики Кузбасса, так как заложило основу и послужило развитию таких направлений исторического краеведения как «школьная археология» и «школьное музееведение» в областном центре Кемеровской области.

Впервые в работе археологической экспедиции Анатолий Иванович и Галина Семёновна Мартыновы участвовали в студенческие годы, когда в июле 1952 г. проходили археологическую практику в Заволжье, а затем, летом 1953 г., в раскопках Политотдельского сарматского курганного могильника, осуществлявшихся под руководством известного советского археолога профессора Константина Фёдоровича Смирнова.

Приехав в Кемерово в августе 1955 г., Галина Семёновна начала свою трудовую деятельность в Кемеровском педагогическом институте, сначала в должности лаборанта, а затем старшего лаборанта на кафедре истории КПСС. В 1956 г. перешла на работу в Кемеровскую областную детскую библиотеку имени А. П. Гайдара на долж-

ность старшего библиотекаря. С сентября 1958 г. начинается её профессиональная педагогическая деятельность в должности учителя истории и воспитателя в школе-интернате № 6, где она проработала до 1964 г. Именно здесь, на базе школы-интерната № 6 г. Кемерово с дополнительным музыкальным образованием (сейчас в этом здании располагается губернаторская кадетская школа-интернат), где учились дети, имеющие одного родителя, Галина Семёновна в 1958 г. впервые организовала кружок «Юный археолог». На занятиях кружка школьники изучали историю родного края, знакомились с основами археологии, выполняли различные краеведческие задания.

В этом же году группа юных исследователей истории родного края под руководством Г. С. Мартыновой отправилась в археологическую экспедицию в с. Михайловка Чебулинского района Кемеровской области. Ребятами в экспедиции были сделаны уникальные находки – «кыргызские» вазы, раскопаны необыкновенные по конструкции таштыкские склепы и многочисленные погребения. В конце 1958 г. на базе археологических материалов и исследовательских работ учащихся впервые в Кемерово был создан школьный музей. Всё это стимулировало ребят к участию в экспедиции в с. Верхотомка Кемеровского района, где в 1959–1961 гг. исследовались остатки Верхотомского острога, материалы раскопок которого значительно дополнили археологическую коллекцию школьного музея. Раскопки в с. Верхотомка проводили возле церкви, там были найдены крепостные рвы, монеты, пуговицы и многое другое периода освоения русскими людьми кузнецких просторов. Вся работа велась на энтузиазме, желании ребят поучаствовать в археологических раскопках и познать новое. Группа школьников проводила всё лето в экспедиции, в поисках интересных находок. Жили в палаточном лагере. Состав группы был 30–40 учащихся, так как в экспедицию выезжал целый класс, его нельзя было разделить, у многих детей не было родителей. Раскопки велись днём, работали по четыре часа: два часа утром, два – вечером. Все най-

денные артефакты мыли, делали зарисовки. Каждый день учащиеся подробно фиксировали в своих полевых дневниках.

Кроме исследовательской и познавательной деятельности проводились мероприятия, нацеленные на формирование навыков выживания в экстремальных полевых условиях и оздоровление учеников. У ребят из школы-интерната № 6 была одинаковая форменная одежда. Палаточный лагерь посещали местные жители, а учащиеся из Верхотомской сельской школы помогали на раскопе. Проводились спортивные соревнования, пели песни, частушки, играли в жмурки, прятки, устраивали посвящение в юные археологи.

Кроме участия в стационарных раскопках члены археологического кружка вместе с Г.С. Мартыновой совершали пешеходные археологические разведки по Кемеровскому району (фото 2). Маршруты преимущественно пролегали по разным берегам р.Томи. Большую помощь в организации этих мероприятий оказывали директор школы-интерната № 6 Гавриил Исаевич Крёков и Кемеровский городской и областной отдел народного образования. С большим вниманием к работе Галины Семёновны и её кружка относилась директор районного отдела народного образования Зинаида Ивановна Фокина (затем директор школы № 62 г. Кемерово). Благодаря этим руководителям и структурам управления образова-

ния несколько сезонов «юных археологов» обеспечивали палатками, помогали с доставкой продуктов питания.

В осенне-весенний период работа археологического кружка протекала в музее при школе-интернате № 6. Там были выставочные стенды и витрины, собранные

Фото 1. Анатолий Иванович и Галина Семёновна Мартыновы на набережной г. Кемерово, 1958 г.

Фото 2. Галина Семёновна Мартынова с учениками школы-интерната № 6 в археологическом походе по маршруту г. Кемерово – с. Верхотомка. Лето 1961 г.

руками учеников, а также столы и стулья для проведения дополнительных занятий. Здесь же ежегодно проводились конференции на выявление лучшего юного исследователя, участника полевых археологических раскопок или разведок. При подготовке работ юные исследователи консультировались с учёными, которые руководили археологическими раскопками. Кроме этого в кружке при музее ученики под началом Г.С. Мартыновой расширяли свои знания по истории родного края и проводили различные краеведческие конкурсы, посвящённые региональной истории. Выпускались газеты, как по итогам экспедиции, так и приуроченные к каким-либо историческим датам. В выходные дни школьники вместе с Г.С. Мартыновой производили однодневные пешие разведки со сбором подъёмного материала в городе и пригороде по берегам р. Томи и её притоков. Все перечисленные виды деятельности входили в программу кружка «Юный археолог». Сами ребята называли себя любителями и юными исследователями родного края. Среди учеников-активистов археологического кружка школы-интерната № 6 Г.С. Мартынова выделяет А. Ливанова, Ю. Клещевского и В. Астахова. Музей в школе-интернате № 6 пользовался популярностью как среди учащихся, так и среди учителей других школ г. Кемерово. В нём были сосредоточены материалы археологических раскопок конца 1950-х – начала 1960-х гг., проводившихся близ с. Михайловка Чебулинского района и на территории Верхотомского острога в с. Верхотомка Кемеровского района Кемеровской области.

С начала 1960-х гг. начались структурные изменения в системе образования областного центра. Встал вопрос о закрытии школы-интерната № 6, так как в него вкладывали «большие деньги» (были выстроены новые корпуса, проведён хороший ремонт помещений, учебные классы получили новое оснащение), а обучалось всего 100 человек. Это, а также семейные обстоятельства, привели к тому, что в 1964 г. Г.С. Мартынова перешла на работу в школу № 82 Кировского района г. Кемерово, которая была расположена

вблизи места проживания их семьи. Все краеведческие начинания и богатый на артефакты школьный музей взяла на свои плечи учитель истории школы-интерната № 6 Валентина Ивановна Дятлова. Она также занималась с детьми, продолжала работу в музее, но в экспедиции не выезжала и работа археологического кружка прекратилась. В школе № 82 Г.С. Мартынова проработала половину учебного года, но за это время, благодаря поддержке завуча школы Геннадия Николаевича Кокорева, успела создать школьный краеведческий кружок и музей.

Летом 1964 г. Мартыновы переехали жить в центральную часть города и в августе Галину Семёновну перевели на работу учителем истории в школу № 62 г. Кемерово, где она и трудилась до поступления в аспирантуру в Новосибирский государственный университет в 1968 г. Почти сразу же в этой школе Г.С. Мартынова начала создавать школьный археолого-краеведческий музей, забрав часть экспонатов из музея школы-интерната № 6 г. Кемерово (который вскоре был закрыт и некоторые ценные экспонаты оказались утеряны). В школе № 62 Г.С. Мартынова создаёт в помещениях классов несколько музейных отделений. Два отделения были посвящены краеведческо-археологической направленности, а третье – истории Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) и участию в ней земляков. Галина Семёновна вспоминает: «...создавать музей в школе № 62 было очень нелегко. Приходилось всех убеждать, что музей нужен. Мы с ребятами всё делали своими руками, так как средств не выделялось...». В результате был создан уникальный школьный музей, располагавшийся в нескольких помещениях. Самый большой зал назывался «Комната памяти Великой Отечественной войны». Активисты музея собрали богатейший материал по 22 Сибирской Гвардейской стрелковой дивизии. Ученики под началом Г.С. Мартыновой вели переписку с ветеранами – участниками Великой Отечественной войны, а также первыми собрали материал о Вере Даниловне Волошиной, Герое Российской Федерации (звание присвоено посмертно в 1994 г. за заслуги перед госу-

дарством и народом, связанные с совершением героического подвига). На примере этого опыта позже в школе № 12 создали музей имени В. Д. Волошиной. В двух других кабинетах школьного музея проводились не только дополнительные занятия кружка, но и шли учебные занятия по истории. Кабинеты находились на втором этаже и отличались друг от друга тем, что охватывали разные временные периоды истории родного края. Это позволяло наглядно изучать историю своего региона в контексте всемирного исторического процесса.

Параллельно с созданием музея Галина Семёновна создает кружок «Юный исследователь, археолог, краевед» и начинает готовить ребят к участию в полевых археологических исследованиях (фото 3, 4), используя накопленный опыт подобной работы в школе-интернате № 6. Организация полевых археологических исследований школьников в этот период вышла на новый уровень. Этим вопросом кроме школьных активистов и Городского отдела народного образования (ГорОНО), стали заниматься Кемеровский областной отдел народного образования (ОблОНО) и Кемеровский государственный педагогический институт (КГПИ). Это позволило создать в Кузбассе для школьников и студентов уникальный областной (в последующем дорос до статуса Всесоюзный) оздоровительно-трудовой археологический лагерь «Родина», курируемый на комплексной основе ОблОНО и КГПИ. Каждый год, начиная с 1965 г., в период летних каникул ученики школы № 62 под руководством Г. С. Мартыновой выезжали в этот археологический лагерь и совместно со школьниками из Чебулинского района и г. Мариинска принимали участие в раскопках у с. Михайловка. Название археологического лагеря «Родина» было созвучно с одной из школьных конференций «Мы изучаем Родину», которая ежегодно проводилась в школе № 62 г. Кемерово. Учащиеся активно отдыхали в лагере и работали в археологической экспедиции в течение 21–25 дней за одну смену. Участие школьников в археологических раскопках финансировалось не только школой. На активный отдых в оздоровительно-трудовом археологическом лагере «Родина» в сере-

дине 1960-х гг. стал выделять средства Кемеровский областной профсоюз, а Областное управление образования давало машину, на которой довозили продукты и участников экспедиции до лагеря. За время экспедиционной смены учащимися выпускалось много газет на разные темы, зарисовывалась каждая находка. Проводилось множество конкурсов, например: «Кто найдет больше артефактов?». Вечерами у костра Галина Семёновна рассказывала интересные истории, советовала литературу, которую нужно прочитать. Все перечисленные формы работы имели большое значение как в воспитательном, так и в образовательном ракурсе.

Находки, обнаруженные в ходе раскопок этого памятника, передавались на хранение в Кемеровский областной краеведческий музей и музей Археологии Южной Сибири, который стал формироваться в педагогическом институте, а часть коллекции экспонировалась в музее школы № 62. Каждый год по итогам археологических раскопок дети участвовали в написании конкурсных сочинений на темы «Как я провел лето», «Мой вклад в изучение истории родного края». Конкурсные сочинения всегда получались красочными, интересными, с глубоким смыслом. На базе музея школы № 62 г. Кемерово по инициативе Г. С. Мартыновой стали организовывать исследовательские краеведческие конференции для учащихся, куда приглашались участники раскопок с разных территорий нашей области. Самая масштабная конференция, которая фактически стала первой областной историко-краеведческой конференцией школьников Кузбасса, называлась «Юный следопыт-исследователь». По итогам конференции многих ребят награждали за активное участие в поисковой краеведческой деятельности. Замечательными помощниками Г. С. Мартыновой в годы её работы в школе № 62 были ученики класса, в котором она была классным руководителем (фото 5). Один из них, Виктор Николаевич Добжанский, впоследствии стал профессиональным историком и коллегой Галины Семёновны.

Благодаря инициативе Г. С. Мартыновой в Кемерово удалось внедрить такую форму работы с учениками, при которой

ребята занимались изучением истории родного края как теоретически (работая в классе и на занятиях кружка), так и практически (участвуя в археологических экспедициях и походах, создавая и обслуживая школьный музей). Данные формы работы озвучивались на областных педагогических конференциях, где высоко отмечалась организация воспитательной, учебной и моральной работы с учащимися, направленная на развитие патриотизма и любви к Родине.

В 1968 г. Г.С. Мартынова поступает в очную аспирантуру к выдающемуся советскому историку-археологу академику Алексею Павловичу Окладникову в Новосибирский государственный университет и уходит из школы № 62, оставив колле-

гам все свои наработки и музей. Однако каждый год в период летних каникул она продолжает на общественных началах возить учащихся этой школы и студентов Кемеровского государственного педагогического института на археологические раскопки в д. Михайловка Чебулинского района, где проводились широкомасштабные исследования древних жилищ поселения и курганов могильника. Кроме этого, Г.С. Мартыновой приходилось участвовать в археологических экспедициях под руководством своего научного руководителя на Дальнем Востоке, что позволило значительно расширить профессиональный кругозор.

После завершения обучения в аспирантуре в 1970 г. Галина Семёновна устраива-

Фото 3. Привал во время археологического похода учеников школы № 62 по маршруту г. Кемерово – д. Подъяково. Осень 1965 г. Слева направо: Наталья Анненкова, Галина Семёновна Мартынова, Зинаида Прокопьева, Татьяна Воронина, Владимир Воронцов, Виктор Добжанский

Фото 4. Передача навыков подрастающему поколению. Галина Семёновна и Елена Мартынова (Ковешникова) на раскопках у с. Кондрашка в Тисульском районе. Июль 1964 г.

ется работать в школу № 82 Кировского района г. Кемерово. Вскоре после защиты диссертации в 1971 г. она начинает преподавательскую деятельность на кафедре всеобщей истории (с 1975 г. на кафедре археологии) в Кемеровском государственном педагогическом институте (с 1974 г. – университете) на должности ассистента, затем старшего преподавателя и доцента. Летом этого же года Галина Семёновна Мартынова вместе с Юрием Михайловичем Бородкиным отправляется на раскопки Кузнецкой крепости в г. Новокузнецк. Совместно со школьниками из Кемерово в экспедиции принимают участие ребята из других городов: Новокузнецка, Мысков, Киселёвска, Прокопьевска. Участниками этой экспедиции были открыты казармы, надвратная церковь, вскрыт фундамент большого здания и обнаружен подземный ход. Они были первые, кто начал раскопки данного исторического объекта (сейчас на этом месте располагается музей-заповедник «Кузнецкая крепость»), продолжавшиеся два сезона. Все материалы были переданы заказчику этих работ в отдел архитектуры г. Новокузнецка.

В 1960–1970 гг. Г.С. Мартынова, работая на кафедре всеобщей истории в КГПИ, а затем на кафедре археологии КемГУ, продолжала курировать работу археологического оздоровительно-трудового лагеря «Родина», который летом продолжал работать на базе стационарного палаточного лагеря Южно-Сибирской археологической экспедиции. При этом передавала свой опыт и знания в области школьной археологии и музееведения [Мартынова, 1967], сотрудничая со многими школьными учителями и педагогами дополнительного образования. Среди кемеровских педагогов это Марья Филипповна Морозова, учитель истории школы № 84, и Геннадий Иванович Кокорев, завуч школы № 82 Кировского района (позднее он переехал в г. Ленинск-Кузнецкий, где создал музей в школе, при которой работал, а затем стал секретарем городского комитета партии). В эти годы активно участвовали в развитии региональной школьной археологии Анатолий Ларюков, работавший учителем истории в школе г. Анджеро-Судженска (заочно учился в аспирантуре НГУ у А.П. Окладникова), а также преподава-

Фото 5. Галина Семёновна Мартынова с выпускниками 11а класса школы № 62, активными участниками археологического кружка. Июнь 1966 г. Слева направо стоят: Володя Новиков, Володя Зуев, Алексей Байченко, Володя Шевелёв, Володя Файнзильберг, Гена Долгих, Витя Добжанский, Нонна Богословская и Валя Лукьянова; сидят: Слава Братенков, Женя Бобылев, Наташа Патракеева, Зина Прокопьева, Галина Семёновна, Галя Санжаревская, Люда Скотникова, Лариса Коган

тели детского дома творчества г. Мариинска, которые вместе со школьниками выезжали в экспедиции, проводившиеся под началом Г.С. Мартыновой. Они же использовали её опыт в организации своих школьных музеев на местах. Вот как оценивают результаты такой работы свидетели и участники событий: «Именно в это время археология становится очень популярной в Кемеровской области. Вокруг группы кемеровских археологов сформировался актив любителей-археологов из студентов, школьников, школьных учителей истории, всех, кто интересуется древней историей своего края» [Кулемзин, Бородкин, 1989, с. 12].

После формирования в 1960–1970-х гг. коллектива археологов в стенах КГПИ, а затем КемГУ, опыт проведения совместных экспедиций усилиями преподавателей ВУЗа и школ был востребован. Традиции школьной археологии в Кемерово продолжали развиваться в 1980-х гг. на базе Южно-Сибирской археологической экспедиции, а затем с 1990-х гг. и по настоящее время – Кузбасской археологической и Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиций [Кузнецова, Илюшин, 2012а; 2012б; 2014]. Практика создания школь-

ных музеев, пройдя этап становления в 1950–1970-х гг. [Леонов, 2014, с. 75], стала популярной и общеупотребительной в сфере дополнительного школьного образования в Кемеровской области. И у истоков школьной археологии в областном центре региона стояла Г.С. Мартынова со своими единомышленниками. Она смогла заинтересовать, сплотить и убедить учителей и руководителей школьного образования в необходимости новой в то время формы педагогической деятельности, совмещающей в себе традиционную педагогику, педагогику дополнительного образования, археологическое краеведение и музееведение. Благодаря этому сотни детей познакомились с археологической наукой, получили огромное количество дополнительных знаний и навыков. Кроме этого можно отметить, что Галина Семёновна стала в Кемерово первой, кто организовал и стал активно использовать в учебном процессе школьный музей. По сути этим было положено начало школьному музееведению в Кемерово, которое активно развивается в Кемеровской области в настоящее время [Леонов, 2014, с. 75–90; Школьные музеи..., 2008; и др.] и имеет большие перспективы в будущем.

Литература

- Кузнецова Е. Е. К истокам школьной археологии Кузбасса // Сборник материалов VIII Всероссийской научно-практической конференции молодых учёных с международным участием «Россия молодая». Кемерово: КузГТУ, 2016. С. 651–653.
- Кузнецова Е. Е., Илюшин А. М. Гуманитарный научный центр и развитие школьной археологии Кузбасса // Сборник докладов студентов, аспирантов и профессорско-преподавательского состава университета. По результатам IV Всероссийской, 57 научно-практической конференции молодых учёных «Россия молодая», 24–27 апреля 2012 г. Кемерово, КузГТУ, 2012а. С. 288–290.
- Кузнецова Е. Е., Илюшин А. М. История школьной археологии в Кузбассе // VIII Чтения, посвящённые памяти Р. Л. Яворского (1925–1995): Материалы международной научной конференции. Новокузнецк: РИО КузГПА, 2012б. С. 212–220.
- Кузнецова Е. Е., Илюшин А. М. Школьная археология в современной практике Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции // Теоретические и прикладные вопросы образования и науки: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции. Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 2014. Ч. 4. С. 76–78.
- Кулемзин А. М., Бородкин Ю. М. Археологические памятники Кемеровской области. Кемерово, 1989. 158 с.
- Леонов Е. Е. Культурно-образовательная и коммуникативная деятельность музеев образовательных учреждений Кемеровской области. Кемерово: КРИД «Кника», 2014. 128 с.
- Мартынова Г. С. Археология и школа // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово: Кемеровское книжное изд-во, 1967. Вып. 1. С. 60–65.
- Школьные музеи г. Кемерово: Путеводитель. Юрга: ООО «Новая типография», 2008. 152 с.

УДК 069.1

ИСТОРИЯ КУЗБАССА ОТ ДРЕВНОСТИ ДО НАШИХ ДНЕЙ НА УРОКАХ МУЗЕЙНОЙ ПЕДАГОГИКИ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА»

Е. А. Орлова, А. С. Сизёв*Музей-заповедник «Томская Писаница»*

Сотрудничество школы и музея является важным направлением образовательной практики. Сотрудниками музея-заповедника «Томская Писаница» разработаны и регулярно проводятся занятия для учащихся кемеровских школ в рамках двух программ музейной педагогики «Краеведение. Древнее прошлое родного края» (5–7 классы) и «Музееведение. История Сибири» (6–9 классы). Уроки по данным программам расширяют знания школьников об истории родного края с древнейших времён до этнографической современности. Цель данной статьи – рассмотрение методики проведения музейных уроков по темам «В глубину веков», «Телеуты – коренной народ Кузбасса» и «Археология русских Притомья». На занятиях активно используются музейные предметы – как подлинные, так и новоделы. Каждый урок включает в себя практическое задание для учащихся, необходимое для закрепления полученных учениками теоретических знаний. Данная публикация может быть интересна сотрудникам музеев и педагогам образовательных учреждений.

Ключевые слова: музей, музейная деятельность, музейная педагогика, музейно-педагогическая программа.

THE HISTORY OF KUZBASS FROM ANTIQUITY TO THE PRESENT DAYS IN MUSEUM LESSONS OF THE MUSEUM-RESERVE "TOMSKAYA PISANITSA"

E. A. Orlova, A. S. Sizyov*Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa"*

The cooperation of school and museum is an important direction of educational practice. The staff members of the Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa" developed museum lessons based on two programmes of museum pedagogy "Local History. The Ancient Time of the Native Land" and "Museology. The History of Siberia". These lessons are mostly conducted in Kemerovo schools by our museum staff. These museum programmes expand knowledge of pupils about the history of their native region from ancient times to ethnographical modernity. The aim of the article is to consider the methods of the museum lessons titled "In the Depth of Centuries", "Teleuts – the Indigenous People of Kuzbass" and "Russian Archaeology of the Tom Region". Museum's objects (both genuine ones and copies) are used during these museum lessons. Every lesson includes different practical activities, which help pupils to consolidate acquired information. The article can be interesting for museum workers and teachers.

Keywords: museum, museum activities, museum pedagogic, museum and educational program.

В современных постоянно меняющихся условиях одним из важнейших направлений деятельности музея становится воспитательно-образовательная работа. Способом её реализации является музейная педагогика – междисциплинарное направление на стыке музееведения, педагогики, психологии, культурологии, этики и некоторых других наук.

Очень перспективное и востребованное направление образовательной практики – сотрудничество школы и музея. Оно предполагает творческое взаимодействие музейного и школьного педагогов, позволяющее обогатить новым содержанием такие традиционные формы образовательной деятельности как лекции, экскурсии, дидактические выставки, семинары, вклю-

чить в образовательный процесс современные видео- и мультимедийные технологии [Кетова, 2012].

Сотрудники музея-заповедника «Томская Писаница» регулярно проводят уроки для учащихся кемеровских школ в рамках таких программ музейной педагогики как «Краеведение. Древнее прошлое родного края» (5–7 классы) и «Музееведение. История Сибири» (6–9 классы). Данные программы включают тематические и исторические циклы, расширяющие знания учащихся об истории родного края с древнейших времён до современности. Необходимость дополнения школьной программы объясняется тем, что систематическое изучение основ наук требует от учеников средних классов понимания сложных и абстрактных отношений между объектами, формирования отвлечённых понятий [Столяров, 2004, с. 154, 155], чему способствуют внеурочные занятия.

Эффективному усвоению школьниками знаний во время музейных уроков способствуют неформальность и добровольность занятий, а также возможность максимальной реализации способностей и удовлетворения интересов. Всё это стимулируется разнообразием и подлинностью демонстрируемых ученикам музейных предметов [Макеева, 2011, с. 165].

Программы музейной педагогики музея-заповедника «Томская Писаница», посвящённые истории родного края, открывает урок под названием «В глубину веков». Он способствует формированию у учащихся средней школы начального представления об основных этапах и видах работ на археологических памятниках, а также позволяет получить информацию о дописьменной истории региона.

Занятие проводится на свежем воздухе, в непосредственной близости от специально подготовленной песчаной площадки для практических занятий. Площадка необходима для имитации раскопочных мероприятий – разметки раскопа, графической и фотофиксации находок, снятия слоя, расчистки находок. Подобная стационарная площадка, органично вписанная в природную среду, создана на территории

музея-заповедника «Томская Писаница». Кроме того, занятие может быть организовано во дворах школ и ближайших к ним домов, где есть зоны с песчаным покрытием (детские песочницы, волейбольные площадки и т.д.). Инвентарь, необходимый для проведения урока, мало чем отличается от набора предметов, требующихся для археологической разведки или стационарных раскопок. Это оборудование для снятия слоя (мастерки) и зачистки предметов (кисточки), разметки площади раскопа (шпагат, колышки) и фиксации находок (нивелир, геодезическая рейка, миллиметровая бумага, карандаши и т.д.).

Музейное занятие по древней истории нашего края и основам археологических полевых работ является уроком-практикумом. Большое количество этапов (разметка, отметка находок, зачистка, зарисовка и др.), на которые разделено занятие, позволяет изменять продолжительность урока в зависимости от возраста учащихся, погодных условий. Для школьников 5–6 классов можно сделать акцент на механических действиях (отметка находок с помощью лазерного нивелира, расчистка предметов). Занятие для учеников более старших классов максимально приближено к реальным раскопкам – музейный педагог подробно объясняет школьникам правила разметки, графической и фотофиксации, зачистки развалов керамических сосудов и каменных кладок.

Вводная часть урока представляет собой краткую лекцию о древностях Притомья, археологических памятниках и принципах работы на них. Далее лектор рассказывает об основных этапах работ, сопровождая каждый из них визуальным примером. Практическая часть урока начинается с самостоятельной разметки учащимися раскопа под руководством музейного педагога (установка осевого кола, ориентация раскопа по сторонам света, измерение сторон, создание прямых углов, разметка квадрата). После этого дети знакомятся с правилами археологической фотографии и графической фиксации (обязательное использование масштабов, рисунок на миллиметровой бумаге). Когда

раскоп занесён на план, проводится нивелировка раскопа. Учащиеся знакомятся с разными типами измерительных приборов (оптические и электронные нивелиры, тахеометр) и принципами работы с ними (отметка находок с рейкой, ведение описи). Следующим этапом занятия является расчистка находок, заранее помещённых в песчаный слой. Эта операция проводится под контролем преподавателя, который уделяет особое внимание соблюдению методических требований к археологическим раскопкам. Учащиеся знакомятся с самым массовым археологическим материалом – керамической посудой, условиями её залегания в слое и правилами зачистки.

Таким образом, в ходе данного музейного урока школьники получают большой объём информации по археологии нашего края и принципам археологических работ. Усвоению материала, в свою очередь, способствует возможность применения полученных знаний на практике.

Программами музейной педагогики музея-заповедника «Томская Писаница» предусматривается проведение уроков, посвящённых традициям и жизненному укладу коренных малочисленных народов Кузбасса. Музейными педагогами «Томской Писаницы» разработаны и регулярно проводятся занятия по теме «Телеуты – коренной народ Кузбасса».

Занятия по истории и культуре телеутского народа представляют собой комбинированные уроки. Они предусматривают активный диалог между преподавателем и учениками и постановку музейным педагогом тематических проблемных ситуаций, что способствует развитию интеллектуального и общекультурного уровня школьников. В основе диалога лежит концепция активного контакта, признающая приоритет активности в художественно-познавательном процессе [Галкина, 2009, с. 6].

Каждое занятие сопровождается показом музейных предметов (элементов телеутского народного костюма – поясов *кур*, воротничков *тяка*, нагрудника *тошток*; предметов быта – традиционной посуды и

предметов культа – *канаттулар*, *энекелер* и *эмегендер*). Обязательна во время проведения занятий демонстрация слайд-презентации и фильма «Телеутская земля». Следует особо отметить, что урок должен способствовать актуализации имеющихся у школьников знаний по истории России. Реализовать это можно, задавая учащимся вопросы, касающиеся ключевых событий отечественной истории. Например, рассказ музейного педагога о Теленгетском улусе – государстве телеутов в эпоху средневековья – обязательно стоит сопроводить вопросами о том, какие изменения происходили в России в рассматриваемый период (избавление от монголо-татарского ига, формирование единого централизованного государства, войны на юге и западе ради укрепления границ и выхода к морям и т.д.).

Занятия обязательно должны реализовывать межпредметные связи. Знакомство школьников с особенностями материальной и духовной культуры телеутского народа позволяет осуществить целый ряд таких связей.

Так, рассказ педагога о традиционных хозяйственных занятиях и народных промыслах телеутов следует построить в виде диалога с учениками о том, каким образом жизненный уклад людей зависит от природных условий, тем самым актуализируя уже известные школьникам сведения из физической и экономической географии.

Краткий обзор телеутского фольклора стоит начать с вопроса к учащимся, какие жанры устного народного творчества им знакомы из школьного курса литературы. Затем музейному педагогу стоит перейти к рассказу о религиозных представлениях телеутов. Здесь уместно задать школьникам вопрос о том, какие религии они знают и каковы их отличительные черты. Таким образом можно будет осуществить межпредметную связь с обществознанием.

Знания школьников 5–7 классов, занимающихся по программе музейной педагогики «Краеведение. Древнее прошлое родного края», можно проверить с помощью нескольких вариантов тестовых заданий.

Школьникам 6–9 классов, занятия с которыми проводятся в рамках программы «Музееведение. История Сибири», предлагается задание по описанию музейного предмета, которое позволит им почувствовать себя настоящими музейными сотрудниками. Музейные педагоги «Томской Писаницы» раздают учащимся для описания преимущественно новоделы – копии телеутских предметов культа и домашней утвари. Для составления описания предмета учащиеся объединяются в группы по 3–4 человека.

Выполнение заданий в группе способствует развитию социальных отношений между учителем и группой учащихся и учащихся между собой. Ведь именно в группе происходит обучение рефлексии, то есть умению смотреть на себя и свою деятельность со стороны.

Благодаря сочетанию различных педагогических приёмов музейные уроки по теме «Телеуты – коренной народ Кузбасса» способствуют формированию у школьников представления о быте и традициях телеутов, а также о роли музеев в деле их сохранения.

Музейные педагоги «Томской Писаницы» в рамках уже означенных выше программ музейной педагогики знакомят учеников школ с историей освоения региона русскими людьми по данным археологии. С этой целью был разработан и проводится урок «Археология русских Притомья».

Данное занятие представляет собой комбинированный урок, который позволяет осуществить межпредметные связи с такими дисциплинами как история Отечества, география и обществознание.

На уроке музейный педагог не только рассказывает школьникам об истории освоения Сибири и Притомья, но и демонстрирует артефакты, обнаруженные на территории нашей области и наглядно свидетельствующие о том, как приходили и обустривали свою жизнь на новом месте русские переселенцы.

Представленные на занятии предметы отличаются разнообразием – фрагменты керамической посуды, предметы быта, во-

оружие, украшения, детали конской упряжи, а также кресты-тельники. Подобный подбор предметов позволяет охарактеризовать основные черты материальной и духовной культуры переселенцев.

Особый интерес представляет информация об острогах – русских опорных пунктах в Притомье. Мало кто из кузбассовцев знает, что на территории нашей области их располагалось пять: Верхотомский, Кузнецкий, Сосновский, Мунгатский и Каштакский. С процессами археологизации памятников русского времени учащиеся смогут ознакомиться на примере работ, проведённых сотрудниками музея-заповедника «Томская Писаница» на территории Каштакского рудодобывающего и сереброплавильного комплекса – первого сереброплавильного промысла России. Школьникам демонстрируются фотографии из реальных археологических отчётов, благодаря которым они узнают, как сейчас выглядят жилые, хозяйственные и оборонительные сооружения русского острога и рудника.

Занятие также позволяет сформировать у школьников представление о русской археологии. Русская археология – направление в археологической науке, представители которого занимаются изучением археологических памятников русского времени. Хронологические рамки этого периода различны на территории европейской части России и за Уралом. С IX в. по начало XX в. в Европейской России и с XVI в. по начало XX в. в Сибири.

Для закрепления полученной информации школьникам предлагаются различные виды заданий – изобразить русский острог с характерными особенностями, описать музейный предмет (указав размеры, степень сохранности, возможную датировку и его предполагаемую функцию), найти на копиях карт XVII–XVIII вв. современные населённые пункты.

Занятия по музейной педагогике, посвящённые истории и культуре русских сибиряков и коренных жителей края, способствуют формированию уважительного отношения к людям разных национальностей. В выполнении этой задачи огром-

ную роль играют предметы из музейных коллекций, которые включаются в процесс формирования нравственных ценностей и эстетической культуры ребёнка [Макеева, 2012, с. 116]. Ведь демонстрация школьникам подлинных артефактов и взаимодействие с копиями и новоделами позволяет наглядно представить быт людей прошлого, познакомиться с их традициями и присущими им представлениями о прекрасном.

Таким образом, музейные уроки, проводимые сотрудниками музея-заповедника «Томская Писаница» в рамках двух программ музейной педагогики, дают школьникам дополнительные знания об истории родного края, которые не входят в стандартные учебные планы общеобразовательных заведений. На музейных уроках широко используются проблемные и игровые методы, стимулирующие творческие способности детей.

Литература

Галкина Т. В. Музейная педагогика XXI века: социальные и образовательные проекты как новая форма работы с детской и молодёжной аудиторией // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. № 8. С. 5–10 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzeynaya-pedagogika-xxi-veka-sotsialnye-i-obrazovatelnye-proekty-kak-novaya-forma-raboty-s-detskoj-i-molodezhnoy-auditoriey> (дата обращения 06.03.2018).

Кетова Л. М. Музейная педагогика как инновационная педагогическая технология // Человек в мире культуры. 2012. № 4. С. 76–81 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzeynaya-pedagogika-kak-innovatsionnaya-pedagogicheskaya-tehnologiya> (дата обращения 05.03.2018).

Макеева И. А. Культурно-образовательная деятельность музея: содержание и формы // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2011. № 4. Т. 17. С. 164–168 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_17736021_74930245.pdf (дата обращения 06.03.2018).

Макеева И. А. Педагогические аспекты музейной деятельности: историко-теоретический анализ // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. № 3 (40). Т. 1. С. 113–117 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_17920597_54237496.pdf (дата обращения 06.03.2018).

Столяров Б. А. Музейная педагогика. История, теория, практика: учебное пособие. М.: Высшая школа, 2004. 216 с.

Сведения об авторах

Иванова Светлана Васильевна, старший хранитель отдела фондов, Музей-заповедник «Томская Писаница»; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: izdatelstvo2007@mail.ru

Илюшин Андрей Михайлович, д-р ист. наук, профессор кафедры истории, философии и социальных наук, директор гуманитарного научного центра, Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачёва; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: ilushin1963@mail.ru

Кузнецова Екатерина Евгеньевна, соискатель гуманитарного научного центра, Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачёва, Кемерово, Российская Федерация. E-mail: bibituk@inbox.ru

Миклашевич Елена Александровна, старший научный сотрудник, Музей-заповедник «Томская Писаница»; научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН; г. Кемерово, Российская Федерация. E-mail: elena-miklashevich@yandex.ru

Мухарева Анна Николаевна, канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Музей-заповедник «Томская Писаница»; доцент кафедры археологии, Кемеровский государственный университет; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: mukhareva@mail.ru

Ножинков Алексей Евгеньевич, канд. биол. наук, научный сотрудник лаборатории интродукции растений, Институт экологии человека, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: alexbryo@yandex.ru

Орлова Елена Александровна, канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Музей-заповедник «Томская Писаница»; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: orlovaea42@gmail.com

Русакова Ирина Дмитриевна, канд. ист. наук, научный консультант, Музей-заповедник «Томская Писаница»; научный сотрудник лаборатории археологии, Институт экологии человека, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: mirnes@mail.ru

Сизёв Александр Сергеевич, научный сотрудник, Музей-заповедник «Томская Писаница»; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: asizyov@list.ru

Скрябина Людмила Анатольевна, канд. ист. наук, научный сотрудник, Музей-заповедник «Томская Писаница»; Москва, Российская Федерация. E-mail: smila@ Rambler.ru

Сулейменов Марат Гарифуллович, старший научный сотрудник гуманитарного научного центра, Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачёва; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: marat_suleymenov@mail.ru

Плац Иван Андреевич, младший научный сотрудник лаборатории археологии, Институт экологии человека, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: ivanplac@yandex.ru

Information about the authors

Ivanova Svetlana Vasilyevna, Researcher of the Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa"; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: izdatelstvo2007@mail.ru

Ilyushin Andrey Mikhailovich, Doctor of History, Professor at the Department of History, Philosophy and Social Sciences, Leading Researcher of Humanitarian Research Center of T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: ilushin1963@mail.ru

Kuznetsova Ekaterina Evgenyevna, Post-graduate student, Humanitarian Research Center of T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: bibituk@inbox.ru

Miklashevich Elena Alexandrovna, Senior Researcher of the Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa"; Researcher, Institute for Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: elena-miklashevich@yandex.ru

Mukhareva Anna Nikolaevna, Candidate of History, Senior Researcher of the Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa"; Assistant Professor at the Department of Archaeology, Kemerovo State University; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: mukhareva@mail.ru

Nozhnikov Aleksey Evgen'evich, Candidate of biological sciences, Researcher at the Laboratory of Plant Introduction, Institute of Human Ecology of the Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the RAS; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: alexbryo@yandex.ru

Orlova Elena Aleksandrovna, Candidate of History, Senior Researcher of the Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa"; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: orlovaea42@gmail.com

Rusakova Irina Dmitrievna, Candidate of History, scientific consultant of the Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa"; Researcher at the Laboratory of Archaeology, Institute of Human Ecology of the Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of the Siberian Branch of the RAS; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: mirnes@mail.ru

Sizyov Alexander Sergeevich, Researcher of the Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa"; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: asizyov@list.ru

Skryabina Lyudmila Anatolievna, Candidate of History, Researcher of the Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa"; Moscow, Russian Federation. E-mail: smila@ Rambler.ru

Suleymenov Marat Garifullovich, Senior Researcher Humanitarian Research Center of T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: marat_suleymenov@mail.ru

Plats Ivan Andreevich, Junior Researcher at the Laboratory of Archaeology, Institute of Human Ecology of the Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the RAS; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: ivanplac@yandex.ru

Цв. илл. 1. 1 – Местоположение урочища Каменка (обозначено красным треугольником). 2 – Объекты наскального искусства в урочище Каменка: 1–3 – обнаруженные в 2012 г. (1 – плоскость с антропоморфными фигурами, 2 – плоскость с личинами, 3 – рисунки на курганном камне); красными прямоугольниками обозначены затопленные две группы писаницы Копёнская Нижняя. 3 – Гора Вторая и Второй Лог. Фото 2012 г. Вид с юго-востока из урочища Каменка. Указано местоположение плоскости с личинами

1

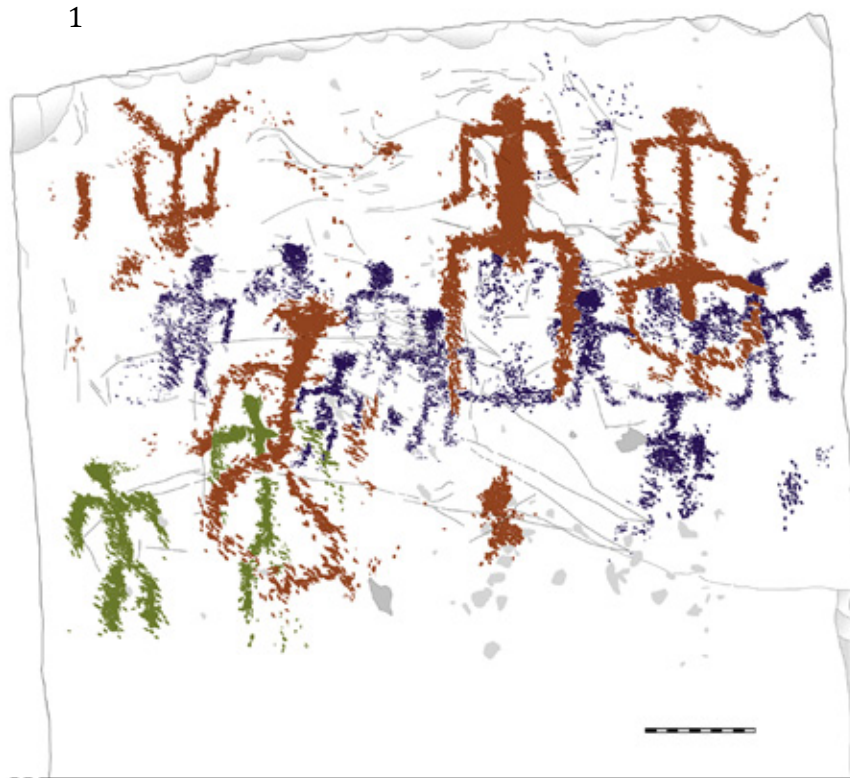

2

Цв. илл. 2. Каменка, 2012 г.: 1 – плоскость с антропоморфными фигурами, центральная часть;
2 – плоскость с личинами, центральная часть

1

2

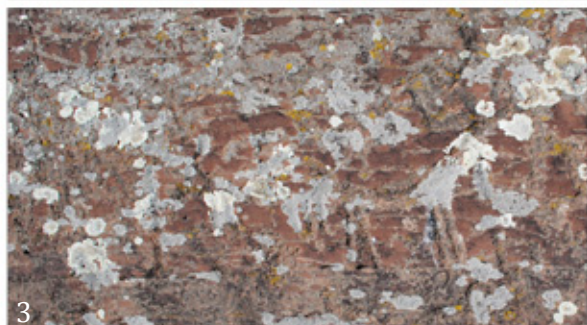
Цв. илл. 3. Каменка, 2012 г. изображения на курганном камне: 1 – фото, общий вид; 2 – прорисовка

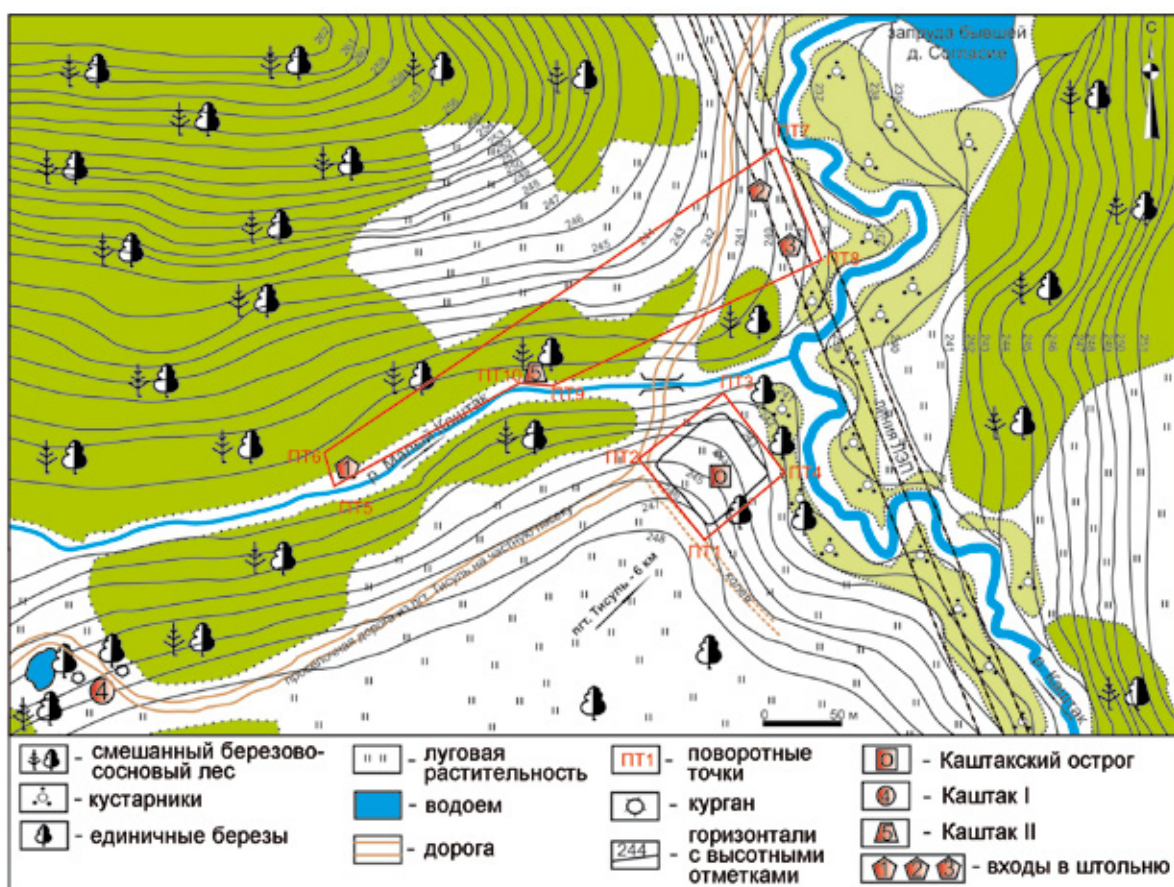
Цв. илл. 1. Ландшафтные зоны участка в устье р. Долгая и популяции трёх видов рода башмачок: 1 – степной участок; 2 – прибрежные скалы; 3 – лесной участок со следами пожара; 4 – башмачок крупноцветковый (*C. macranthon* Sw.); 5 – башмачок капельный (*C. guttatum* Sw.); 6 – башмачок настоящий (*C. calceolus* L.)

Цв. илл. 1. Гравированные изображения Шалаболинской писаницы

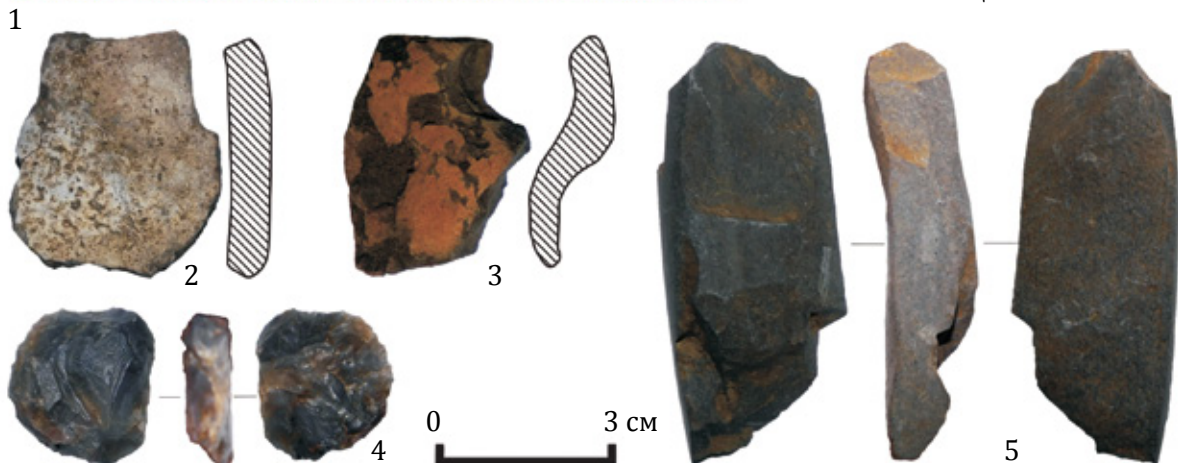
Цв. илл. 1. Абакано-Перевоз VIII: 1 – фото 2014 г. с небольшими участками, расчищенными от лишайников; 2 – фото 2017 г., плоскость полностью расчищена; 3 – фрагмент плоскости до расчистки; 4 – этот же фрагмент после расчистки

Цв. илл. 1. Сереброплавильный и рудодобывающий комплекс в устье р. Малый Каштак, курганная группа Каштак I и местонахождение Каштак II

Цв. илл. 2. Поселение Каменка I: 1 – ситуационный план; 2 – фрагмент керамического сосуда (тулово); 3 – фрагмент керамического сосуда (шейка); 4 – каменный скребок; 5 – каменный отщеп

Цв. илл. 1. Мастер-классы по изготовлению народной куклы: 1, 5 – изготовление обережных кукол на выставке в Доме художников г. Кемерово; 2, 3 – изготовление куклы Веснянки в библиотеке им. А. Гайдара г. Кемерово; 4 – изготовление куклы Берегини на территории музея-заповедника «Томская Писаница»; 6 – изготовление куклы Кубышки-травницы во время проведения праздника Сибирского самовара на территории музея-заповедника «Томская Писаница»

